

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

9'2006

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№9'2006

■ ПЕРВАЯ КОЛОНКА

А. Ослон

О рамке журнала "Социальная реальность" 4

Общество

■ ЗАКОН И ПРАВО

Л. Карнозова, С. Климова

Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества? 7

■ СОЦИАЛЬНАЯ ТКАНЬ

И. Шмерлина

Социальная экология соседства 32

■ СЕМАНТИКА

А. Черняков

Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона
Предпринимательство. Собственники. Государство 47

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 61

Форум

■ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Г. Любарский

Бей профессоров!
...или Демократия против эффективности 75

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

Единый архив социологических данных – новый информационный ресурс для исследовательской и преподавательской работы 91

Главный редактор
Александр Ослон

Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
“Общество”

Григорий Кертман
“Форум”

Леонид Блехер
Георгий Любарский

“Мастерская”
Иван Климов

“Цифры”
Людмила Преснякова

“Между прочим”
Анатолий Черняков

Арт-директор
Анна Данилова

Ответственный секретарь
Мария Каневская

Маркет-менеджер
Светлана Басманова

Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская

Корректор
Наталья Шарова

Оригинал-макет
Любовь Софейчук

Рисунки
Екатерина Василевская
Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
28.09.2006 г.

Адрес редакции журнала:
119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Мастерская

■ НАУКА СОЦИОЛОГИЯ

Д. Рогозин

Как правильно задавать вопросы
о социально-демографических характеристиках
респондента. *Композиция исследования*97

■ КНИЖНЫЕ ДЕБРИ

И. Климов

Загадки Шляпника, или Путешествие
в пространствах вопрос-ответной
коммуникации106

И. Климов

Выписки из книги С. Садмена и Н. Брэдберна
“Как правильно задавать вопросы”...113

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...72

Е. Вовк, И. Шмерлина

Многоженство в России?73
Капитаны бизнеса: известность и репутация90

О рамке журнала “Социальная реальность”

Как и любой журнал, “Социальная реальность” – это “площадка”, где звучат голоса пришедших на нее авторов. Но во всяком журнале существует так называемая редакционная политика, в соответствии с которой принимаются или отклоняются те или иные тексты. Иными словами, у любой редакции есть некоторые определения того, что называется рамкой журнала, и есть *правила* различения текстов, очерченных этой рамкой или оказывающихся вне ее.

Какова рамка журнала “Социальная реальность”? Ответ на этот вопрос важен прежде всего для выяснения отношений редакции с теми, кто хотел бы видеть свои тексты на страницах журнала. Но не только: он важен и для самой редакции, и для вдумчивых читателей, так как на его основе строится образ журнала, формируется представление о нем. Однако именно в нашем случае ответить на поставленный вопрос не так-то просто.

Можно было бы, конечно, сказать, что в журнале публикуется все, что связано с изучением общественного мнения. Но это не так: в прессе встречается немало материалов, основанных на опросах, и эти материалы заведомо выходят за рамку нашего журнала. К таковым относятся, например, труды интеллектуалов, занимающихся не описанием социальной реальности, а доказывающих, что она устроена правильно или, что чаще, неправильно. Здесь результаты опросов играют вспомогательную и, вообще говоря, необязательную роль, они служат для обоснования политических и идеологических умозаключений, сделанных до всяких исследований (незрелый народ, неразвитое общество, бездуховность, вечная отсталость, отсутствие политики, полицейское государство и т. д.). Для такого рода “аналитики” есть много подходящих “площадок”. Этот жанр явно находится за рамкой нашего журнала, так как в нем нарушается важный для нас принцип Вебера “свободы от оценок” и смешивается в одну кучу то, что есть, и то, что хочется видеть.

Между тем речь идет только о весьма тривиальном требовании, которое сводится к тому, чтобы исследователь отчетливо *разделял* две группы гетерогенных проблем: установление эмпирических фактов (включая выявленную исследователем “оценивающую” позицию эмпирически исследуемых им людей), с одной стороны, и *собственную* практическую оценку, то есть свое *суждение* об этих фактах (в том числе и о превращенных в объект эмпирического исследования “оценках” людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, то есть свою в этом смысле оценивающую позицию – с другой. *Вебер М.* Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке // *Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990. С. 558.

В то же время существует множество тем вроде бы вне проблематики изучения общественного мнения, определенно попадающих в рамку нашего журнала. К ним относятся, например, исследования индивидуальных и групповых ментальных конструктов, повседневной семантики, обыденных представлений и теорий, традиций, мифов и верований, социокультурных, институциональных и региональных дифференциаций, сопряжений повседневного мира с “далекими” от него мирами масс-медиа, политики, экономики и т. д. Этот список можно продолжать, но вряд ли удастся составить формальный перечень того, что *может* оказаться релевантным тематике изучения социальной реальности и рамке журнала “Социальная реальность”.

Формализованного знания, существующего в виде инструкций и описаний, всегда недостаточно – необходимо его дополнение личностным знанием. Более того, инструкции нередко только вводят в заблуждение: попробуйте понять, как обращаться, скажем, с чайником или холодильником, по описанию этих приборов. *Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб.: РХГИ, 2001. С. 28.

А ведь в рамках нашего журнала – еще и методологическая рефлексия, то есть исследования исследователей социальной реальности. Это представления исследователей об объектах исследований (о социальной реальности, об общественном мнении, о подвергаемом опросам “народе”, в конце концов), об их инструментарии (не только собственно методика опросов, но и обоснование их правомерности и правомочности) и о социальной среде их существования (рынок опросов, сообщества исследователей, запросы и потребности заказчиков и потребителей, социальные смыслы и публичность результатов) и прочее. Все это – очень важные для журнала аспекты, а отнюдь не “бантики”, как иногда их квалифицируют исследователи “из других рамок”.

...смещение в сторону как бы “методологических вопросов”, призывы к саморефлексии социальных ученых означают только одно: предложение заняться обсуждением второстепенных вопросов, “бантиков”. *Гудков Л.Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // Пути России: проблемы социального познания. М.: МВШСЭН, 2006. С. 27.*

Получается, что невозможно четко очертить рамку журнала. Впрочем, так всегда бывает, если речь идет об описании *парадигмы*, – а я утверждаю, что именно это понятие лежит в основе журнальной рамки. Но вкладываю в него не тот смысл, который вложил в него Томас Кун в первом издании своей знаменитой книги, вышедшей в начале 60-х годов (“*Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений*”), а тот, который он придал этому понятию в дополнении к ее переизданию, датированном 1969 годом.

Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. *Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 226.*

При таком взгляде на журнал “Социальная реальность” его рамка – это, во-первых, *то*, что получается в результате работы тех, кто его делает, и, во-вторых, сами *те*, кто делает журнал.

Обратимся к первому – то есть к уже вышедшим выпускам журнала; налицо довольно большой корпус текстов (у кого нет под рукой всех вышедших номеров, загляните на сайт www.socreal.ru – там все они выложены), и его внимательный анализ даст в первом приближении представление об элементах *дисциплинарной матрицы* сообщества, делающего журнал.

“Дисциплинарная матрица” – еще один термин Т. Куна, обозначающий то общее, что связывает работающих в одной парадигме исследователей. Он “вписывал” в дисциплинарную матрицу четыре главных элемента.

А) “Символические обобщения” – формализованные конструкции, обозначения, определения и т. д., используемые сообществом без разногласий. Б) “Метафизические парадигмы” – принятые на вооружение концептуальные модели и представления. В) “Исследовательские ценности” – разделяемые сообществом определения хорошего и плохого исследования, текста и т. д. Г) “Образцы” – признаваемые авторитетными примеры исследований, подходов, методик и т. д., словом, все, что составляет “неявное знание” сообщества. *Кун Т. Там же. С. 234–240.*

Что касается авторов журнала, то они образуют сообщество хотя бы потому, что большинство из них работают в Фонде “Общественное мнение”. Кому-то может показаться, что журнал “Социальная реальность” – корпоративное издание. Это неверно, так как “сообщество журнала” будет расширяться. Но происходить это будет медленно, по мере того как в складывающуюся рамку журнала будут вписываться новые авторы – так сказать, “свои по парадигме”.

Александр Ослон
президент Фонда “Общественное мнение”,
главный редактор журнала

OFFICE

Л. Карнозова, С. Климова

Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества?

*Мудрость суждения всегда должна практиковаться сообща;
приговор мудрости всегда должен выноситься сообща.*

П. Рикер

...Они [присяжные] имеют какую-то власть разобратся.

Реплика участника фокус-группы

Суд присяжных в России в эпохи великих реформ

Ре-форма: назад в будущее

Законом РФ от 16 июля 1993 года в России возрожден институт суда присяжных¹.

Прообразом нынешней модели суда присяжных стала процедура с участием присяжных заседателей в дореволюционной России. Впервые суд присяжных был учрежден в нашей стране Судебными уставами 1864 года. Он стал в каком-то смысле символом, “венцом” судебной реформы, осуществленной после отмены крепостного права и явившейся одним из важнейших общественных преобразований того времени [Джаншиев]. Просуществовал такой суд до Октябрьской революции 1917 года.

Правовые акты, касающиеся суда присяжных

Право на суд присяжных закреплено в Конституции РФ (ч. 2, ст. 20; ч. 2, ст. 47; ч. 4, ст. 123), принятой в декабре 1993 года. Его принадлежность российской судебной системе отражена в Федеральном конституционном законе “О судебной системе Российской Федерации” (от 23 октября 1996 года) и в Федеральном конституционном законе “О военных судах РФ” (23 июня 1999 года). Процедура рассмотрения дел закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ); участие граждан РФ в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей устанавливается Федеральным законом “О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации” (20 августа 2004 года).

КОММЕНТАРИЙ

¹ Закон РФ “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” (Ведомости Съездов народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313).

В XIX веке суд присяжных бурно обсуждался в обществе и в среде юристов. Современники описывают эти дебаты и борьбу его сторонников и противников как настоящую войну.

Сейчас, после возрождения в России суда присяжных, возобновились и споры об осмысленности и эффективности этой формы судопроизводства. Предмет нашего исследования – мнения рядовых, не обремененных юридическими знаниями граждан о суде присяжных. Но сначала вкратце приведем точки зрения профессиональных юристов. Их аргументы – практически те же, что и более ста лет назад².

Аргументы противников: суд присяжных – это суд эмоций, суд толпы; судить должны не дилетанты, а профессионалы; здесь существенно снижается значимость позиции профессионального судьи, он оказывается в роли стороннего наблюдателя, не влияющего на принятие решения.

Аргументы сторонников: “простой человек” в состоянии разобраться в фактической стороне преступления и адекватно оценить меру виновности

О составе суда присяжных и разграничении полномочий

КОММЕНТАРИЙ

Суд присяжных действует в составе председательствующего (профессионального судьи) и коллегии присяжных заседателей, состоящей из двенадцати (комплектных) присяжных, которые выносят вердикт. Кроме того, для слушания дела отбираются два или более запасных присяжных; в случае, если кто-то из комплектных присяжных выбывает, его место занимает запасной. Вердикт о виновности или невиновности подсудимого выносится коллегией присяжных заседателей самостоятельно. Руководит процессом председательствующий, который решает все юридические вопросы и на основании вердикта присяжных выносит окончательный приговор. В случае установленной вердиктом виновности судья квалифицирует деяние и назначает наказание.

В отличие от США, где вердикт предполагает лишь конечное решение вопроса о виновности, российский вердикт представляет собой ответы коллегии присяжных на сформулированные председательствующим по согласованию со сторонами вопросы вопросного листа, в соответствии с которым присяжные определяют: 1) доказанность инкриминируемого деяния, 2) доказанность факта, что его совершил именно подсудимый, и, наконец, 3) виновность подсудимого в совершении этого деяния. Кроме того, присяжным предлагаются частные вопросы об обстоятельствах, влияющих на квалификацию деяния. В случае вынесения обвинительного вердикта присяжные решают, заслуживает ли подсудимый снисхождения, что оказывает влияние на назначение судьей наказания. Вопросы ставятся без использования юридической терминологии.

В соответствии с УПК РФ присяжные могут участвовать в осмотре вещественных доказательств и документов, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, вести записи, просить председательствующего разъяснить им нормы закона и другие неясные для них вопросы и понятия. Если в ходе судебного заседания возникает вопрос, получено ли то или иное доказательство с нарушением закона, что требует чисто юридической оценки со стороны председательствующего, для его решения присяжных просят удалиться. Согласно закону перед присяжными предстают только допустимые доказательства, в противном случае у них может сложиться впечатление о виновности подсудимого на основе материалов, не имеющих юридической силы.

Правовая конструкция ориентирована на минимизацию предубеждений присяжных и сохранение беспристрастия. Это обеспечивается случайной выборкой и многоступенчатым отбором присяжных заседателей, невозможностью предварительного ознакомления с материалами дела, запретом предъявления в судебном заседании недопустимых доказательств и сведений, порочащих личность подсудимого, например данных о прежней судимости, и т. п.

² Подробнее анализ позиций отечественных юристов, а также проблем введения суда присяжных, обусловленных нерешенностью ряда правовых вопросов и особенностями профессионального юридического правопонимания, см.: [Карнозова].

подсудимого, для этого не требуется каких-то особых юридических знаний; суд присяжных обеспечивает полноценную состязательность, здесь устраняются объективные и субъективные основания для слияния судебной и обвинительной функций; у профессионального судьи в силу привычки формируется обвинительный уклон, в то время как присяжные рассматривают дело как уникальный случай и опираются в своем решении на совесть и мораль – категории, не значимые для юридического профессионализма; на присяжных не давит уголовная политика, судебная практика, на них не воздействует вышестоящая инстанция – они независимы [Пашин].

Как и в XIX веке, введение суда присяжных в рамках судебной реформы 90-х годов века 20-го стало одной из наиболее радикальных инноваций [Концепция судебной реформы в Российской Федерации]. Ключевая установка реформаторов состояла в том, что именно с введением практики суда присяжных отечественное уголовное судопроизводство из института государственной репрессии превратится в институт подлинного правосудия, суд станет независимым; это позволит разрушить кажущуюся “естественной” государственную монополию в данной области³ и сделать правосудие институтом общественно-государственным. В конструкции суда присяжных находит воплощение идея суда-какового – самостоятельного института, а не инструмента в руках власти.

Идеи его возрождения в России (Советском Союзе) достаточно активно обсуждались либерально настроенными юристами [Мысли о правосудии. С. 4–6; Петрухин; Морщакова] и некоторыми правозащитниками [Сокирко] по крайней мере с конца 80-х годов прошлого века. Во время перестройки, важнейшим лозунгом которой стало “построение правового государства”, эти идеи снова стали востребованными: правовое государство немислимо без независимого суда. Наличный судейский корпус не может автоматически изменить свои установки и обыкновения, и суд присяжных представлялся реформаторам наиболее действенным инструментом обеспечения независимости.

Компетенция суда присяжных

Новый российский суд присяжных начал действовать в конце 1993 года. Ему подсудны по ходатайству обвиняемого все дела, рассматриваемые по первой инстанции областными и приравненными к ним судами. Обвиняемому принадлежит право выбрать между профессиональным судом и судом присяжных. Концепция судебной реформы, одобренная Верховным Советом РСФСР в 1991 году, предусматривала право на суд присяжных по всем категориям дел, где подсудимому грозил срок лишения свободы свыше одного года, то есть и для районных судов [Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 81]. Но принятый в 1993 году Закон о суде присяжных стал своего рода компромиссом между сторонниками и противниками этого института, отдав на его рассмотрение лишь дела о наиболее серьезных преступлениях.

Суд присяжных вводится в России поэтапно. До 2002 года он был лишь в девяти областных (краевых) судах, в настоящее время суд присяжных действует во всех регионах, кроме Чечни. В Чеченской Республике в соответствии с законом он начнет действовать с 2007 года.

КОММЕНТАРИЙ

³ Ср.: “Советская государственная система характерна тем, что функция правосудия имеет в определенном смысле производный и подчиненный характер по отношению к высшей государственной власти” (Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1981).

Двенадцать лет спустя

Рожденный на высоком эмоциональном подъеме – как противников, так и сторонников, – сегодня суд присяжных вызывает и у первых, и у вторых скорее раздражение. Противники недовольны оправдательными приговорами и вообще излишней, на их взгляд, самостоятельностью этого суда. Но избавиться от него непросто – не позволяют конституционные нормы.

Сторонники же разочарованы тем, что старая система постепенно поглощает инородный элемент, каковым суд присяжных так и остался, не получив достаточной поддержки для полноценного развития. И хотя почти десятилетнее замораживание его распространения (до 2003 года он действовал лишь в 9 регионах России) прекратилось и сегодня этот институт существует во всех, кроме Чечни, субъектах Российской Федерации (чему в немалой степени способствовали решения Конституционного Суда РФ), он становится все более управляемым и манипулируемым. Неприятие суда присяжных судебной корпорацией в немалой степени способствует этим процессам. И развиваются они на фоне того, что в соответствии с принятым в 2001 году новым Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) общественность почти полностью отстранена от участия в правосудии. Институт народных заседателей ликвидирован (хотя надо признать, что в советские времена он выполнял большей частью декоративную функцию), а присяжные допускаются к участию в незначительной доле всех уголовных процессов – лишь по делам, которые рассматриваются по первой инстанции в областных судах (краевых, верховных судах республик); да и то готовятся законодательные предложения о сужении его компетенции. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2005 году судами присяжных рассмотрено около 600 дел, что составляет 12% от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами областного звена, и около 0,05% (!) всех уголовных дел, рассмотренных по первой инстанции судами общей юрисдикции⁴.

Основная масса дел рассматривается без какого-либо участия представителей общества, причем большая часть – судьей единолично. Участие в правосудии представителей населения в других ролях – общественных обвинителей, общественных защитников или представителей общественности по делам в отношении несовершеннолетних – тоже не предусмотрено новым законом. Так что сегодня правосудие в России все больше монополизировано государством.

Глазами граждан

Смысл суда присяжных

После десятилетий господства советского права (неправа [Нерсесянц]) суд присяжных, сменивший неоинквизиционный процесс, где судебная функция фактически сводилась к обвинительной, стал для России школой современного пра-

⁴ По данным статистической отчетности, в 2005 году судами общей юрисдикции рассмотрено по первой инстанции 1 миллион 148 тысяч уголовных дел в отношении 1 миллиона 263 тысяч лиц. Из них: судами областного звена – 5,2 тысячи дел (в том числе около 600 – судом присяжных), районными судами – 722 тысячи дел, мировыми судьями – 421 тысяча дел (см.: www.cdep.ru).

восудия. Он предложил модель другого процесса, другого суда – *рассуживающего*, а не обвиняющего. В этом состояла идея трансформации нашего суда, в этом же и граждане видят роль суда земного, человеческого. Во время групповых дискуссий такую мысль озвучивали многие участники⁵.

“Есть осуждение человека – это оставить на волю Бога; а есть обсуждение ситуации, которую он совершил. То есть ситуацию надо обсуждать, судить, а не человека осуждать. То есть обсуждать надо, а не судить, вот я про что сказала. А если он убил – конечно, нужно изолировать его от общества” (ДФГ, Самара).

Исходно суд присяжных мыслился как действенный институт гражданского общества. В связи с небольшой, но уже получившей широкий резонанс практикой работы современных судов присяжных возникает множество вопросов, связанных со значением этого суда для осознания обществом самого себя в качестве субъекта права. Вот лишь некоторые из них.

- Как связаны, как соотносятся представления о законе и справедливости?
- Есть ли у российских граждан понятие о суверенитете народа и о возможности отправлять правосудие через своих представителей как об одной из форм суверенитета?
- Является ли ценностью право “обычных” людей вершить правосудие – либо население страны готово делегировать это право “верхам” или “специалистам”?
- Верят ли люди в принципиальную возможность объективности суда присяжных? Если да, значит, население поймет и примет “правду” решения суда

⁵ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 28 марта 2006 года.

присяжных, даже если она не будет совпадать с “истиной”. “Истину мы познаем, а правду понимаем” [Знаков. С. 95]. В основе такого принятия и понимания – конгруэнтность восприятия и оценок тех, кто судит, и тех, кто наблюдает со стороны.

Хотя конструкция суда присяжных довольно сложна и предполагает не “народный суд”, а разделение компетенции профессионального и непрофессионального субъектов правосудия в рамках определенной правовой формы, смысл и значение этого института оцениваются в первую очередь именно исходя из сопоставления профессионального и непрофессионального суда.

Основные составляющие принятия судебного решения – восприятие хода судебного процесса и доказательств, их оценка, формирование внутреннего убеждения. Как показывают социально-психологические исследования, никакого “чистого” восприятия не существует; восприятие опосредовано категориями, организующими наше сознание и мышление, ценностями, социальными установками и стереотипами, опытом, предубеждениями, особенностями ситуации, в которой оно происходит, позицией воспринимающего. Принципиальное различие между восприятием профессионального юриста и “обыкновенного человека” и состоит именно в этих формах опосредования, которые позволяют нам разделить в правосудии юридическое познание и “человеческое” понимание.

В первом случае перед профессиональным судьей предстает *лицо* (юридическая проекция человека), обвиняющееся в совершении *преступления*; юридическое познание состоит в *решении задачи* на определение состава преступления. Личность подсудимого замещается *субъективной стороной как элементом состава преступления*, которая определяется путем приписывания лицу его намерений и состояний, исходя из юридической картины мира, то есть определенного рода предметной идеализации. И закон как юридическая конструкция опирается на такое формализованное представление – о ситуации, о человеке, о связи явлений и событий.

Во втором случае перед человеком предстает *другой человек*, поступок которого воспринимается и оценивается по меркам здравого смысла и норм человеческого общежития, но особенность ситуации – в том, что от такого суждения зависит судьба этого *Другого*.

Профессионализм первых определяется умением решать соответствующие задачи, соотнести доказательства с абстрактными схемами и нормами; в участии вторых правосудие нуждается в силу необходимости рассмотреть “каждый случай по его индивидуальности” [Митгермайер. С. 514]. И даже если формально закон нарушен, присяжные решают, могут ли они упрекнуть нарушившего его человека. И только в этом случае говорят: “виновен”⁶. В этой ситуации оппозиция между универсализмом законов и уникальностью суждений о конкрет-

⁶ “Уголовно-правовая формула суда присяжных выражается в упречной концепции вины. Мало установить, что деяние совершено подсудимым с умыслом или по неосторожности; судья должен прежде, чем объявит обвиняемого преступником, спросить себя, а может ли он от имени государства и общества упрекнуть его в содеянном. Если ответ отрицательный – обвиняемый должен быть оправдан, хотя формально его действия и содержат «состав преступления» [Пашин. С. 53]. Такой принцип не может быть реализован “судом юристов”, где виновность устанавливается хоть и “по внутреннему убеждению”, но тем не менее жестко формализованно.

ном случае снимается благодаря ценностным представлениям, аккумулированным в понятии “совесть”⁷.

“1-й участник: Ну, вот вы понимаете, человек – он судит. У него просто-напросто, как сказать, эмоции просто должны отсутствовать, должна быть только одна совесть. К сожалению, так чаще всего не бывает. Вот она, совесть, вот как ты думаешь, как ты воспитан – вот она и совесть.

2-й участник: Наверное, знание законов, а не совесть.

1-й участник: Нет, законы – это другое. И совесть должна присутствовать. Есть такая хорошая поговорка: закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло. Когда я говорю «присяга закону», это действительно абсурд получается. Потому что закон – это дышло, вот его всячески можно повернуть.

3-й участник: Я полностью поддерживаю это мнение.

4-й участник: Я тоже поддерживаю” (ДФГ, Новосибирск).

“Участник: Эмоции – это не недостаток на самом деле.

Модератор: Почему?

Участник: Потому что мне кажется, что это предполагает какую-то вовлеченность чисто человеческую на эмоциональном уровне, соучастие в судьбе человека” (ДФГ, Москва).

Данные массовых опросов и материалы дискуссий на фокус-группах показывают, что представления о суде присяжных встроены в ценностно-нормативные представления, связанные с понятиями “справедливость”, “Бог”, “правда”, “совесть”. Однако связь понятия “суд присяжных” с этими предельными ценностями не однозначна. Анализ ассоциаций участников фокус-групп с понятием “суд присяжных” показывает, что оно существует в противоположных смысловых полях⁸.

В частности, это понятие связывается и с “жизненным миром” (“обсуждение ситуации”, “обсуждение человека”, “милосердие”), и с миром власти (“мантня”, “официальность”, “приговор”, “вердикт”).

Присутствует, с одной стороны, представление о “правде” суда присяжных (“гуманность”, “справедливость”, “власть разобраться”), а с другой – о его нечестности (“нет доверия”; “ложь, фальшь”, “все покупается и продается”; “взятки”).

Для одних людей суд присяжных – “свой”, близкий и понятный (“улица”, “двор”, “дискуссия”), для других – “чужой”, привнесённый чуждой культурой и нравами (“Запад”, “кинофильмы”, “незнакомое в сущности”).

В ходе дискуссий эти ценностные маркировки находили обоснования и получали развитие. Так, симметричной к дихотомии “жизненный мир” и “мир власти” является оппозиция понятий “справедливость” и “закон”.

“Модератор: Скажите, а почему суд присяжных называется именно «присяжным», как вы это понимаете?

⁷ Совесть, в соответствии со словарем В. Даля, это нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; способность распознавать качества поступка; чувство, побуждающее к истине и добру и отвращающее от лжи и зла [Даль].

⁸ По заданию модератора участники фокус-групп писали, какие ассоциации вызывает у них понятие “суд присяжных”.

Участник: *Присягают на верность Фемиде – быть беспристрастным в суждениях своих; судить по-человечески, не по закону*” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Мало судить только трезвой головой. Даже в Библии написано, что милость превозносится над судом. Люди могут смотреть, что произошло, не однозначно рубить: виновен, за решетку его!*

2-й участник: *Я написал три понятия [ассоциации с судом присяжных]: «народ», «вердикт» и «милосердие». «Народ» – потому что глас народа – это глас Божий. И «милосердие» – потому что именно собрание независимых, неподкованных людей, на мой взгляд, гораздо более способно вынести мягкий приговор или вообще оправдать человека на основании естественных доказательств, нежели наши судьи*” (ДФГ, Москва).

По ходу дискуссии о том, является ли суд присяжных новомодной западной штучкой, не укорененной в отечественной традиции, или же имеет в России свою историю, участники обсуждения приходят к мысли, что это институт, учрежденный в новое время в связи с ориентацией общества на демократические ценности. Впрочем, некоторые респонденты припоминали, что такие суды были и до революции, хотя и затруднялись определить, когда именно они были введены.

“1-й участник: *Это с Запада взяли – суд присяжных, у нас же не было его.*

2-й участник: *В России был до революции.*

1-й участник: *А декабристы были как?..*

3-й участник: *Нет, тогда, по-моему, не было такого суда.*

Модератор: *А как вы думаете, почему возобновился суд присяжных?*

3-й участник: *Ну, как бы необходимость у гражданского общества.*

4-й участник: *А по-моему, это работа правозащитников. Они на этом настаивали в основном. Насколько я помню, судебная власть очень сильно отбивалась от этого*” (ДФГ, Москва).

Вопрос, насколько традиционен этот институт в России, не является второстепенным. Определение его истоков позволяет прояснить, в какой контекст можно было бы поместить мнения об этой социальной практике: в контекст “власти”, “политики”, “закона” или в контекст “правды” и “человечности”. Дихотомией этих двух контекстов во многом определяется доверие либо недоверие россиян суду присяжных.

Доверие суду присяжных

Опросы, проводимые Фондом “Общественное мнение”, неизменно показывают низкие оценки работы судов и низкую популярность суда как правозащитного института в целом. Так, на вопрос: “Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?” почти половина респондентов – 46% – ответили: “отрицательно”⁹. Положительно оценивает работу российских судов и судей почти вдвое меньшая доля россиян – 26%. Довольно многие – 28% – затруднились ответить на этот вопрос. Участвовавшие в судебных разбирательствах в той или иной роли – ответчика, истца, подсудимого, потерпевшего, свидетеля – реже затрудняются с оценкой работы судов

⁹ Общероссийский опрос населения от 9–10 октября 2004 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	30	68
Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?			
Положительно	26	25	26
Отрицательно	46	56	42
Затрудняюсь ответить	28	19	31

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	27	68
Как Вы думаете, суды присяжных заслуживают большего доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, меньшего, или такого же доверия?			
Большого	30	34	28
Такого же	19	17	20
Меньшего	21	26	19
Затрудняюсь ответить	30	23	33

и судей, и оценка эта чаще, чем в среднем, отрицательная. Впрочем, и те, кому повезло избежать тягостных хождений по судам, тоже считают их работу скорее плохой, чем хорошей (табл. 1).

Мнения россиян об отечественных судах и судьях и соответствующие установки сформированы главным образом социальным опытом (личным и чужим) [Климова]. Может быть, практика работы судов присяжных показала, что они заслуживают большего доверия, чем суды без участия присяжных? Судя по нашим данным¹⁰, отношение россиян к суду присяжных неоднозначно: по мнению 30% опрошенных, эти суды заслуживают большего доверия, чем те, в которых решения о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, по мнению 21% – меньшего; остальные либо затрудняются отдать предпочтение той или иной модели судопроизводства (30%), либо полагают, что те и другие суды заслуживают доверия в равной мере (19%).

Для того чтобы сравнить “профанные” и “компетентные” мнения, вновь сопоставим оценки тех, кто был, и тех, кто не был участником судебных разбирательств в той или иной роли.

Как видно из табл. 2, респонденты, участвовавшие в судебных процессах, высказываются более уверенно, но соотношение между теми, кто считает, что суды присяжных заслуживают большего доверия, и теми, кто придерживается противоположной точки зрения, в обеих типологических группах примерно

¹⁰ Общероссийский опрос населения от 1–2 апреля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылок.

одинаковое – 3:2. Довольно много в обеих группах и затруднившихся с ответом. Видимо, в обществе еще не сформировались доминирующие оценки института суда присяжных. Еще нет достаточного числа “громких” судебных процессов с их участием, которые позволили бы людям судить о том, насколько эффективен этот институт. Но в обеих группах – и среди тех, кто был участником судебного разбирательства, и среди тех, кто не был, – имеющие определенное мнение “авансом” склонны доверять суду присяжных больше, чем обычному суду.

Участникам массового опроса, высказавшимся в пользу той или иной судебной процедуры, задавался открытый вопрос: *“Почему Вы думаете, что суды присяжных заслуживают большего (меньшего) доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья?”*

Респонденты, доверяющие суду присяжных больше, чем обычным судам, чаще всего полагают, что он **честнее, объективнее, независимее, меньше подвержен коррупции** (13%).

Вот некоторые высказывания на эту тему: *“обычный суд – это сталинская тройка, что хотят, то и творят”*; *“присяжные более объективны”*; *“суд зависит от власти”*; *“в судах возможны взятки – присяжным дать взятку проблематично”*.

Присутствует эта тема и на фокус-группах.

1-й участник: *Беспредел судебный никого не устраивает. Суд присяжных – это абсолютно независимая инстанция, в отличие от суда, который может быть от чего-то зависим.*

2-й участник: *В каждом городе существует правящая верхушка, куда входит горсовет, прокурор, пятое-десятое. Судья от них крайне зависит, дров не дадут или что-нибудь такое. Присяжные – люди сравнительно независимые* (ДФГ, Москва).

“Там [в суде присяжных] телефонное право отсутствует полностью. Чиновника могут послать по телефону, и все” (ДФГ, Самара).

“Если судит один судья, с ним можно договориться, купить. Сложней, наверное, все-таки купить присяжных” (ДФГ, Новосибирск).

В судах присяжных решение выносится не одним человеком, а коллективом, в котором взвешиваются все аргументы “за” и “против” (9%).

Респонденты из числа участников массового опроса говорят: *“ум хорошо, а десять – лучше”*; *“больше мнений, больше обсуждений совместных приводит к чему-то более справедливому”*; *“разбирают ситуацию с разных точек зрения”*.

Участники фокус-групп, склонные доверять суду присяжных больше, чем обычному суду, тоже обращают внимание на то, что такой суд – гласный и демократичный, что случайно оступившиеся люди получают шанс на сострадание.

“Суд присяжных более демократичен. У нас в стране можно человека осудить за украденное ведро картошки – он будет сидеть как уголовный преступник. Потом, это в определенной степени гласность и общедоступность: если идет суд присяжных, заседания открытые, меньше шансов подтасовки каких-то фактов” (ДФГ, Самара).

Суд присяжных справедлив и “человечен” – в противоположность “бесчеловечному” формальному суду (1%). Высказываний типа “у них есть сострадание, они не привязаны к Уголовному кодексу”; “они судят по справедливости, а судья – по закону, не вникает в обстоятельства” немного. Однако есть основания предполагать, что если бы респондентов прямо спросили: “Суд присяжных более справедлив или менее справедлив, чем суд, где решение выносит профессиональный судья?” – многие сочли бы первый более справедливым. Основания для такого предположения мы находим, в частности, в другом исследовании Фонда “Общественное мнение”. В 2001 году задавался открытый вопрос: “Как Вы понимаете выражение «суд присяжных»? Что оно означает?” Отвечая на него, 5% респондентов прямо указали на большую справедливость суда присяжных¹¹.

В ходе опроса, проведенного 9–10 октября 2004 года и посвященного оценке работы обычных судов, с утверждением “в России суды часто выносят несправедливые приговоры” согласились 47% опрошенных, а с утверждением “несправедливые приговоры выносятся редко” – вдвое меньше респондентов (24%).

Оппозиция “человечность – формализм” присутствует и на фокус-группах. “Даже в Библии написано, что милость превозносится над судом. Люди могут по-человечески...Даже если человек совершил преступление, смотреть, что произошло, неоднозначно рубить, что виновен – его за решетку” (ДФГ, Москва).

Суд присяжных – это шаг к построению гражданского общества. Лишь немногие участники массового опроса воспринимают суд присяжных как элемент гражданского общества. Их точка зрения не слишком отчетливо артикулирована, и главное – они не столько говорят о гражданственности как об участии в общем деле, сколько противопоставляют гражданственность закону (“потому что не только с точки зрения закона, но и с гражданской точки”).

На дискуссионных фокус-группах высказывания на тему “суд присяжных – это элемент гражданского общества” тоже были слабо аргументированы. Участники дискуссий, связывающие суды присяжных с гражданским обществом, лишь обозначали эту связь. Такая неартикулированность проблемы неудивительна: СМИ уделяют этой теме довольно мало внимания, поэтому “человеку с улицы” негде взять аргументы в пользу этой позиции, да и о том, что такое гражданское общество, участники дискуссии, похоже, имеют смутные представления.

“Мне кажется, это какой-то шаг к построению гражданского общества” (ДФГ, Москва).

Но есть и достаточно жесткие позиции, обосновывающие зависимость права человека стать присяжным заседателем от его гражданской активности.

1-й участник: *Вот, кстати, один из вариантов ценза: за несколько выборов посмотрите, кто не ходил на выборы, – и их отсеять сразу.*

2-й участник: *...Это несправедливо.*

1-й участник: *Это не граждане. Это не граждане, это просто жители!* (ДФГ, Москва).

¹¹ Общероссийский опрос населения от 15–16 ноября 2001 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

На фокус-группах звучала точка зрения, не проявившаяся в ходе массового опроса: **суды присяжных в состоянии заставить судебную систему в целом работать более эффективно.**

“Надо повысить уровень работы прокуратуры. Если они знают, что они не представят достаточно доказательств на суде, то они проиграют этот процесс, значит, они будут работать в 100 раз лучше, чтобы нарыть доказательства” (ДФГ, Москва).

Участники массового опроса из числа тех, кто доверяет суду присяжных *меньше*, чем судам, где решение о виновности либо невиновности выносит судья, высказывали следующие обоснования своего мнения.

Судить должны профессионалы, а не “люди с улицы”, у которых нет необходимых знаний, опыта (9%).

“Люди из народа не все соображают в судебных делах”; “люди, не имеющие юридического образования, не могут судить”. За этими высказываниями – противопоставление экспертного и профанного знания.

На эту проблему первыми обратили внимание социологи П. Бергер и Т. Лукман, впоследствии она затрагивалась в трудах А. Шюца, К. Мангейма, Э. Гидденса [Климов]. Дело в том, что люди, с одной стороны, с готовностью признают обоснованность, “солидность” экспертного знания и готовы делегировать экспертам принятие жизненно важных решений, а с другой стороны – понимают, что при решении каких-то вопросов “житейская мудрость” бывает важнее формальной логики. Автор обзора работ упомянутых ученых подчеркивает, что это социальное знание представляется мифологичным, неповоротливым, неполным, но оно позволяет людям чувствовать, что они живут друг с другом и друг для друга. Отказ от правомерности использования “житейской мудрости” для принятия важных решений, в данном случае – решений о судьбах других людей, это, по существу, отказ от одного из базовых суверенных прав. Мировоззренческий конфликт между убеждением в том, что обычные люди не вправе судить, и противоположным убеждением – что именно они могут вынести правосудное решение, проявился на фокус-группах.

“1-й участник: *Там некомпетентных много людей и выносят решения не объективные.*”

2-й участник: *Я согласен, много неподготовленных людей.*

1-й участник: *Там не специалисты и юридически не очень-то образованные люди”* (ДФГ, Москва).

Противоположная точка зрения.

“Я... за [суд присяжных]. Потому что двенадцать – это больше чем судья, прокурор и народные заседатели... Люди разные. Все поймут, оценят...” (ДФГ, Новосибирск).

Суды присяжных заслуживают меньшего доверия, потому что они руководствуются не знанием юридических законов, а эмоциями (4%). Фактически это та же тема “необъективности” суда присяжных. Вот типичные высказывания: *“простые люди – милосердные, а милосердие здесь не выход”; “присутствует не юридический, а человеческий фактор – жалость”; “решения выносят необъективно, а нужно – по заслугам”.*

В эмоциональности “людей с улицы” видят недостаток суда присяжных и некоторые участники фокус-групп.

“1-й участник: *И много эмоций может быть.*”

2-й участник: *Все-таки надо как-то выносить вердикт ближе к букве закона, но не руководствоваться эмоциями, жалостью – или наоборот”* (ДФГ, Москва).

Присяжных легче, чем судей-профессионалов, подкупить, запугать, оказать на них давление (3%). Участники массового опроса говорят: *“взятничество там еще хуже”; “на присяжных можно влиять, давить”*.

Такого же мнения придерживаются и некоторые участники фокус-групп, которые считают, что присяжные более управляемы, чем профессиональные судьи.

“Мне кажется, они [присяжные] гораздо более управляемые. И если сказать им завтра: извини, если ты хочешь завтра продолжать сюда ходить и быть пожизненным присяжным, то давай, будь добр, принять такое решение” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Посторонние люди, видя присяжных, могут их отвести в сторону и поговорить с ними.*”

2-й участник: *Пригрозить могут.*

3-й участник: *Преступность может влиять и на присяжных.*

1-й участник: *У нас нет защиты присяжных.*

4-й участник: *Мы все зависимые люди у нас в России”* (ДФГ, Москва)

“У нас может быть коллективный сговор – нас купили. И спокойно это проходит. А вы ничего не можете сделать” (ДФГ, Новосибирск).

На фокус-группах высказывались также аргументы против суда присяжных, которые не встретились в высказываниях участников массового опроса. Они, возможно, не очень широко распространены в обществе, но могут звучать убедительно, когда находят напористых сторонников.

В стране нет гражданского общества, люди не готовы к введению суда присяжных. Скептики из числа участников фокус-групп говорят, что суду присяжных нельзя доверять, потому что в обществе не сформированы базовые ценностно-нормативные представления. Предполагается, что формировать, транслировать и культивировать эти нормы и ценности должны институты гражданского общества, которых в России сегодня нет. Примечательно, что по мнению автора размышлений о суде присяжных как институте гражданского общества, формировать это общество должны власти; и только после этого можно вводить суды присяжных.

“1-й участник: *На данный момент я лично считаю, что этот институт – он, может, даже и вредный. Не готово общество к его наличию пока.*”

2-й участник: *Эти суды присяжных отражают незрелость гражданского общества. <Незрелость> во всем: на бытовом уровне, на уровне понимания законов, их реализации, ответственности за их нарушение. Референдум за введение смертной казни пройдет на ура, несмотря на протест юристов. Поэтому суды присяжных нужны, но нужно и нашему правительству работать денно и нощно над созданием гражданского общества, только тогда суды эти будут сбавывать.*

3-й участник: *Надо строить гражданское общество, чтобы в итоге уже суд как бы и не нужен был бы, потому что действительно, люди, кото-*

рые уважают друг друга, никогда не пойдут на... допустим, плевать другу другу в ноги” (ДФГ, Самара).

Идея, что гражданское общество может формироваться в ходе складывания самой практики суда присяжных, не нашла активной поддержки у участников дискуссий. Хотя и такое мнение звучало.

“1-й участник: *Не ждать же, когда возникнут какие-то условия.*

2-й участник: *...рано еще.*

1-й участник: *А всегда будет рано, всегда будет рано” (ДФГ, Москва).*

В основном же в обсуждениях на фокус-группах звучали сомнения в том, что суд присяжных может быть эффективным в нынешней России. И как бы подтверждая приведенное высказывание о незрелости нашего гражданского общества, участники обосновывали свое недоверие суду присяжных следующими аргументами.

Люди из народа не могут судить, потому что все аморальны.

“В России все воруют. И что у нас будет, получится тогда? Воры будут судить воров – интересная ситуация. Или убийцы будут судить убийц” (ДФГ, Самара).

В присяжные идут затем, чтобы получать деньги за “легкую работу”.

“Кто идет в суд присяжных? Вот жажда у них обостренная справедливости, да? Просто люди, которые хотят получить от государства какую-то сумму денег за, в общем-то, несложную работу, посидеть и послушать, как происходит” (ДФГ, Самара).

Участвовать в судопроизводстве – значит нарушать христианскую заповедь “не суди”.

“1-й участник: *Как мы, грешные люди, будем наказывать от своего общества людей? Судья, который судит преступника, он не является ли преступником?*

2-й участник: *Есть такая поговорка: не суди – и не судим будешь” (ДФГ, Новосибирск).*

Отвечая на открытый вопрос о причинах меньшего доверия к суду присяжных, участники упоминавшегося массового опроса изредка говорили об имевших место в последнее время прецедентах – **сомнительных решениях присяжных заседателей** (1%). Вот примеры таких высказываний: *“на основе суда Череповца, где присяжные оправдали убийцу”;* *“это доказывается приговором над убийцами таджикской девочки”.*

Сомнения в честности и справедливости суда присяжных – это, по существу, сомнения в том, что среди двенадцати случайно отобранных “людей с улицы” большинство окажутся настолько нравственными, что им можно будет доверить судьбу другого человека. Каждое сомнительное решение присяжных будет увеличивать число скептиков. Обсуждение темы суда присяжных на фокус-группах не могло обойтись без конкретных примеров. Посмотрим, к каким выводам эти конкретные примеры приводили участников дискуссий.

Оценки приговоров, вынесенных судами присяжных

О суде присяжных наши сограждане до недавнего времени могли составить представление лишь по западным фильмам. Сегодня судебные процессы

с участием присяжных проводятся регулярно и нередко широко освещаются СМИ. Однако только 32% участников опроса утвердительно ответили на вопрос, слышали ли они в последнее время о каких-либо судебных процессах с участием присяжных; больше осведомленных оказалось среди людей с высшим образованием (47%) и москвичей (41%). Не слышали ни о каких судебных процессах с участием присяжных большинство наших сограждан – 57%; среди людей, не имеющих среднего образования, доля неосведомленных еще выше – 71%. Плохо информированными оказались и самые бедные россияне (в группе с доходом до 2000 рублей на члена семьи в месяц – 62%).

На просьбу назвать конкретные процессы с участием присяжных треть участников массового опроса не откликнулись – не смогли ничего припомнить, а среди остальных многие либо упоминали телепередачи по правовым вопросам, либо называли процессы, проходившие без участия присяжных. Впрочем, это не означает, что они ничего не знают о “громких делах” последнего времени. Просто люди не акцентируют внимания на том, кто именно выносит решение о виновности подсудимого: судья или присяжные. Сравним две цифры. Отвечая на этот открытый вопрос, назвали процесс в Санкт-Петербурге по делу об убийстве таджикской девочки 11% респондентов. А когда спросили: *“Вы слышали или не слышали о решении суда присяжных в Санкт-Петербурге по делу об убийстве таджикской девочки? Если слышали, то считаете это решение справедливым или несправедливым?”* – только 33% участников опроса сказали, что не слышали об этом процессе. Сочли решение суда присяжных по этому делу несправедливым 42%, справедливым – только 5% респондентов. Остальные затруднились с ответом. Примечательно, что респонденты, имеющие опыт участия в судебных процессах, чаще, чем те, кто не имеет такого опыта, называют решение присяжных по делу об убийстве таджикской девочки несправедливым (48% и 39% соответственно).

Так называемые “громкие процессы” с участием присяжных вызвали неоднозначные оценки. Одни участники фокус-групп говорили, что слишком мягкие приговоры, а то и оправдания людей, очевидно виновных в инкриминируемых им деяниях, компрометируют идею суда присяжных. Другие утверждали, что оправдательные приговоры на “громких процессах” с участием присяжных заставят следственные органы и прокуратуру тщательнее готовиться к судебным заседаниям.

“Участник: Это когда несчастных чеченцев, простых, мирных, расстреляла группа капитана Ульмана. В автомобиле были мои коллеги, учителя. Там качество следствия было такое, что это дело бесконечно доследуется. Они не остановились вовремя, есть такой момент, и они приняли его за террориста. Ульмана присяжные оправдывают – потом опять военная коллегия, опять, браво дело, на доследование. Дело таджикской девочки было.

Модератор: Но Вы слышали, какой итог у этого суда присяжных?

Участник: Да. Это вызвало большой протест у таджикской диаспоры в Петербурге – приговор очень мягкий. Получается, что хулиган, как будто человек дал, извините, пинка в зад. А там за этой семьей гонялись насильники с ножами, резали.

Модератор: Что Вы думаете о роли суда присяжных в этих делах? Как Вы ее оцениваете?

Участник: Они сыграли здесь негативную роль, несомненно, приговор мягкий. Приговор там должен быть – не менее 10 лет. Любой суд любой страны вынес бы значительно более серьезное <наказание>” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Я думаю, что прокуратура не собрала достаточно доказательств, они понадеялись на то, что действительно шокирующее убийство девятилетней девочки станет достаточным основанием для суда присяжных проголосовать за то, что это убийство, межнациональная рознь.

2-й участник: Я согласен, не смогли доказать.

1-й участник: Прокуратура плохо работает.

3-й участник: Ребенка убили, брата искалечили.

4-й участник: Да подождите, они не... они... это не доказано...

Модератор: Представим себе, что дело с таджикской девочкой проводилось без суда присяжных – как вы думаете, какое было бы решение суда? Могло бы быть оно другим?

5-й участник: Всех бы посадили. И правильно сделали бы.

1-й участник: Если суд присяжных вынес такой вердикт, значит, не была доказана их причастность к убийству. Хулиганство могли пришить за что-то более раннее” (ДФГ, Москва).

Размышления о конкретных процессах с участием присяжных наводят участников фокус-групп на “конечные вопросы” о том, кто может быть носителем высшей справедливости: народ в лице присяжных или государство в лице профессиональных судей.

“1-й участник: Если говорить о справедливости, у меня вопрос: если, например, не устраивает приговор, вынесенный в результате суда присяжных, кто может его апеллировать? Только ли осужденный? А имеет право апеллировать в этой ситуации государство?

2-й участник: Конечно. Прокуратура с инициативой выходит. Или на доследование могут вернуть дело.

3-й участник: О демократии суда присяжных тогда речь не идет, понимаете? Ее просто нет. И не будет. Если прокурор может вмешаться в решение” (ДФГ, Самара).

КОММЕНТАРИЙ

Кто может быть присяжным заседателем

В соответствии с российским законодательством присяжные заседатели отбираются аппаратом суда путем случайной выборки из списков, составляемых каждые четыре года краевой (областной) администрацией на основе списка избирателей (ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). Списки потенциальных присяжных тоже формируются методом случайной выборки, кандидаты в присяжные не подбираются администрацией и не выдвигаются коллективами.

Какие-либо ограничения на включение граждан в списки присяжных заседателей в зависимости от социального происхождения, расы и национальности, имущественного положения, принадлежности к общественным объединениям и движениям, пола и вероисповедания законом не допускаются.

К условиям, исключающим внесение в списки присяжных, относятся: недостижение лицом возраста 25 лет; неснятая или непогашенная судимость; признанные судом недееспособность или ограниченная дееспособность; нахождение на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере; наличие физических или психических недостатков, препятствующих полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела. Не допускаются также лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство. Кроме того, по письменному заявлению граждан из списков присяжных исключаются лица, не способные исполнять обязанности присяжного заседателя по состоянию здоровья, подтвержденному медицинскими документами; лица, достигшие возраста 65 лет; военнослужащие; а также те, чей род занятий может вызвать сомнения в их беспристрастности (судьи, прокуроры, следователи и т. п.) либо не совместим с судейской деятельностью (священнослужители). Председательствующим судьей от исполнения обязанностей присяжных заседателей могут быть освобождены по их заявлению женщины, имеющие малолетних детей; граждане, которые по своим религиозным убеждениям считают для себя невозможным участие в отправлении правосудия, а также имеющие иные уважительные причины.

Кто может быть присяжным

По мнению большинства опрошенных (58%), возможность попасть в число присяжных заседателей следует предоставлять далеко не всем гражданам (только 23% респондентов полагают, что любой взрослый человек должен иметь возможность заседать в суде присяжных).

Этих участников опроса спросили, какие же люди, по их мнению, должны заседать в таком суде. На первом месте среди критериев отбора присяжных – нравственные качества. Почти треть участников массового опроса (30%) полагают, что присяжные должны обладать «безупречной репутацией» – быть честными, порядочными, непредвзятыми, справедливыми, независимыми, неподкупными, ответственными, добросовестными, серьезными, добрыми, неравнодушными людьми. Убеждены, что присяжные должны обладать юридическим образованием или, по крайней мере, быть компетентными в правовых вопросах, 17% респондентов. Еще 14% участников опроса сказали, что присяжные вообще должны быть грамотными, образованными; по мнению 4%, они должны быть умными («если есть мозги в голове, то и заседателем может быть любой человек»). Полагают, что присяжными должны быть люди бывалые, обладающие жизненным опытом, 3% респондентов. Таким образом, в общественном мнении качества, обозначающие компетентность, практически так же важны для присяжного, как и нравственные характеристики. Но и сама компетентность заключается не только и не столько во владении знаниями, сколько в мудрости – в том, что специалисты называют «социальной компетентностью»: в умении разбираться в людях, жизненных ситуациях, понимании неформальных правил.

Критерии, фигурирующие в соответствующем законе, упоминались реже. Заявили, что в коллегиях присяжных не должно быть людей с уголовным прошлым (закон запрещает участие в них людям с неснятой или непогашенной судимостью), – 4%. Заметили, что среди присяжных не должно быть людей с психическими расстройствами, алкоголиков, наркоманов, 2%. Еще 2% говорили о возрастных ограничениях.

В ходе обсуждения на фокус-группах довольно часто выражалась обеспокоенность потенциальной возможностью попадания в число присяжных “сомнительных персон” – в первую очередь агентов криминалитета.

“Есть такие примеры, что туда попадают люди, связанные с воровским миром. Чуть ли не с «общака» посылают своих представителей на суд присяжных. Уже все это идет” (ДФГ, Самара).

1-й участник: *Их произвольно набирают.*

2-й участник: *Да, выбирают, на кого попадет.*

3-й участник: *Кроме алкоголиков, хулиганов...*

4-й участник: *Это еще неизвестно, неизвестно.*

5-й участник: *При нашей коррупции туда может попасть любой человек”* (ДФГ, Москва).

Естественным образом с обсуждения таких опасностей участники фокус-групп переключались на размышления о том, что нужно сделать, чтобы их избежать. Кто-то вспомнил, что прокурор и адвокат могут заявить обоснованный отвод составу присяжных. Кто-то предложил предварительные собеседования с психологом и священником. Возникла идея ввести рекомендации трудовых коллективов для участия в судах присяжных.

“Модератор: Что нужно сделать для того, чтобы снять эти ваши претензии к суду присяжных?”

1-й участник: *Я считаю, что отбор должен быть. Психолог, может быть, будет сидеть.*

2-й участник: *Священников надо приглашать. Они определяют, милосердный человек или нет.*

3-й участник: *Прокурор и адвокат, ведущий процесс, отсеивают людей, которые их по каким-то критериям не устраивают. И в конечном итоге остается кандидатура, которая устраивает и прокуратуру, и адвокатуру.*

4-й участник: *Еще бы хорошо рекомендательное письмо – от организации, где работает человек, от ЖЭКа.*

5-й участник: *Любой же человек все равно вращается в каком-то кругу”* (ДФГ, Москва).

На фокус-группах в ходе обсуждения качеств присяжных прозвучало слово “ценз”, и оно вызвало споры между “эгалитаристами” и сторонниками введения формализованных ограничений. Респонденты говорили о критериях, на основе которых могли бы формироваться цензы для отбора присяжных. Упоминались имущественный, сословный, возрастной критерии. Назван был и ценз оседлости.

1-й участник: *Жизненный опыт, профессиональная подготовка.*

2-й участник: *Я думаю, от 35 лет и выше.*

1-й участник: *20-летнему человеку там делать нечего – пришел из армии, ничего не знает.*

3-й участник: У него мудрости нет.

4-й участник: Ну, желательна от 30 до 70, я думаю, чтобы маразма не было.

5-й участник: Разнослойность, люди из разных слоев.

6-й участник: Средняя прослойка населения, это та, которая не является руководящими работниками.

4-й участник: Это буржуазия, но такая мелкая и средняя.

6-й участник: Да, то есть это служащие, рабочие, которые имеют свое дело. И при всем при этом они самодостаточные и живут безбедно.

4-й участник: Должен быть ценз. Человек должен прожить здесь хотя бы какое-то определенное время, а не приехать, извините, из другой местности.

1-й участник: Наличие, наверное, работы.

3-й участник: Вот уровень должен быть все-таки нормальный. Потому что чтобы взятки вот эти вот не сверкали и не соблазняли, все-таки платить надо в таких местах, чтобы не было соблазна” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Немаловажно, чтобы люди были разные по соцобеспечению. Не должны сидеть эти 12 человек, выбранные только из сливок общества, допустим; или одни бедняки. Они должны быть разные еще по специальностям и по тому, как зарабатывают. Чтобы не было однозначно какой-то злости на богатых или бедных.

2-й участник: Дворник, слесарь там, кочегар...

3-й участник: Ну, упаси господь, только не дворник. Какой-то образовательный уровень должен быть” (ДФГ, Новосибирск).

“1-й участник: Ценз надо повысить.

Модератор: Какой ценз, ценз чего?

1-й участник: Образовательный и вообще.

Модератор: То есть как бы отбор должен быть?

1-й участник: Я считаю, хотя бы минимальный какой-то.

2-й участник: Я думаю, что любой более-менее социализированный человек может... Имеющий работу, не совсем уж маргинал какой-то.

3-й участник: Вот я не совсем согласна, потому что здесь мы все сидим разные: у кого-то среднее образование, у кого-то высшее. Это не значит, что нужно посадить всех с высшим образованием, пускай они, такие светила, будут судить праведно.

4-й участник: Возраст, интеллект у человека должен быть и образование.

5-й участник: Я вообще сторонник цензов, даже в голосовании на выборах.

2-й участник: Это уже не мнение народа. Нет, ценз – это неправильно, потому что у нас не кастовое общество” (ДФГ, Москва).

Хотя в ходе дискуссий выражались сомнения в том, что для суда присяжных можно отобрать действительно достойных людей, почти все участники обсуждений, доведись им оказаться на скамье подсудимых, предпочли бы обычному суду суд присяжных. Впрочем, с оговоркой – им не хотелось бы, чтобы в число заседателей мог попасть любой “человек с улицы”.

“1-й участник: Я, если бы меня судили, я бы не отказался от присяжных.

2-й участник: Если б я была Ходорковским, я бы не хотела, чтобы в суде присяжных были... люди менее эрудированные...

Модератор: *Где же мы вам столько найдем-то эрудированных, как Ходорковский?*

2-й участник: *Нет, которые соображают хоть как-то в его сфере деятельности” (ДФГ, Москва).*

При обсуждении вопроса о критериях отбора присяжных заседателей важной оказалась дилемма добровольность – принудительность. Большинство участников ДФГ склонялись к тому, что к отправлению правосудия принуждать нельзя. Однако высказывались и опасения относительно гиперактивности некоторых граждан, которые охотно согласятся быть присяжными.

“Модератор: *Как вы считаете, участие в составе суда присяжных каким должно быть?*

1-й участник: *Я думаю, добровольным.*

2-й участник: *Только добровольным.*

3-й участник: *Ой, вы знаете, нет, нет, нет! О добровольности. Есть такие активистки и активисты...*

4-й участник: *Правильно, правильно. Это только назначаться должны.*

2-й участник: *Мне вот, допустим, скажут: иди-ка там мужика суди, на тебе 100 рублей (это я образно) – и иди в присяжные. Я не пойду. Только добровольно. Добровольно.*

5-й участник: *Добровольно-принудительно.*

Модератор: *А как это?*

5-й участник: *То есть назначают, а ты, если не хочешь, не идешь” (ДФГ, Новосибирск).*

Закономерно теперь рассмотреть вопрос, хотят ли сами участники опросов попасть в число присяжных.

Кто хочет быть присяжным, или Можем ли мы помыслить себя субъектами правосудия

Три четверти (78%) участников массового опроса, на который мы уже неоднократно ссылались, по их словам, не хотели бы оказаться в числе присяжных заседателей. Привлекает такая перспектива 16% респондентов, чаще других – обладателей высшего образования (28%). Нет существенной разницы в отношении к перспективе стать присяжным между теми респондентами, кто имеет опыт участия в судебных процессах, и теми, кто не имеет такого опыта, хотя первые все-таки несколько чаще заявляют о желании попробовать себя в этой роли (табл. 3).

Участники фокус-групп выдвигали аргументы “за” и “против” своего участия в судебных процессах в качестве присяжных заседателей. Аргументы “за”: желание восстанавливать справедливость, возможность использовать свой жизненный опыт в благом деле. Аргументы “против”: страх за свою жизнь, большие психологические нагрузки, ответственность за чужую судьбу.

“Я бы пошла, вошла в число присяжных, потому что я хочу иметь право голоса объективного и справедливого. Но я бы уже смотрела направо, налево и по сторонам, потому что я бы чувствовала себя крайне небезопасно” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: Я бы смог, в принципе. Потому что уже прожито, и увидено, и пережито.

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	27	68
А лично Вы хотели бы или не хотели бы попасть в число присяжных заседателей?			
Хотел(-а) бы	16	20	14
Не хотел(-а) бы	78	73	81
Затрудняюсь ответить	6	6	6

2-й участник: *Я бы не пошла – по характеру я не подхожу. Я всем верю. Вот этот наврет – я верю, этот расскажет – я тоже верю* (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Конечно, сложно все это и тяжело. Но я согласна <стать присяжным>.*

Модератор: *Это беретя ответственность.*

1-й участник: *А как еще? Надо на себя брать тогда уж.*

2-й участник: *Это слишком эмоциональная перегрузка, я бы не пошла* (ДФГ, Новосибирск).

Некоторые считают, что человек не вправе судить другого – это богопротивное дело.

“1-й участник: *Я не понимаю, как судить человека. Я не понимаю этого.*

2-й участник: *А как можно убить, как можно украсть? Значит, и судить можно* (ДФГ, Новосибирск).

Информированность населения об особенностях суда присяжных

До сих пор мы говорили о тех “обыденных теориях”, которые бытуют в общественном сознании в связи с судом присяжных. Данные массового опроса и фокус-групп раскрывают те смыслы, которые люди вкладывают в это понятие. Но наличие смысловой нагруженности понятия отнюдь не означает, что респонденты обладают адекватными представлениями об устройстве и функционировании интересующего нас института. Обстоятельство, которое обращает на себя внимание при анализе материалов фокус-групп, – низкая осведомленность населения о суде присяжных как особой форме судопроизводства, о ее отличительных чертах. Но тогда и нежелание участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного обосновывается “неосведомленностью” респондентов. И дело не в отсутствии специального образования, юридических знаний, а в том, что у наших сограждан как потенциальных присяжных отсутствуют особого рода “гражданские” знания – о суде присяжных и своей роли в нем, фактически – о своих правах.

В ходе массового опроса, результаты которого здесь анализируются, вопрос “*Знаете ли Вы, что такое суд присяжных?*” не задавался, поскольку неизвестно, что означал бы утвердительный ответ: что люди слышали данное словосочетание или что им знакомы принципы функционирования этого института. Содержательная информированность (или отсутствие таковой) обнаруживается прежде всего в обсуждениях – причем фактически любых аспектов темы, так

что наиболее адекватным материалом для ее выявления оказываются групповые дискуссии.

“Собственно говоря, о суде присяжных я сужу в основном по американским сериалам... Это с Запада взяли – суд присяжных, у нас же не было его” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: К сожалению, о нашем российском суде присяжных неизвестно практически ничего.

2-й участник: Чего-то я ничего, ничего не слышала.

1-й участник: Ни процедура отбора, ни процедура...

3-й участник: Судя по тому, по тем результатам, которые вот сейчас публикуют, я не понимаю роли этих присяжных” (ДФГ, Москва).

Лишь немногие участники дискуссий имеют адекватные представления о каких-то аспектах деятельности суда присяжных, но чаще встречаются разного рода домыслы на этот счет.

“Модератор: А вот если половина считает, что виновен, а половина, что невиновен?”

1-й участник: А вот здесь будет судья решать.

2-й участник: Да.

1-й участник: Здесь уже закон должен.

Как принимается окончательное решение

Суд присяжных – это не “народное правосудие”, где решение отдается на откуп толпы. Судебное решение принимается здесь в строгих процессуальных рамках, правовым методом.

Вопросы, на которые отвечают присяжные при вынесении решения (вердикта), формулируются председательствующим судьей. Эти вопросы касаются только того преступления, в котором обвиняется подсудимый. С учетом позиции защиты, отраженной в формулировках вопросного листа, присяжные имеют возможность принять решение о виновности в менее тяжком преступлении.

Перед уходом коллегии в совещательную комнату председательствующий в напутственном слове объясняет процедуру принятия решения.

По российскому закону присяжные должны стремиться к единодушному решению. Если в течение трех часов присяжным не удалось достичь согласия, ответ на каждый вопрос решается открытым голосованием. Закон запрещает воздерживаться от голосования. Обвинительный вердикт принимается простым большинством. Если голоса разделились поровну, действует принцип благоприятствования защите – вердикт оправдательный. В основе этого принципа лежит одно из положений презумпции невиновности, согласно которому “неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого” (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Оправдательный вердикт присяжных влечет обязательное вынесение оправдательного приговора. При квалификации деяния в соответствии с обвинительным вердиктом и назначении наказания председательствующий учитывает также обстоятельства, не подлежащие установлению присяжными и требующие собственно юридической оценки (к примеру, наличие у подсудимого неснятой судимости).

Вердикт присяжных обязателен для председательствующего, за исключением случаев, когда при обвинительном вердикте он усматривает основания для вынесения оправдательного приговора. Тогда в зависимости от юридических оснований председательствующий либо выносит оправдательный приговор, либо принимает решение о роспуске коллегии и направлении дела на новое рассмотрение иным составом суда. Таким образом, при обвинительном вердикте последнее слово остается за профессиональным судьей, председательствующим в процессе, и ответственность в этом случае полностью лежит на нем.

КОММЕНТАРИЙ

3-й участник: *Да нет. В суде присяжных нет судьи. Там 12 человек, одного старшим берут – кто постарше или пошире. Или повыше.*

1-й участник: *Ну, вот они получили ответ на вопрос: б и б. Судья же все равно рассматривает.*

3-й участник: *Прокурор.*

1-й участник: *Ой, ну я не знаю, слава богу, этих вот тонкостей.*

4-й участник: *А прокурор смотрит – и уже вывод делает по их решению, да? И уже приближенно к закону, я думаю так” (ДФГ, Новосибирск).*

Не четче и представления участников фокус-групп о том, как люди попадают в число присяжных.

“1-й участник: *Я считаю, у кого совести больше, тех выбирают.*

2-й участник: *Их не выбирают, их назначают” (ДФГ, Новосибирск).*

“1-й участник: *Да их произвольно набирают.*

2-й участник: *Да, то есть выбирают, на кого вот попадет.*

3-й участник: *Кроме алкоголиков, хулиганов...*

4-й участник: *Это еще неизвестно, это неизвестно.*

5-й участник: *Нет, а я слышала, что там немножко юридическое образование какое-то они должны иметь” (ДФГ, Москва).*

“Модератор: *А если бы вас выбрали в качестве присяжного заседателя, согласились бы вы?*

1-й участник: *Я бы – нет, я бы не пошел... Ну, во-первых, вот N – она рассказывает про процесс. Ну как, ну пригласили ее в присяжные заседатели. Два абзаца прочитали – выйдите. Дальше идет между собой обсуждение. А как я могу потом решать, если я не знаю всего?*

2-й участник: *Ну, это какая-то жуть. Мне непонятно.*

3-й участник: *Как фон, для фона это могут.*

1-й участник: *Поставят галочку, что был суд присяжных” (ДФГ, Самара).*

Выводы

1. Основным аргументом общества в пользу суда присяжных является его потенциально меньшая коррумпированность, большая справедливость с точки зрения “правды”, а не закона. То, что именно эти идеи стали центром размышлений и участников массового опроса, и участников фокус-групп, говорит в первую очередь о неудовлетворенности работой профессиональных судей, укорененности представлений о несовпадении существующих судебных процедур и норм закона с принципами справедливости. Суждения о большей справедливости суда присяжных – это лишь авансы, надежды, основанные на предположении, что “простые люди” способны к состраданию, тогда как люди в форме и мантиях, принимая решение, руководствуются лишь законом.

2. Негативное отношение к суду присяжных основывается на аргументах, которые в течение последних пятнадцати лет постоянно присутствуют в идеологических баталиях на эту тему. Противники суда присяжных утверждают, что, во-первых, обычные люди руководствуются эмоциями, а не законом. Во-вторых, российское общество переживает сейчас моральный кризис, а аморальному социуму нельзя доверять функции суда. На фокус-группах довольно часто

в качестве аргумента против суда присяжных звучали утверждения о падении нравов. Психологам давно известен феномен негативизации – люди склонны оценивать других людей и ситуации тем хуже, чем длиннее социальная дистанция (например, отношения в семье – отличные; между соседями – хорошие, между людьми в нашем городе – нормальные; между людьми вообще – “волчьи”). Подкрепляют тезис о всеобщей аморальности и коррупционные скандалы. Все это – не самый лучший фон для введения института суда присяжных. Но если иметь в виду только этот аспект, стоит сказать, что к обычному суду рядовые россияне относятся еще хуже.

3. Судя по тому, что в перечне требований к присяжным наряду с нравственными качествами присутствовали ожидания, связанные с разными аспектами компетентности, введение цензов – образовательных, имущественных, оседлости – не вызвало бы особого протеста среди населения. Участники дискуссий выдвигают два основных аргумента за введение цензов: 1) бедного и малообразованного человека легче запутать, запугать, подкупить; 2) присяжные должны быть авторитетными, известными в своем населенном пункте или коллективе людьми.

4. Тот факт, что желающих попасть в число присяжных оказалось среди респондентов довольно мало, объясняется не только страхом перед угрозой давления. Главные опасения связаны с неготовностью брать на себя ответственность за решение вопроса о чужой судьбе в ситуации неопределенности, когда убедительными кажутся доводы противоположных сторон судебного процесса – и обвинения, и защиты.

5. Однако страхи и опасения – только одна сторона дела. Важно увидеть и другие аспекты ситуации. Тем более реформаторами (остались ли сегодня подлинными субъекты судебной реформы – вопрос особый) подобное отношение граждан к себе в качестве потенциальных субъектов правосудия должно восприниматься как маркер серьезной проблемы – “камень, который презрели строители, стал во главу угла”. Главной виделась задача формирования нового правопонимания и профессионализма юристов, а об информационно-просветительской работе среди населения заботились недостаточно. Мы предполагаем, что нежелание оказаться в роли присяжного заседателя в небольшой степени обусловлено чрезвычайно низкой информированностью населения о том, что такое суд присяжных, каковы функции коллегии присяжных заседателей, каковы правовые рамки их деятельности и гарантии защиты подсудимого от возможной роковой ошибки присяжных – обвинения невиновного.

Одновременно СМИ подчас формируют негативный, даже какой-то нелепый имидж суда присяжных в связи с вынесением в ходе так называемых громких процессов кажущихся несправедливыми вердиктов – как оправдательных, так и обвинительных. Вину за такие приговоры приписывают в первую очередь присяжным, а не тем, кто должен работать профессионально: следователям, судьям, прокурорам, адвокатам.

6. То, как люди представляют себе устройство суда присяжных, может вызывать шок у специалистов. А что знали бы мы, авторы этой статьи, не будь мы профессионально связаны с этой темой? Видимо, то же, что и большинство наших респондентов: вроде бы у нас где-то есть суд присяжных, слышали кра-

ем уха про “громкие процессы”, про то, что присяжные “опять не разобрались”, и т. п.

Какие напрашиваются выводы? Первое, что кажется очевидным, – “наш народ не готов”, “общество не созрело”, “рано еще”. Но на ситуацию можно взглянуть иначе, и тогда вывод будет относиться не к гражданам, а к реформе. Можно задаться вопросами: что должны узнать общество и каждый гражданин об этом институте? Каким образом донести необходимую информацию? Ведь информированность – это результат специально проведенной работы. Задача даже не пропагандистская, а информационно-разъяснительная – “это должен знать каждый”. При нынешних средствах коммуникации на пути ее решения едва ли возникнут трудности. Такой взгляд мы назвали бы реформаторско-практическим, или управленческим. Это то направление судебной реформы, без которого идеи участия общества в правосудии оказываются беспочвенными.

7. С середины 90-х годов позиция реформатора судебной власти “размазалась” по разным ведомствам, и субъект судебной реформы исчез как таковой – как носитель ценностей, целей, стратегии. Предполагалось, что суд присяжных станет институтом гражданского общества. И, наверное, его будущее – не только в руках власти, но и самого общества. ■

Литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978. Ре-принтное издание 1880–1882 гг.

Джанишиев Г. Эпоха великих реформ. 10-е доп. изд. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1907.

Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.

Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: Nota Bene, 2000.

Климов И. Социальный запас знания // Социальная реальность. 2006. № 1.

Климова С.Г. Оценки россиянами работы судов: предубеждения или горький опыт? Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992.

Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных. Их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Вып. 1–2. М.: Тип. А.И. Мамонтова. 1869–1871.

Морщакова Т.Г. Судебная реформа: сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1990.

Мысли о правосудии: “Круглый стол” // Советская юстиция. 1988. № 16.

Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: От социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992.

Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995.

Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991.

Сокирко В.В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: Учебное пособие. М.: РосКонсульт, 2000.

И. Шмерлина

Социальная экология соседства

“Любая наука, как и любой человек, имеет обязательства по отношению к своим соседям. Любить их, возможно, не требуется, но нужно одалживать им свои инструменты, брать займы инструменты у них и вообще не давать им распускаться”

Г. Бейтсон¹

Советская версия “гемайншафта”: постановка проблемы

Тема соседства в российском общественном дискурсе имеет богатые исторические коннотации. Отношения “гемайншафтного” типа были плотно вплетены в социум и культуру дореволюционной России и своеобразно воплотились в социальных и идеологических структурах истории советского периода. Новый, социалистический идеал общественных отношений описывался в категориях человеческой сплоченности, единения, братства и взаимопомощи. Идеологической рамкой этой советской версии “гемайншафта” была максима морального кодекса строителя коммунизма “человек человеку – друг, товарищ и брат”, а конкретным историческим воплощением – образ жизни коммунальных квартир. Несмотря на подчас гротескное несовпадение “теории и практики”, общественное сознание установило прочную корреспонденцию между коммунальным бытом и ценностью человеческого единения и душевной открытости. Неслучайно романтически настроенная интеллигенция так драматично восприняла закат эпохи коммунальных квартир².

Тема коммунального уклада и его трансформаций в современных условиях задает проблемное поле исследования, результаты которого интерпретируются в настоящей публикации. Необходимо уточнить, что концепт коммунального уклада жизни не тождествен образу жизни коммунальной квартиры, хотя по-

¹ См.: [Бейтсон. С. 268.]

² См., например, стихотворение Е. Евтушенко “Плач по коммунальной квартире”:

*Я за то, чтоб всем всего хватило,
Лишь бы мы душой не оскудели.
Дайте нам отдельные квартиры,
Лишь бы души не были отдельные!
Со звериной болью поминальной
Плачу по квартире коммунальной,
По ее доверчиво рискованной
Двери беспечной, безглазковой.*

следний включает ряд модельных ситуаций, важных для понимания закрепившихся практик соседского общения. Коммунальный уклад жизни воплощается в определенном стиле общения живущих рядом людей, предполагающем насыщенность и моральную нагруженность межличностных контактов; его идеальный образ – это “соседское братство”, имеющее статус безусловной социальной и нравственной ценности.

Предмет нашего исследования – современная практика соседских взаимоотношений, соответствующие ценностные и поведенческие установки. Сохранились ли в массовом сознании “гемайншафтные” идеалы и нормы коммунальной эпохи? Существуют ли интенции к их актуализации, воспроизводятся ли они в современных паттернах соседского общения? По ходу анализа, в качестве периферийного сюжета, мы также сравним некоторые формальные признаки соседского общения на селе и в городе³.

Современные паттерны соседского общения

В практике современных соседских взаимоотношений можно различить следы как “гемайншафтных” ценностей, так и специфических паттернов коммунального образа жизни. Прежде всего обращает на себя внимание достаточно высокая плотность взаимодействия с соседями – не только на селе и в малых городах, где ожидать ее естественно, но и в больших городах и мегаполисах. Основанием для этого заключения служит прежде всего факт широко развитой взаимопомощи между соседями. Она привычна для подавляющего большинства российских граждан, независимо от места их проживания: судя по данным опроса, время от времени помогают своим соседям 82% сельчан, три четверти жителей больших городов и мегаполисов (75%) и примерно столько же жителей малых городов (73%)⁴.

Любопытно, что доля помогающих соседям в мегаполисах (80%) сопоставима с соответствующей долей жителей сел (82%)⁵, в то время как в больших и малых городах помощь соседям оказывается заметно реже: в больших городах об этом говорят 70%, в малых, как уже отмечалось, 73% респондентов. Данный случай “схождения крайностей” мы оставляем без интерпретации за неимением обоснованных версий.

О том, что им помогают соседи, говорят более трех четвертей сельчан (79%), несколько меньшая доля жителей мегаполисов (73%) и граждан, проживающих в малых городах России (71%), а также две трети обитателей больших городов (65%).

³ Культура деревенского соседства, специфичная и по своим истокам, и по конституирующим параметрам, не была предметом нашего исследования. Однако в ходе анализа данных был выявлен неожиданный факт, заслуживающий специального рассмотрения: это близость (по формально-статистическим показателям) стиля соседских взаимоотношений на селе и в городе.

⁴ Общероссийский опрос населения от 13–15 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылок.

⁵ Как оказание соседской помощи, так и обращение к ней особенно характерно для жителей Москвы, на чем мы специально остановимся в последней части данной публикации.

Подавляющее большинство россиян удовлетворены своими отношениями с соседями. Они помогают своим соседям – и сами прибегают к их помощи в решении житейских проблем

Взаимопомощь не только широко практикуется, но и морально санкционируется: она воспринимается как обязательный элемент соседского образа жизни, важный атрибут нормальных взаимоотношений с теми, кто живет рядом.

Об этом говорили, в частности, участники дискуссионных фокус-групп, посвященных теме соседства⁶.

“Обращаемся <за помощью>. Вплоть до всяких мелочей можно. Вот спичек нет – позвонил, попросил...” (ДФГ, Воронеж).

“Дайте кусочек хлебушка – завтра отдадим», или там соли, или также финансовый вопрос... У нас доходит даже до того, что мы ходим и томатную пасту по ложке друг у друга занимаем” (ДФГ, Воронеж).

“...например, у ребенка был день рождения – табуретки брали, то есть как-то вот нормально прийти к соседке и попросить там чего-то. А она у нас, например, муку попросит или соль там, лук, спички – не знаю чего... Ну, то есть это нормально, да, совершенно...” (ДФГ, Москва).

“Одна, в аптеку ей надо было сбегать – а <я> с ребенком вот сидела с маленьким, вот. Ну бывает, ну разные вопросы бывают, конечно. И проблемы разные” (ДФГ, Москва).

“<Соседка> даже детей оставляет. Ну, вот у меня просто мальчик такого же возраста – у соседки девочка, вот она иногда приводит, когда куда-нибудь надо... <Девочка> даже ночевала” (ДФГ, Москва).

Проявления взаимопомощи не ограничиваются заимствованием спичек, муки или лука, присмотром за детьми или предоставлением временного приюта. Соседям оставляют ключи от квартиры, уезжая надолго, просят их поливать цветы, накормить и выгулять домашних животных.

“...на лето в основном, когда уезжаешь куда-то надолго, оставляешь ключи... Вынуть почту, цветочки полить опять же” (ДФГ, Москва).

“Вот мне, например, приносят ключи от седьмого этажа – они доверяют. Семья полковника – они уезжают на дачу летом и оставляют мне ключи от своей квартиры постоянно” (ДФГ, Москва).

“Доверие есть, то есть действительно можно и ключи какие-то оставить, и не страшно за свою квартиру, то есть людям до такой степени доверяешь” (ДФГ, Москва).

Упомянутые виды помощи свидетельствуют не только о высокой степени доверия между людьми, но и о том, что в современном соседском быту присутствуют модели квартирно-коммунальных взаимоотношений, определенные закрепившиеся практики соседской бытовой поддержки и “допуска в соседское приватное пространство” [Утехин. С. 83].

“...мы с ней [соседкой] живем в одном там, как вот сейчас, предбаннике на четыре, на две квартиры... Все нормально, ходим, можно сказать, в этом

⁶ Дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 23 мая 2006 года.

предбаннике – двери открыты: пожалуйста, вот ты иди ко мне, я в любой момент там что-нибудь...” (ДФГ, Москва)⁷.

Специфический след “квартирно-коммунальной свободы” мы видим в облегченных требованиях к внешнему облику и одежде, которые считаются приемлемыми при общении с соседями. В повседневном пространстве соседской коммуникации допустимо появляться в домашней одежде, нередко довольно затрапезной. Часто эти нормы распространяются и на близкую к дому территорию – в домашних халатах вывешивают белье, выносят мусор, бывает, что выгуливают собак. Разумеется, подобная бытовая “расслабленность” отчасти неизбежна в повседневной жизни. Характерно, однако, что в массовом сознании это, как правило, не проблематизируется, принимается как должное – очевидно, вследствие того, что санкции на “свободный” стиль одежды были получены еще в период квартирно-коммунального образа жизни.

“..ну, допустим, к соседям я спокойно могу прийти в халате там, в тапочках вот... А если сослуживцы, еще какие-то по работе коллеги, то это как-то уже было бы...” (ДФГ, Москва).

Сосед соседу – друг, товарищ и брат?

Соседский климат, характеризующий российскую повседневность, – в целом безусловно благоприятный. Подавляющее большинство наших сограждан (87%) удовлетворены своими отношениями с соседями. На фокус-группах тоже звучали преимущественно доброжелательные отклики о живущих рядом людях. Эти данные, а также отмеченные выше свидетельства плотного соседского взаимодействия провоцируют на постановку вопроса о персонально-личностных аспектах соседских отношений. Допустимо ли утверждать, что россияне воспринимают своих соседей в категориях персональной близости, дружеской открытости и доверительности, а не просто как вынужденных партнеров по общежитию?

Значительная доля опрошенных (40%), по их словам, имеют близких друзей среди соседей. Примерно такая же доля респондентов (43%) бывают в гостях у соседей и принимают их у себя. Каждый второй (49%) утверждает, что в случае переезда в другой дом в том же населенном пункте он стал бы поддерживать отношения со своими нынешними соседями (треть респондентов ответили отрицательно, а пятая часть затруднилась спрогнозировать свое поведение в подобной гипотетической ситуации).

Отличие городских жителей от сельских в исследуемых вопросах не столь принципиально, как можно было бы ожидать. Как мы уже отмечали, плотность взаимодействий с соседями достаточно высока и в городах. Так, установки на сохранение отношений с ними в случае переезда придерживаются 50% жителей больших городов, 47% – малых, в Москве – 46%, среди жителей других мегаполисов – 37%; на селе – 58%.

В данных и массового опроса, и особенно – фокус-групп просматривается стремление нагрузить соседские отношения некоторой интимностью,

Две трети россиян предпочитают поддерживать с соседями хорошие, но не слишком близкие отношения

⁷ Из материалов дискуссионных фокус-групп на тему “Дружба”, проходивших в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 21 марта 2006 года.

Некоторые люди делятся с соседями своими личными проблемами или проблемами своей семьи, своих близких. Другие люди, напротив, стараются, чтобы соседи ничего не знали об их личных проблемах, проблемах их семьи, близких. Вы относитесь скорее к первым или ко вторым?

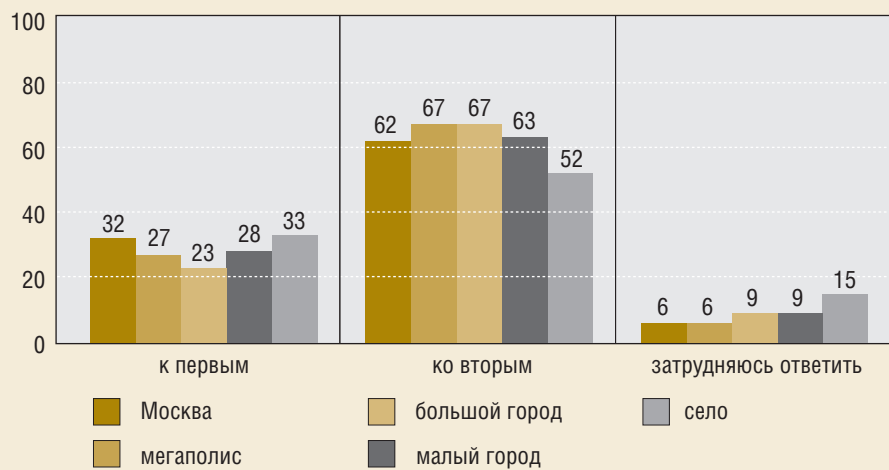

График 1. Доверительность в отношениях с соседями в зависимости от места жительства

квалифицировать их как полуродственные или дружеские. Здесь, однако, возникает парадокс, который эксплицирован уже в статистических распределениях. При том, что 40% россиян имеют, по их словам, близких друзей среди своих соседей, лишь 28% делятся с соседями своими личными или семейными проблемами. Установка на закрытость частной жизни преобладает как в городе, так и на селе: не доверяют соседям своих личных и семейных “тайн” примерно две трети горожан и половина сельских жителей (график 1).

Две трети россиян предпочитают поддерживать с соседями хорошие, но не слишком близкие отношения (66%)⁸. Этот вывод справедлив как для городской, так и для сельской России, хотя, разумеется, место жительства респондента вносит определенные коррективы в восприятие им “соседского мира” и в установки по отношению к нему. Так, на селе люди чаще, чем в городе, стремятся к более тесным, приятельским отношениям с соседями (34% и 23% соответственно), однако и здесь преобладает установка на сохранение психологической дистанции (57%). Доброжелательные отношения с живущими рядом не освобождают от соблюдения определенного регламента коммуникации, подразумевающего сохранение этой дистанции и приватности быта. Так, одна из участниц ДФГ, рассказывая о своих близких и доверительных отношениях с соседкой, подчеркивает, что визит к ней всегда требует определенной причины, повода, а это не позволяет квалифицировать подобные отношения как подлинно дружеские.

“У нас очень хорошие отношения, я ей всегда помогаю, и она мне всегда поможет, но <общаться> без повода – нет. Обязательно должна быть причина” (ДФГ, Санкт-Петербург).

⁸ Дословная формулировка вопроса: “Как Вы считаете, что лучше – поддерживать с соседями близкие, приятельские отношения, поддерживать хорошие, но не очень близкие, отношения или не поддерживать вообще никаких отношений?”

Обратим внимание на штамп, который часто употребляется в рассуждениях о нормах соседских взаимоотношений: “с соседями надо дружить”. Выражение это амбивалентно по самой своей сути – ведь дружба строится не на модальности долженствования, а на добровольном выборе, эмоциональном влечении.

Тема “социального статуса” соседа была подробно рассмотрена на фокус-группах в рамках обсуждения ситуации возникновения серьезной житейской проблемы, требующей помощи более основательной, нежели мелкие соседские услуги. Как поведет себя человек в подобной ситуации – обратится ли он к соседу или это последнее, что придет ему в голову? Обсуждение возможных стратегий поведения выявило два основных типа восприятия соседа – как “коммунального собрата” и как случайного попутчика по жизни.

Так, 60-летний мужчина, имеющий положительный опыт проживания в общегитии, считает, что обращение к соседям за помощью в тяжелой ситуации “естественно”.

“..Да, я считаю, что естественно. Потому что это... самые близкие люди, и, наверное, это идет еще и из коммунальной квартиры. Я жил сначала и в общежитии, там было сколько комнат – и мы все друг к другу ходили, и все были друзья-товарищи, и занимали кто соль, кто стички в те времена. Потом жили в квартирах – и тоже было взаимопонимание, как бы ни относились друг к другу. Все равно в сложных ситуациях обращались к соседям, и все забывалось. Поэтому думаю, что в первую очередь – к соседям. А потом уже какие-то другие решения. Это естественно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие респонденты.

“Я считаю, что если не соседи, то кто может помочь тогда? Соседи ближе родственников, я считаю, потому что больше общаешься” (ДФГ, Воронеж).

“Самые близкие родственники – это соседи... Родственники далеко, а соседи рядом. Всегда оказывают помощь” (ДФГ, Москва).

В ином ракурсе воспринимают своих соседей те, кто, если и считает возможным обращаться к ним в сложной житейской ситуации, то лишь в самых крайних случаях, только находясь в безвыходном положении.

“Сосед для меня скорее чужой человек, хотя я, бывает, вижу его чаще” (ДФГ, Санкт-Петербург).

* * *

Что же такое соседский круг? Круг близких людей, отношения между которыми сопоставимы с дружескими и родственными, или нечто иное, лишь внешне напоминающее близость друзей и родственников? Материалы исследования говорят скорее в пользу второй версии. Обобщенная формула соседских взаимоотношений в современных российских условиях – это “вежливость + взаимопомощь”.

Вопросы вежливости и в целом ритуал соседской коммуникации не рассматривался нами специально, однако он, несомненно, существует – в виде приветствий, обмена житейскими новостями, внешне пустыми фразами, несущими

Соседская взаимопомощь не только широко практикуется, но и морально санкционируется: она воспринимается как обязательный элемент соседского образа жизни, важный атрибут нормальных взаимоотношений с теми, кто живет рядом

Соседи – вынужденный, навязанный элемент окружающей среды, с которым надо считаться, и в то же время – потенциальный ресурс помощи и поддержки

главным образом фатическую нагрузку⁹. И этот ритуал создает хорошо предсказуемую, комфортную среду бытовой коммуникации.

Что касается соседской дружбы, то она, конечно, не совсем похожа на “обычную” дружбу. Точкой пересечения дружеских и соседских отношений является взаимопомощь, и поскольку в первом случае она выступает конституирующим параметром [Шмерлина], а во втором – в высшей степени желательным, в мас-

совом дискурсе наблюдается метафорический, по сути, перенос понятия “друг” на соседа (но никогда, заметим, “сосед” – на друга). Весьма точны в этом отношении рассуждения одной из участниц ДФГ.

“Было бы странно их [соседей] не назвать друзьями в таком понятии, что я им доверяю, они меня выручают, и я им поручаю... У нас взаимопонимание и отзывчивость – высший пилотаж, можно так сказать... <И в то же время> должно быть какое-то разграничение, что я могу там с <друзьями> что-то где-то чего-то – то я не позволю это с соседями” (ДФГ, Москва).

Откровенность, по-видимому, как раз относится к тем вещам, которые не следует позволять себе в общении с соседями (но которые естественны и необходимы в общении с друзьями). Именно в этом пункте люди видят важный критерий расхождения дружеских и соседских отношений общения.

“Я считаю... что соседи не должны быть друзьями. Ведь друзья – с ними можно пооткровенничать, а с соседями это не надо, они должны быть соседями” (ДФГ, Москва)¹⁰.

Соседи воспринимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды, с которым надо считаться, отчасти как потенциальный ресурс помощи и поддержки.

“Это очень много значит – соседи. Иногда из-за соседей меняют квартиры и продают” (ДФГ, Воронеж).

“Ну, я считаю, что с соседями надо дружить, потому что и обратиться когда придется, мало ли какой случай; и вообще это всегда более плодотворно, лучше дружить...” (ДФГ, Воронеж).

“Сосед пришел: «Мне привезли холодильник, помоги». – «Пожалуйста». Потом мне привезли холодильник, я к нему: «Помоги». – «Пожалуйста». Тут деваться некуда, жизнь заставляет. Если сегодня ты ему отказал, завтра он тебе может отказать” (ДФГ, Воронеж).

“Конечно, это выгоднее по жизни – дружить” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...у нас интересы абсолютно разные, и мы не на интересах, мы дружим из-за того, что мы рядом, и то, что если нужна какая-то помощь – на этой почве. А все остальное – разное” (ДФГ, Москва).

⁹ Фатическая функция общения направлена исключительно на поддержание самого общения, социального контакта как такового, без каких-либо иных коннотаций (прагматических, информационных и пр.).

¹⁰ Любопытно, что обсуждение темы доверительности в соседском общении велось участниками ДФГ исключительно на уровне отвлеченных рассуждений и общих сентенций. Ни на одной фокус-группе не приводилось конкретных примеров пагубных последствий излишней откровенности с соседями.

“Золотой век” коммунального единения и современные ценности частной жизни

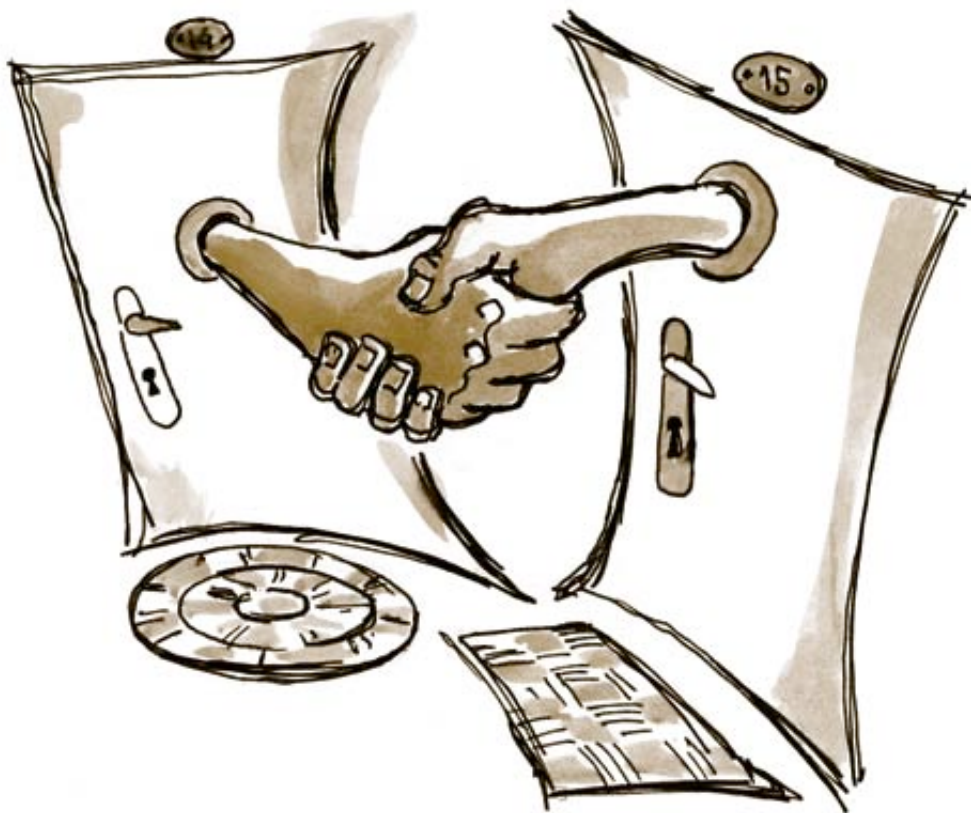
Тема соседства в российском массовом дискурсе имеет эмоционально насыщенное историческое измерение. Это обстоятельство, отмеченное нами в начале статьи, подтверждается материалами групповых дискуссий. Обсуждая данную тему, участники неизбежно обращались к воспоминаниям о “золотом веке” коммунальной сплоченности – пусть не в пределах коммунальной квартиры, но в рамках тесного соседского сообщества. Временные рамки этого “золотого века” в массовом сознании весьма размыты – от послевоенных лет до едва ли не начала 90-х. В рассуждениях даже тех, кто знает об этом периоде только по рассказам бабушек и дедушек, присутствует ностальгия по утраченному соседскому братству, искренности отношений и открытости повседневной жизни.

“Раньше было: человек человеку – друг, товарищ и брат. А сейчас...” (ДФГ, Воронеж).

“Люди жили более близко, с соседями общались – сейчас вот это отходит... Я просто помню, я еще была маленькой... как-то и праздники справляли, то есть весь подъезд выходил, даже еще в 80-х, в начале... Новый год – весь подъезд выходит на улицу, там кто-то с гармошкой, кто-то чего-то... Вот очень, да, там дружно. А сейчас больше как-то каждый в своей каморке” (ДФГ, Москва).

“...раньше люди были гораздо проще, лучше относились друг к другу... Сейчас намного более замкнутые стали” (ДФГ, Воронеж).

Угасание коммунальных традиций люди, как правило, связывают с отказом от советского образа жизни, сильной стороной которого они считают наличие

общественно значимых идеалов и принципов, служивших идеологической рамкой обыденной практики взаимоотношений. Важнейшим из этих принципов, моральная ценность которого в те времена практически не оспаривалась, был приоритет общественного перед личным.

“...когда развалился Советский Союз, то все по-другому стало” (ДФГ, Воронеж).

“...Примерно до 86-го года людей в основном объединял прежний советский образ жизни, так называемое советское общество друзей. Начиная с перестройки, примерно на рубеже уже 86–87-го года... случилось разложение прежнего советского общества, постепенно люди стали отчуждаться и в плане социальном, и в плане мировоззрения...” (ДФГ, Москва).

“Раньше общественное было на первом месте, а личное – на втором, а сейчас – как-то наоборот” (ДФГ, Москва).

“...у нас все сейчас и живут по-разному, это разобщает очень, нет чего-то такого единого, что бы сближало. А в советские времена – партия, КПСС, единая цель. Тем более что после войны это было, люди на подъеме жили, действительно о светлом будущем думали” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Помимо объединяющих духовно-политических ценностей назывались и более конкретные причины, которые способствовали дружному соседству. Речь идет о широко распространенной в советские годы практике: у крупных предприятий и организаций был собственный жилищный фонд, который распределялся главным образом среди работников этих предприятий, в результате чего формировались “корпоративные землячества”.

“Вот раньше как квартиру давали, вот дом, допустим, было так, что предприятие строило дом, – так здесь уже все свои, это была единая семья...” (ДФГ, Москва).

Мнение, что раньше люди жили пусть беднее, но дружнее, веселее и в целом лучше, относится к категории устойчивых, практически не оспариваемых положений массового дискурса, это в полной мере подтверждают и материалы групповых дискуссий. Между тем, тепло и ностальгически вспоминая времена тесного и дружного соседства, люди не желают переносить этот

“золотой век” коммунальной идиллии в сегодняшнюю жизнь, в которой общественное и личное структурировано более сложным образом, в том числе и на уровне ценностных установок.

“Участник: Хорошо жили, дружно... Сейчас хуже, разобщенней, каждый своей семьей.”

Модератор: То есть хочется к тому же вернуться?

Участник: Я не знаю, тут еще нужно много подумать лично для меня... С одной стороны, хочется коллектива, а с другой – хочется чисто своей ячейки, своей семьи, не нужно советы тех, советы других, советы третьих, чтобы каждый там

что-то приносил или лез, там какие-то свои идеи выдавал, не знаю... Есть своя голова на плечах, свои мысли и свои идеи, свои вкусы. Вот не хочется, чтобы кто-то... вот тещи больше чем достаточно, понимаете?” (ДФГ, Москва).

Тепло и ностальгически вспоминая времена тесного и дружного соседства, люди не желают переносить “золотой век” коммунальной “идиллии” в сегодняшнюю жизнь

“В принципе нормально, вполне устраивает тот вариант, который есть сейчас. Да, стали немножко холодней, несколько хуже там друг к другу относиться, нет того братства, которое было раньше, но с другой <стороны>, может быть, это и лучше” (ДФГ, Москва).

“Я считаю, <лучше> так, как это сейчас есть. Вы спрашиваете, как раньше было? Раньше люди были проще – а сейчас все по-другому. Сейчас жизнь такова, что люди смотрят на жизнь по-другому, со своей позиции” (ДФГ, Воронеж).

“Не хотелось бы <возврата к прежним отношениям>... Соседи – это как бы не друзья, они достаточно приближены к друзьям, должны относиться доброжелательно, вот прощать всякие мелкие пакости... Но при этом, мне кажется, все-таки должна быть некая такая полоса отчуждения. Она хотя бы небольшая должна быть, это должен быть небольшой, но порог, ниже которого как бы человек к тебе не обратится, и не станет навязчивым, и не будет к тебе приходить каждый вечер, каждый день, каждую ночь. Но выше этого порога как бы, когда ему будет нужно, он к тебе придет и несколько на этот счет не будет задумываться... Но мне кажется, что вот эта полоса – она должна быть, небольшой порог, который позволяет тебе оставаться в своей собственной квартире самим собой” (ДФГ, Москва).

Таким образом, не отказываясь от ценностей человеческого общения и взаимопомощи, расположенности и дружелюбия, люди опасаются коммунальной фамиллярности и полной открытости своей приватной жизни. Фактически мы наблюдаем здесь общецивилизационный процесс индивидуации – повышения значения личного, индивидуального, специфицированный в российских условиях как процесс освобождения от коммунального образа жизни. Это переключение регистра ценностей с коммунального на персональное находит воплощение и в той дистанции, которую люди пытаются обозначить между соседями и друзьями. Соседи, как мы выяснили выше, не должны быть настоящими друзьями. Эта установка абсолютно симметрична и по отношению к друзьям: они не должны быть соседями. Логика та же – стремление обеспечить закрытость своей частной жизни и персональную независимость.

“...Нет, пускай они [друзья] будут близко, но не совсем там на одном этаже, потому что когда чрезмерное общение, тоже устаешь; и тоже получается – как большая семья, а хочется все-таки, наверное, немножко уже уединиться” (ДФГ, Москва).

“У меня и так друзей хватает, и не соседей. Сосед есть сосед. А то, чтобы друга иметь соседа, – не знаю...” (ДФГ, Воронеж).

Дружба – это осознанный выбор человека, и обязательства, которые этот выбор накладывает, принимаются им также добровольно. Это относится и к обязательствам, связанным с регулярностью дружеских контактов.

“Да, не очень хорошо <иметь друзей среди соседей>, потому что как бы должна быть все-таки своя личная жизнь, вообще собственная, по крайней мере, когда нужно – общаешься с друзьями, но когда не нужно – не общаешься” (ДФГ, Москва).

Было бы преувеличением утверждать, что подобные установки на защиту персонального пространства жизни разделяются всеми. Многие участники ДФГ

Как Вы считаете, что лучше — поддерживать с соседями близкие, приятельские отношения, поддерживать хорошие, но не очень близкие отношения или не поддерживать вообще никаких отношений?

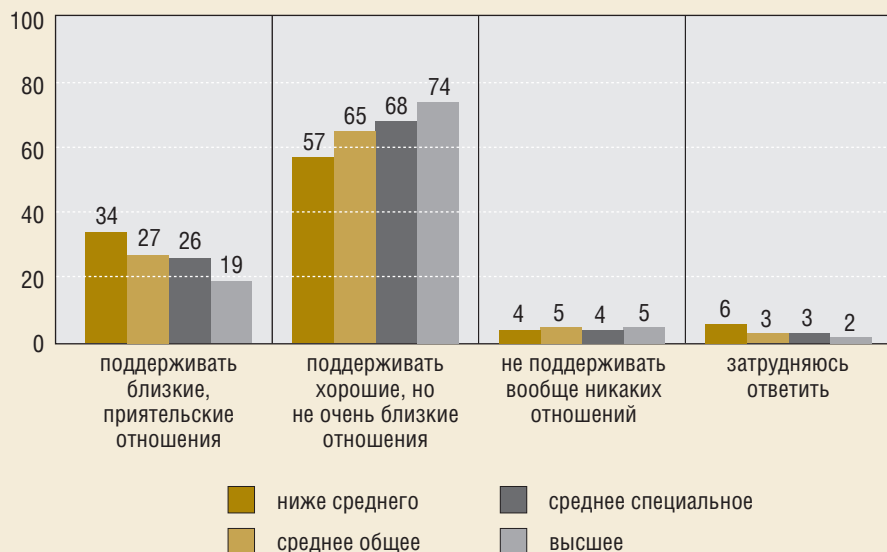

График 2. Установки на взаимоотношения с соседями в зависимости от образования

с энтузиазмом встретили идею поселить своих друзей по соседству. Обратим внимание на то, что при этом они не возражают и против превращения соседей в друзей.

Модератор: *А вам хотелось бы иметь друзей среди соседей или нет?*

1-й участник: *Конечно. Что же тут плохого?*

2-й участник: *День рождения, пикники вместе...*

Модератор: *А если говорить о ваших нынешних друзьях, вы хотели бы видеть их в числе своих ближайших соседей или нет?*

1-й участник: *Мне бы хотелось.*

3-й участник: *Чтобы Новый год вместе отмечали бы...* (ДФГ, Воронеж).

В подобной открытости тесному дружескому общению есть что-то детское (неслучайно люди тут же стали упоминать праздники, Новый год). Именно в детстве доминируют территориальные параметры формирования дружеских связей, а дружить – то есть общаться – можно целыми днями напролет. Несомненно и то, что персональная дистанция, устанавливаемая в общении даже между близкими людьми, в значительной степени зависит от индивидуальных психологических особенностей. Так, для одного человека «было бы очень комфортно, если бы... соседями были бы и друзья, и родственники».

«Я, кстати, обсуждал эту тему, и не раз. Говорил о том, что в один подъезд всех заселить – вообще было бы шикарно» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Психический склад другого допускает более ограниченный объем общения.

«Я бы не хотел <иметь друга в качестве соседа>. Мне хватает общения и в таком... а еще и в общежитии вместе жить... Все равно какой-то отдых друг от друга нужен. Это неплохо, что он может зайти к тебе в любой момент, но иногда это не хочется» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Для нас, однако, интереснее социологические закономерности, которые выступают на фоне разнообразного ландшафта индивидуальной психологии. Стремление установить дистанцию отличает людей, имеющих высшее образование, – которое является пусть грубым, но до некоторой степени релевантным индикатором степени личностного самоопределения. Если среди людей, не получивших полного среднего образования, к установлению близких, приятельских отношений со своими соседями стремятся (или во всяком случае декларируют такое стремление) треть опрошенных, а поддерживать с ними хорошие, но не очень тесные отношения предпочитают 57% респондентов, то среди обладателей вузовских дипломов близкие отношения с рядом живущими людьми выбирает лишь пятая часть (19%), а три четверти (74%) хотят хороших, но не очень тесных отношений (график 2).

Субкультуры соседства

В заключение – две статистические зарисовки особенностей соседского уклада, связанные с территориальной и поселенческой спецификой.

Довольно своеобразные психологические установки на взаимоотношения с соседями демонстрируют жители Москвы. Не располагая достаточным объемом данных, мы воздержимся от комментариев и обратим внимание лишь на статистически значимые отклонения от средних, которые содержит московская подвыборка. Прежде всего в Москве, судя по ответам респондентов, особенно широко (шире, чем в других городах) развита соседская взаимопомощь – на том же уровне, что и в сельской местности. Так, помогают своим соседям 81% москвичей и 82% жителей сел, получают помощь от соседей 80 и 79% соответственно. Заметим, что ответы москвичей и сельчан близки даже по вариантам “часто” и “редко” (табл. 1).

Половине москвичей приходилось, по их словам, справлять праздники вместе с соседями, приглашать их или ходить к ним в гости, что опять-таки отвечает особенностям деревенской коммуникации, где подобные празднично-гостевые отношения с соседями поддерживают 56% (для сравнения:

Табл. 1. Соседская взаимопомощь: территориальные особенности

% от групп (по столбцам)

	Москва	Мегполис	Большой город	Малый город	Село
Бывает или не бывает, что Вы в чем-то помогаете Вашим соседям? И если бывает, то часто или редко?					
Часто	44	40	41	38	47
Редко	37	40	29	35	35
Не бывает	16	20	29	22	14
Затрудняюсь ответить	3	0	1	5	5
Бывает или не бывает, что Ваши соседи в чем-то помогают Вам? И если бывает, то часто или редко?					
Часто	43	33	38	37	47
Редко	37	37	27	34	32
Не бывает	18	30	34	26	16
Затрудняюсь ответить	2	0	1	3	5

Вы хотели бы общаться с Вашими соседями больше, чем общаетесь сейчас, меньше или столько, сколько сейчас?

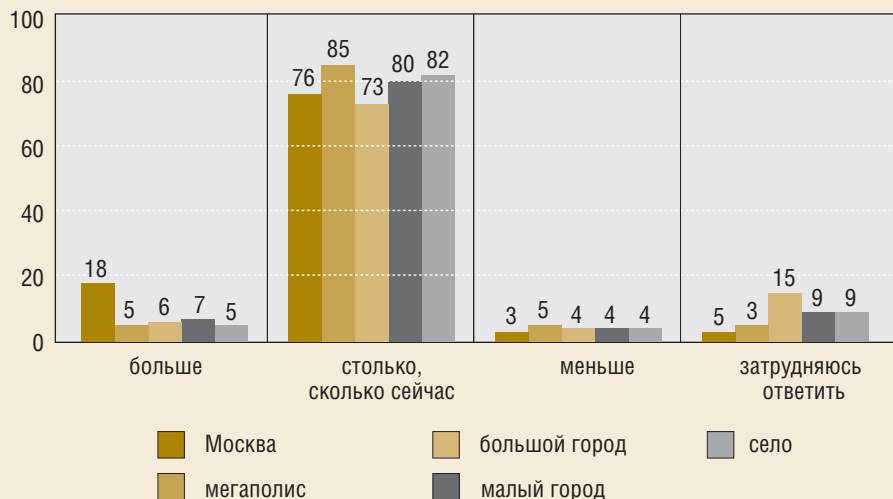

График 3. Потребность в общении с соседями в зависимости от типа поселения

в других мегаполисах – 36%, в больших городах – 40%, в малых городах – 37%). Откровенничают со своими соседями москвичи почти так же часто, как деревенские жители: 32% посвящают их в свои личные и семейные проблемы (на селе – 33%, в мегаполисах – 27%, в больших городах – 23%, в малых городах – 28%).

В то же время именно москвичи реже всего имеют среди своих соседей близких друзей – в 29% случаев, в то время как в других мегаполисах о наличии друзей среди соседей говорят 34% опрошенных, в больших городах – 37%, в малых – 35%, на селе – 53%. Именно среди москвичей наиболее распространена установка на поддержание со своими соседями хороших, но не очень близких отношений (80%), в то время как в других городах она характерна для 68–69% опрошенных, на селе – для 57% респондентов. Возможно, взаимопомощь и гостевые визиты не воспринимаются москвичами как достаточное основание для квалификации своих отношений с соседями как дружеских. Наконец, еще один любопытный факт, заслуживающий упоминания: почти пятая часть москвичей (18%) хотели бы общаться со своими соседями больше, чем общаются сегодня (в среднем по выборке – 7%) (график 3).

* * *

Специфика соседского образа жизни зависит не только от масштаба населенного пункта, но и от типа жилища респондента. Судя по данным опроса, наиболее гармоничные соседские взаимоотношения характерны для жителей частных домов, а наибольший дискомфорт от соседского окружения испытывают люди, живущие в небольших многоквартирных домах¹¹. Жители небольших домов

¹¹ Представители этой категории опрошенных составляют 17% выборки. Важно подчеркнуть, что эти люди не отличаются (как можно было бы ожидать) от “среднестатистических” россиян ни по возрасту, ни по уровню образования, ни по доходам.

Если говорить в целом, Вас скорее удовлетворяют или не удовлетворяют отношения с Вашими соседями?

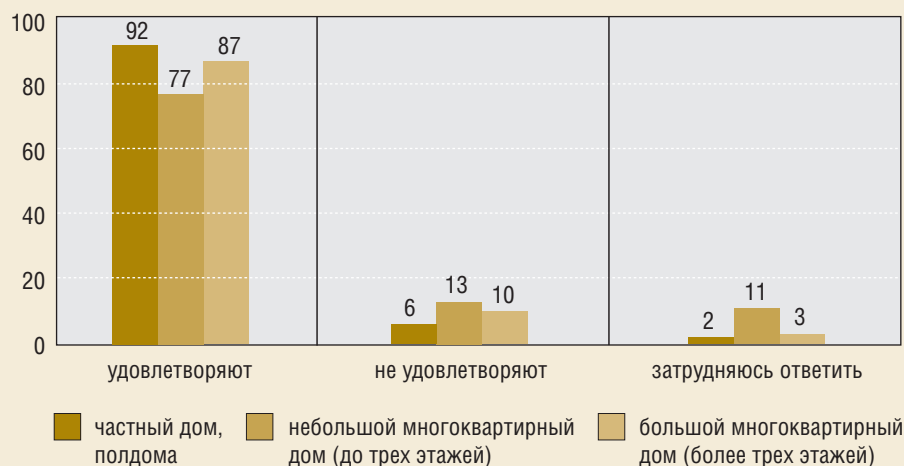

График 4. Удовлетворенность отношениями с соседями в зависимости от места жительства

Вы хотели бы общаться с Вашими соседями больше, чем общаетесь сейчас, меньше или столько, сколько сейчас?

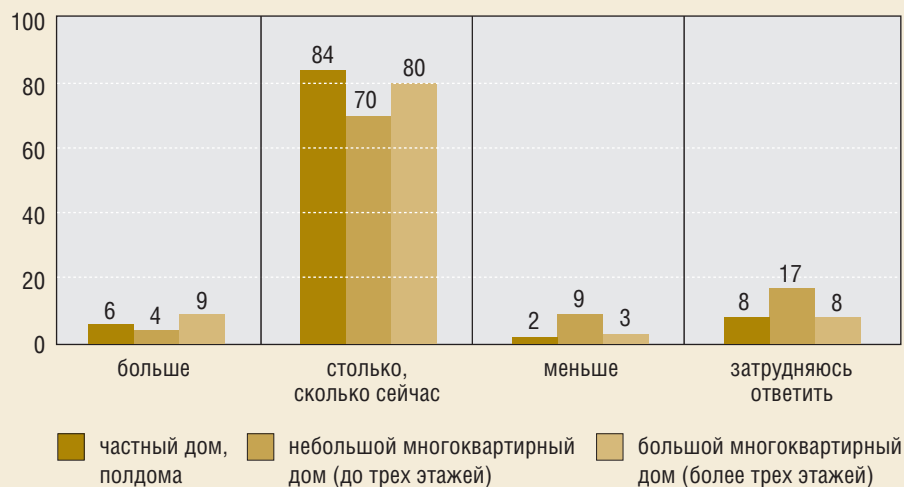

График 5. Потребность в общении с соседями в зависимости от места жительства

реже других говорят о своей удовлетворенности соседскими отношениями (77%, в то время как среди жителей частных домов удовлетворены своими отношениями с соседями 92%, в больших многоквартирных домах – 87% респондентов) (график 4).

Примерно каждый десятый житель таких домов хотел бы общаться с соседями меньше, чем общается сейчас (в частных домах – 2%, в больших домах – 3% подобных ответов), а 17% не стали отвечать на данный вопрос (в других типах жилищ – 8%) (график 5). Заметная часть жителей небольших домов (12%)

Как Вы считаете, что лучше — поддерживать с соседями близкие, приятельские отношения, поддерживать хорошие, но не очень близкие отношения или не поддерживать вообще никаких отношений?

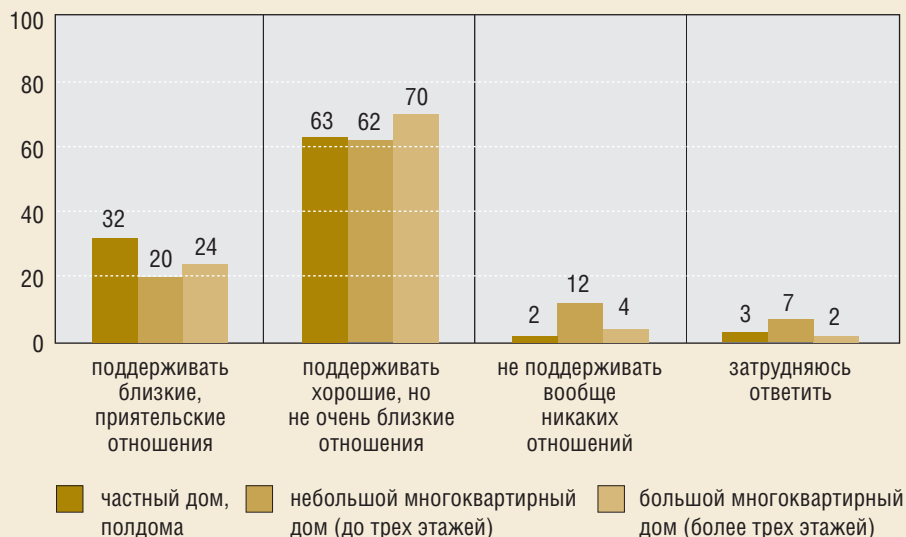

График 6. Установки на взаимоотношения с соседями в зависимости от места жительства

предпочли бы вообще не иметь никаких отношений с соседями. При этом опять обращает на себя внимание относительно высокая доля уклонившихся от ответа на вопрос о предпочтительном стиле взаимоотношений с соседями (7%), что можно интерпретировать как симптом неблагополучия в соседском мире. Среди жителей частных и больших многоквартирных домов лишь 2 и 4% соответственно предпочли бы не иметь никаких контактов с соседями. Доля уклонившихся от ответа здесь также невысока – соответственно 3 и 2% (график 6).

Неудивительно, что именно в небольших домах чаще всего случаются ссоры, открытые конфликты между соседями (37%; в больших многоквартирных домах – 21%, в частных – 28%).

По-видимому, именно здесь, в небольших многоквартирных домах, где плотность взаимодействия высока, а степень личностной автономии ниже, чем в частном или большом многоэтажном доме, чаще всего можно встретить худшие образцы советского коммунального образа жизни. ■

Литература

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.

Шмерлина И. Дружба как духовная и социальная реальность // Социальная реальность. 2006. №№ 5, 6.

А. Черняков

Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона

Предпринимательство. Собственники. Государство*

Предпринимательство**

Предпринимательство – одна из неотъемлемых составляющих социально-экономической практики современной России. С ним так или иначе, прямо или косвенно сталкивается сегодня едва ли не каждый россиянин. В то же время массовые представления о предпринимательской деятельности, как показал панельный опрос, проведенный в рамках проекта “Обыденный язык”, далеко не однозначны. Множественность и противоречивость существующих здесь мнений, суждений, оценок мы и попытаемся продемонстрировать.

Заметим, что опрос проводился в то время, когда ситуация “реабилитированного предпринимательства” была менее привычной, чем теперь. Вероятно, ее восприятие было тогда более обостренным, точки зрения – контрастнее. Однако основные смысловые позиции, выявленные в опросе, сохраняют, на наш взгляд, свою актуальность и сегодня.

Общие представления о предпринимательстве

Начнем с характеристики самого понятия “предпринимательство”, вырисовывающейся из полученных ответов. Для выяснения представлений респондентов о предпринимательстве им был предложен вопросный блок: *“Скажите, пожалуйста, что такое предпринимательство, в чем оно состоит? Существовало ли, на Ваш взгляд, предпринимательство при советской власти, и если да, то чем оно сегодня отличается от прежнего?”*

Заметим прежде всего, что полученные ответы в большинстве случаев лишены оценочной окраски: преобладают более или менее удачные определения, а не оценки.

* Продолжение цикла публикаций. Начало см.: Социальная реальность. 2006. №7–8.

** Панельный опрос 3–12 октября 2000 года (27 городов России, 810 респондентов).

В самом общем виде предпринимательство – это, по мнению респондентов, “бизнес, способ зарабатывания денег”, “один из способов добывания средств к существованию”. Основные его особенности заключаются, во-первых, в проявлении личной инициативы, во-вторых – в экономической самостоятельности по отношению к государству.

“Предпринимательство – это свое дело, которое открывает человек. Оно состоит в том, чтобы предоставлять населению какие-нибудь услуги или обеспечивать товарами и продуктами...”

“Предпринимательство – это когда человек работает сам на себя: сам себе хозяин, работник, бухгалтер и т. д. Крупный предприниматель имеет наемных работников...”

“...Предпринимательство – это что-то частное, рынок”.

“Предпринимательство – это когда люди занимаются своим делом независимо от государства, вкладывают свои деньги. Прибыль тоже остается у них, и за это они платят государству налоги...”

“Предпринимательство представляет собой инициативную деятельность граждан и их объединений, направленную на получение прибыли...”

Для многих участников опроса предпринимательство ассоциируется прежде всего с торгово-посреднической деятельностью (а также со сферой услуг). О сфере производства речь идет существенно реже. Видимо, причина в том, что на бытовом уровне рядовой россиянин чаще всего сталкивается с предпринимательством именно в системе отношений “продавец – покупатель”. Отсюда и распространенное представление, что предпринимательская деятельность – это “сплошь торговля”. А в ряде ответов российское предпринимательство – по крайней мере нынешнее – даже напрямую противопоставляется производству. При чем в этом случае нейтрально-описательные характеристики нередко сменяются оценочно-негативными, где ключевое слово – “спекуляция”.

“Предпринимательство – это частный бизнес. Оно состоит в купле-продаже. Есть и такие, которые создают что-то, но это крайне редко...”

“Предпринимательство – это свое дело, частное предприятие, которое занимается либо торговлей, либо какими-нибудь услугами. Платят налоги...”

“Здесь купил, там продал, при этом не производя ничего...”

“Предпринимательство – это теперешний бизнес, когда почти все перепродают товар, спекулируют и крупно навариваются...”

“Где-то, наверное, взял, а здесь продал. Раньше это спекуляцией называлось, а теперь – предпринимательство...”

Дополнительный материал для характеристики массовых представлений о предпринимательстве дают ответы на вторую часть вопроса – о том, существовало ли оно при советской власти, и если да, то чем оно теперь отличается от тогдашнего.

Наиболее часто высказывается мнение, что предпринимательская деятельность существовала и в советское время, но нелегально, а если и легально, то в гораздо меньших масштабах. Предпринимательскую практику тех лет многие участники опроса склонны сводить либо к разрешенному кустарно-ремесленному труду (мелкий ремонт и т. п.), либо к запрещенной перепродаже дефицитных товаров (в основном та же “спекуляция”). Упоминания о теневой экономике советских времен весьма редки.

“...При советской власти оно существовало, но в меньшей мере и нелегально”.

“Сегодняшнее предпринимательство – законное, а раньше было подпольное, наказуемое”.

“...При советской власти было, но считалось все незаконным. Мало было мастеровых, сапожников, ключников. Много они ничего не делали, копейки делали. Сейчас все открыто, свободно – торгуй, спекулируй...”

“...При советской власти такие люди считались спекулянтами, они не поощрялись и их не показывали”.

“При советской власти была теневая экономика, но это все скрывалось. А сейчас это легально...”

Некоторые респонденты с явным удовлетворением отмечают, что при советской власти “спекуляция” преследовалась, и возмущаются, что теперь она разрешена в широких масштабах.

“...Были они и при советской власти – их садили, и правильно делали. Их легально разрешили в настоящее время, безнаказанно занимаются спекуляцией”.

“В советскую жизнь таких спекулянтов сажали, и правильно делали. А сейчас власть – это те же воры, предприниматели...”

“...При советской власти оно существовало, государством не поощрялось, спекулянты были презираемы, изгонялись со своих торговых мест. Сейчас страна – большой базар”.

Реже встречается мнение, что предпринимательства при советской власти вообще не было. Одни объясняют это тем, что прежний социально-экономический уклад его в принципе не допускал, и попытки предпринимательства государством карались.

“При советской власти предпринимательства не было, и “частная лавочка” каралась законом...”

“...При советской власти их не было – все было государственное”.

Для рядовых россиян основные особенности предпринимательства заключаются, во-первых, в проявлении личной инициативы, во-вторых – в экономической самостоятельности по отношению к государству

Интереснее другой довод (правда, нечасто встречающийся): настоящий бизнес основан на легитимных отношениях с государством, поэтому незаконную, подпольную экономическую деятельность, существовавшую при советской власти, считать предпринимательством нельзя.

“Предпринимательства при советской власти не было. Предприниматель – он имеет свидетельство, какую-то бумагу на право купли-продажи”.

“...На мой взгляд, при советской власти не было – были, но оно не было легализовано. Теперьшние отличаются тем, что сейчас созданы законы, и то, что раньше называлось спекуляцией, сейчас бизнес”.

Некоторые респонденты, говоря о предпринимательстве при советской власти, ссылаются на период НЭПа – и, по всей видимости, не только потому, что тогда оно было легитимизировано больше, чем в какие-либо иные годы советской истории. Как полагают некоторые опрошенные, предприниматели 20-

х годов по сравнению с нынешними гораздо больше занимались производственной деятельностью.

“Во время НЭПа было, производители были, а не просто перекупщики – купи-продай. Сейчас предпринимательство – это торговля, мало производится”.

“...В советское время было, во времена НЭПа. От нынешнего отличалось тем, что тогда производили, а сейчас покупают и продают”.

“...Тот же НЭП, при котором сами производили, а сейчас только перепродают заграничное”.

Отвечая на вопрос, респонденты, как мы видели, иногда спонтанно привносили в свои суждения оценочные элементы. Но специальному выявлению их оценок предпринимательства были посвящены другие вопросы анкеты. К рассмотрению ответов на них мы и переходим.

“За” и “против”

Как известно, история новейшего российского предпринимательства относительно непродолжительна. Само его становление явилось вначале симптомом, а затем следствием распада советской социально-политической системы, со всеми присущими ей идеологическими стереотипами, среди которых негативный стереотип “частного предпринимательства” занимал далеко не последнее место. В силу этого отношение к постсоветскому предпринимательству продолжает сохранять на уровне массового сознания определенный потенциал проблемности, что и подтвердили результаты опроса.

Участников исследования спросили: *“Нужно ли, на Ваш взгляд, развивать предпринимательство в России, и если да, то зачем? Насколько это важно для экономики и жизни страны?”*

Большинство респондентов убеждены, что развивать в России предпринимательство *нужно*. В обоснование этого мнения приводятся достаточно разнообразные аргументы, которые мы разделим (с известной долей условности) на две группы: неспецифические и специфические. Первая группа доводов

справедлива не только для предпринимательской, но и для любой экономической деятельности, тогда как вторая характеризует достоинства именно предпринимательства.

К неспецифическим можно отнести следующие аргументы. Благодаря предпринимательству: 1) создаются новые рабочие места, уменьшается безработица; 2) увеличивается объем налоговых поступлений в бюджет; 3) появляется больше товаров и услуг; 4) соответственно снижаются цены на них; 5) уменьшается потребность в импортной продукции.

“...Это очень важно, так как поступают налоги в казну. Опять же занятость рабочих мест”.

“Нужно, потому что будет больше товаров и услуг, а значит, будет больше налогов, которые будут в казне...”

“Конечно, нужно. Увеличится ассортимент – и будут снижаться цены. Рынок будет насыщаться российскими товарами”.

“Нужно развивать предпринимательство в России, так как меньше будет ввоза товара”.

Что касается специфических аргументов, то наиболее общий из них заключается в том, что предпринимательство сегодня частично берет на себя прежние функции госсектора экономики. Кстати сказать, в силу этого и приведенные выше неспецифические доводы ситуативно оказываются доводами в поддержку именно предпринимательской деятельности.

Другие аргументы в пользу предпринимательства, отнесенные нами ко второй группе, сводятся в основном к следующему: 1) преодолевается монополизм в экономике, формируется конкурентная среда, стимулируется развитие рыночных отношений; 2) развиваются (главным образом благодаря малому бизнесу) те сферы рынка товаров и услуг, где государственная экономика недостаточно мобильна и эффективна; 3) из-за меньших по сравнению с госсектором накладных расходов предпринимательство ведет к снижению себестоимости продукции; 4) труд на себя более эффективен и открывает перед предпринимателями простор для самореализации, проявления творческой энергии и инициативы.

“...Если государство чего-то не может, то пусть хоть предприниматели делают”.

“Есть много мелких дел – государство не занимается, а мелкий предприниматель стал бы”.

“Нужно развивать предпринимательство, чтобы не было государственной монополии и на услуги, и на разные товары...”

“Нужно: чтобы лучше жить, нужна конкуренция. Чем больше производят, тем меньше цена...”

“...Предприниматель всегда будет продавать по более низкой цене, чем государство”.

“Рачительный хозяин – предприниматель, фермер. Надо поощрять рачительных хозяев”.

“...Люди на себя работают лучше, чем на дядю”.

“...Среди предпринимателей много умных и талантливых людей, которые сейчас получили возможность реализовать свой потенциал”.

У многих участников опроса предпринимательство ассоциируется прежде всего с торгово-посреднической деятельностью (а также со сферой услуг). О сфере производства речь идет существенно реже. В ряде ответов предпринимательство даже противопоставляется производству

Те, кто полагает, что развивать предпринимательство *не нужно*, составляют среди опрошенных явное меньшинство. Их позиция фактически сводится к ностальгии по советским временам, с характерным для них тотальным огосударствлением экономики.

“Это не та страна, в которой должно быть предпринимательство. Здесь все должно быть централизованно и принадлежать государству...”

“Не нужно развивать. Надо уничтожить предпринимательство, а сделать колхоз и совхоз”.

“Я против этого. Надо развивать государственную торговлю, а не частную...”

“Я считаю, раньше было все государственное, никакого предпринимательства, и лучше жили мы – все было, цены были одинаковые”.

К этой группе ответов примыкают высказывания тех респондентов, которые занимают в данном вопросе двойственную позицию. Они не против предпринимательства в принципе, но их в той или иной мере не устраивает сложившаяся предпринимательская практика, и чаще всего – все тот же ее “торговый уклон”.

“Если это товаропроизводители, то да, они работают на экономику страны, а перекупщики обогащают только себя”.

“Я считаю, что фермеров нужно поддерживать и развивать, а которые привозят из Турции и Москвы и нам перепродают – их можно поприжать”.

“Не знаю. Может, и нужно, но не такое, как у нас, а честное”.

“У нас такая особенная страна, что все это чревато. Вообще-то это дело хорошее, но, мне кажется, не в нашей стране. Не то мы недоразвились до уровня других стран, где с предпринимательством все нормально, не то еще что-то, но у нас как-то все не как у людей. Условий нет, поэтому и пользы реальной особенной нет”.

В несколько ином смысловом ракурсе отношение к предпринимательству зондировалось по ответам на следующий вопрос анкеты: *“Как относятся Ваши знакомые, люди вокруг Вас к предпринимательству, предпринимателям? Что говорят по этому поводу?”*

Отметим прежде всего, что респонденты чаще констатируют положительное отношение окружающих к предпринимательству, чем отрицательное. Доводы и “за”, и “против” – в основном те же, что приводились выше. Поэтому не будем их повторять, а ограничимся цитированием характерных суждений.

Вот несколько высказываний тех, кто считает, что люди в основном относятся к предпринимательству положительно.

“Положительно относятся: все понимают, что чем больше товаров и услуг, тем лучше. Есть выбор, и цены могут быть разные”.

“Что говорят люди по поводу предпринимательства, не могу сказать, а вот как относятся – больше верят предпринимателю, кто ответственен за свою работу, чем безответственному государству”.

“Положительно относятся к предпринимателям, так как они трудятся для себя и своих семей”.

“Положительно. Они и сами хотели бы заниматься бизнесом, но нет денег на развитие или открытие своего дела”.

А вот высказывания респондентов, по мнению которых люди относятся к предпринимательству в основном отрицательно.

“Людам не нравятся предприниматели, так как они зажиточные, люди завидуют”.

“Если честно, то в большинстве своем многие – со злой завистью”.

“Со злостью. Считают, что из-за предпринимателей такие высокие цены, и расходы поэтому не совпадают с доходами”.

“Ни одного хорошего слова я о них не слышала – говорят, что это все ворье, обманщики и жулики”.

Как видно из приведенных ответов, тут доминирует тема зависти по отношению к предпринимателям. Понятно, почему такие суждения встречаются в ответах именно на данный вопрос: речь идет о чувстве, которое легче приписать другим, чем себе. Впрочем, очевидно, что в некоторых случаях респонденты действительно говорят о чужих мнениях, нимало не солидаризируясь с ними – когда, например, упоминается “злая зависть”.

Кроме полярных точек зрения – “за” и “против” – в полученных ответах достаточно широко представлены мнения тех, кто отмечает различия и дифференциацию в отношении людей к предпринимательству. На этой группе ответов имеет смысл остановиться подробнее.

Прежде всего здесь вновь встречается уже знакомый нам мотив: поддержка предпринимательства в принципе, но настороженная или неодобрительная реакция на существующую предпринимательскую практику.

“Люди к самому предпринимательству относятся спокойно, не осуждают, а вот к предпринимателям – в зависимости от человека. Ведь есть

хозяева, которые не платят зарплату поработавшему на него человеку. Такого, конечно же, очень не любят”.

“Знакомые относятся положительно к такому явлению, как предпринимательство, но к предпринимателям относятся двояко. Потому что конечная цель деятельности предпринимателя – это получение личной выгоды”.

Не исключено, что, противопоставляя *предпринимательство* и *предпринимателей*, некоторые респонденты тем самым обнаруживают несбалансированность собственной позиции в данном вопросе. Дело в том, что, с одной стороны, предпринимательство теперь официально санкционируется и одобряется, с другой – может по тем или иным причинам вызывать неприятие, отторжение на личностном уровне. Возникающую в этом случае эмоционально-ценностную коллизию один из респондентов сформулировал так: *“Положительно – по их словам, отрицательно – в душе”.*

Судя по полученным ответам, отношение к предпринимателям зависит и от сферы их деятельности: негативно воспринимаются чаще всего те из них, кто, во-первых, занимается торговлей (знакомый мотив!), во-вторых – вышел за рамки мелкого бизнеса.

“Довольны сферой услуг, но недовольны предпринимателями – перекупщиками на рынках”.

“Относятся спокойно и с определенной симпатией и уважением, но опять же к тем, кто что-то производит, а не перепродает”.

“В целом нормально. Многие жалеют мелких предпринимателей – их душат. А бизнесменов все ругают. Нельзя без воровства да за свой счет нажить такие средства”.

“Я считаю, что положительно относятся к мелкому предпринимательству, а к крупным – большое негативное отношение. Откуда такие средства? Значит, это куплено на ворованные, нечестным путем нажитые деньги”.

Иногда респонденты подчеркивают различия в эмоциональной реакции окружающих людей на предпринимательство (причем здесь снова всплывает тема зависти).

“Кто как относится. Есть завистливые, что кому-то повезло. А есть равнодушные: молодец человек, добился чего хотел”.

“Кто-то предпринимателям завидует. Кто-то жалеет их из-за тяжелой работы”.

Но, пожалуй, чаще всего в этой группе ответов упоминается о несходстве отношения к предпринимательству тех или иных слоев населения, и главным образом – разных возрастных групп. Понятно, что “сторонниками” предпринимательства оказываются в большей степени молодые, чем пожилые.

“По-разному, в зависимости от менталитета. Среди пожилых – часто ругают, среди молодых – приветствуют”.

“Молодые поддерживают, а люди пожилого возраста относятся негативно, называют ворами и жуликами”.

“По-разному. Пожилые тяготеют к прошлому. Молодежь поддерживает”.

Большинство участников опроса убеждены, что развивать в России предпринимательство нужно. Они также чаще констатируют положительное отношение окружающих к предпринимательству, чем отрицательное

“У всех взгляды разные: кто-то хвалит, коммунисты старые – ругают”.

“Интеллигентные люди к предпринимателям относятся положительно, а необразованные – отрицательно, с завистью”.

Приведенные ответы подтверждают тот факт, что в обществе сложилось неоднородное отношение к предпринимательству. Вместе с тем для большинства респондентов это отношение уже утратило проблемную остроту – предпринимательство воспринимается ими как один из привычных элементов экономической жизни.

Предприниматель: социальный портрет

До сих пор речь шла преимущественно о *предпринимательстве* как определенном виде экономической деятельности. Теперь несколько сместим акценты и сосредоточимся на отношении участников опроса к самому *предпринимателю* как социальному типу. И прежде всего посмотрим, является ли предприниматель на уровне массового сознания положительным или отрицательным героем.

Первый из двух вопросных блоков анкеты, которые помогут нам выяснить это, формулировался так: *“Как, по Вашему мнению, влияют предприниматели на экономику и жизнь страны – положительно или отрицательно? В чем это выражается?”*

В опросе выявилось некоторое доминирование *положительных* оценок экономической роли предпринимателей над отрицательными. При этом в заслугу предпринимателям ставится, во-первых, то, что они насыщают рынок товарами и услугами, во-вторых, то, что, платя налоги, тем самым пополняют госбюджет.

Интересно, что многие респонденты приводят либо один, либо другой из двух этих аргументов. Складывается впечатление, что часть опрошенных оценивают предпринимателей преимущественно в “микромасштабе”, исходя из запросов потребительской практики, тогда как другая часть – в “макромасштабе”, то есть с точки зрения интересов государства в целом. Соответственно одни акцентируют внимание на том, что дают предприниматели потребителю, другие – на уплате ими налогов. Прочитируем тех и других.

Начнем с высказываний респондентов, которые ориентируются преимущественно на частные интересы потребительской практики.

“Положительно, потому что они работают на рынок потребителя”.

“Они влияют положительно. У них все можно купить”.

“Естественно, положительно. Выражается в повышении разнообразия сферы услуг”.

“...Приближение рынка к покупателю”.

Теперь – мнения тех, в чьих ответах просматривается “государственнический” подход.

“Если предприниматели платят налоги, значит, положительно влияют, потому что эти деньги идут в казну страны”.

“На экономику – положительно. Платят налоги – основное”.

Выявилось некоторое доминирование положительных оценок экономической роли предпринимателей над отрицательными. В заслугу предпринимателям ставится, во-первых, то, что они насыщают рынок товарами и услугами, во-вторых, то, что, платя налоги, тем самым пополняют госбюджет

“Вообще положительно. Чем больше предпринимателей, тем больше налогов в бюджет. Повышается зарплата бюджетникам”.

“Положительно, так как налоги и отчисления идут в бюджет, от них – пенсии и зарплаты”.

Разумеется, нередко в ответах участников опроса сочетаются оба указанных подхода, но нам важно было подчеркнуть наличие в общественном мнении по данному вопросу несхожих, даже контрастных критериев оценки.

На других аргументах в поддержку предпринимателей (создание новых рабочих мест, формирование конкурентной среды в экономике и др.) мы останавливаться не будем, поскольку об этом уже говорилось раньше.

Те, кто оценивает роль предпринимателей в жизни страны отрицательно, обычно критикуют их за эгоизм и стяжательство, а также за уклонение от уплаты налогов. Упомянутая выше ориентация в оценках на частные потребительские интересы для таких респондентов нехарактерна.

“Предприниматели отрицательно влияют на экономику, они для себя все делают, а не для государства”.

“Сейчас влияют отрицательно (в основном это перекупщики, их большинство), так как пытаются уйти от налогов”.

“На экономику предприниматели отрицательно влияют. Доходы идут предпринимателю, а не государству”.

Следующий вопросный блок анкеты был непосредственно направлен на выявление сложившегося в массовом сознании социально-психологического “образа” предпринимателя: *“Как Вы считаете, зачем люди занимаются предпринимательством? Что это за люди – предприниматели, в чем их особенности?”*

Некоторые участники опроса полагают, что никаких особых черт у предпринимателей нет. Но в большинстве случаев респонденты дали на вопрос содержательные ответы.

Мотивы, побуждающие заниматься предпринимательской деятельностью, чаще всего, по мнению респондентов, таковы: 1) стремление к получению высоких доходов, обогащению, наживе; 2) желание добиться независимости, быть

самому себе хозяином; 3) потребность в самореализации, в выявлении своих способностей; 4) потеря или неприемлемость условий прежней работы в госсекторе. Позитивные характеристики мотивов, движущих предпринимателями, сочетаются в ответах респондентов с негативными и нейтральными.

“Это люди, работающие сами на себя с желанием как можно больше заработать...”

“Занимаются для своего обогащения...”

“Занимаются предпринимательством, чтобы прокормить себя, заработать деньги и ни от кого не зависеть...”

“Люди занимаются предпринимательством, чтобы самореализоваться...”

“...Иногда люди вынуждены заниматься частным предпринимательством, потому что потеряли свои рабочие места”.

Из личностных особенностей предпринимателей чаще всего упоминаются их волевые и деловые (профессиональные) качества. По мнению респондентов, это люди “энергичные”, “целеустремленные”, “работоспособные”, “самостоятельные”, “независимые”, “контактные”, обладающие хорошими “органи-

Те, кто оценивает роль предпринимателей в жизни страны отрицательно, обычно критикуют их за эгоизм и стяжательство, а также за уклонение от уплаты налогов

зационными способностями” и т. д.

На данной группе качеств акцентируют внимание в основном те, кто относится к предпринимателям с одобрением или во всяком случае толерантно.

О моральных качествах предпринимателей чаще говорят, напротив, те, кто воспринимает их деятельность с неодобрением. Поэтому здесь преобладают такие определения, как “хитрые”, “изворотливые”, “черствые”, “алчные”, “бесцеремонные”, “бессовестные” и т. п.

Существенно реже упоминаются интеллектуальные качества предпринимателей – но если упоминаются, то в позитивном ключе: “умные”, “думающие”, “находчивые”, “изобретательные” и др.

Нередко высказывается мнение, что занятие предпринимательской деятельностью требует особого призвания.

Кроме личностных качеств, иногда также указывается на необходимость наличия начального капитала.

Завершая наш обзор суждений респондентов, приведем несколько цитат, в совокупности своей охватывающих все эти характеристики предпринимателей и пунктирно рисующие их “собираемый образ”.

“...Отличаются прежде всего решительностью, верой в свои силы и организаторскими способностями”.

“Это люди, которые зарабатывают себе на жизнь своим умом, и каждый чувствует себя директором”.

“...Это умные люди, с изюминкой и при деньгах”.

“У этих людей есть какой-то дар, я думаю, что любой человек этим заниматься не сможет”.

“Конечно, это люди деловые, энергичные, умные и изворотливые”.

“...Меньше комплексов, больше действий”.

“...У них должна быть хватка: больше урвать”.

“Это категория людей, которая бесцеремонна, бессовестна, которой все равно, каким образом получать деньги”.

“...Очень черствые люди, желающие, не вкладывая своего труда, иметь прибыль”.

* * *

Как показали результаты опроса, позитивное или нейтральное отношение к предпринимательству встречается в современном российском обществе в целом чаще, чем негативное.

Позитивную роль предпринимательства респонденты усматривают прежде всего в том, что оно способствует насыщению рынка товарами и услугами, созданию новых рабочих мест, пополнению бюджета за счет налоговых отчислений с доходов предпринимателей. Кроме того, предпринимательство берет на себя часть тех функций, которые принадлежали раньше госсектору экономики.

В то же время значительная доля опрошенных негативно оценивают нынешнее российское предпринимательство, сводя его полностью или преимущественно к сфере торговли и квалифицируя при этом как нечестное и аморальное обогащение – “торгашество”, “спекуляцию”. Такие респонденты ставят в упрек предпринимателям алчность, стремление нажиться за счет других, а также злостное уклонение от уплаты налогов. По всей видимости, торгово-посредническая деятельность не воспринимается этими людьми как социально и экономически полезный элемент предпринимательства.

На отношение к предпринимательству, как отмечают сами респонденты, существенно влияет возрастной фактор: представители старшего поколения значительно чаще неодобрительно относятся к такой деятельности, чем молодые. Вероятно, это во многом объясняется сохранением в сознании части наших сограждан стереотипов советской эпохи – с ее резко враждебным отношением к “частному предпринимательству”.

Собственники*

К числу важнейших понятий, обретших новую социальную значимость в условиях постсоветской России, относится понятие “собственность” и производное от него – “собственник”. В современной российской действительности смысл и оценочная окраска понятия “собственник” по сравнению с предыдущим историческим периодом радикальным образом изменились. Эти изменения, естественно, не могли не затронуть и сферу житейских, обыденных представлений. Выяснению того, как в новых условиях воспринимается на уровне массового сознания фигура собственника, был посвящен один из панельных опросов, проводившихся в рамках проекта “Обыденный язык”. Респондентам был предложен вопрос: “Какие чувства, какие ассоциации вызывает у Вас само слово «собственник»?”

Согласно представлениям значительной части опрошенных, собственник – это практически *каждый*, поскольку это всякий человек, у которого есть какая-либо собственность. Иногда в ответах подчеркивается также, что в психологическом плане это человек с развитым чувством хозяина, ощущением своей самостоятельности и независимости.

“Собственник – человек, обладающий собственностью. Это может быть любой человек...”

* Панельный опрос 2–9 ноября 2000 года (27 городов России, 810 респондентов).

“Собственник – гражданин, владеющий каким-либо имуществом, недвижимостью, акциями, ценными бумагами, денежными средствами на счетах в банках”.

“...Собственник – значит имеешь что-то. Можешь распоряжаться собственностью по своему усмотрению”.

“Каждый из нас является собственником чего-либо. Только размеры и стоимость собственности у всех разные”.

“...Собственность была всегда и у всех. У одних заводы, у других – последняя рубашка на теле. У каждого своя собственность”.

“...Каждый человек по сути – собственник. Даже чувство патриотизма является в какой-то мере чувством собственности. Большинство из нас – собственники, но вот только собственности у нас мало”.

“Собственник – все вокруг мое, все свое, никаких негативных явлений, все хорошо. Самостоятельный и уверенный в себе человек, всего добивается”.

“Развивает чувство хозяина, уважение к труду – своему и другого человека. А это, в свою очередь, воспитывает и в детях уважение к труду...”

Вместе с тем у многих участников опроса слово “собственник” ассоциируется лишь с высоким уровнем материального достатка (или даже с богатством) либо с предпринимательской деятельностью, владением средствами производства и капиталом, а иногда – со всем этим вместе. Себя такие респонденты к числу собственников зачастую не относят, для них собственники – это, как правило, другие.

“Человек с достатком, у которого комфортно устроен быт”.

“Собственник – это богатый человек...”

“Почему-то представляется этакий русский барин в халате и с борзыми собачками”.

“Это слово связано с богатством, с деньгами, купцами, крепким хозяином, работающим человеком. Это человек, у которого есть собственность”.

“Собственник имеет свое производство, магазины, машины”.

“Собственник – это кооператор. Это человек, у которого есть акции, земля, дачи и т. д.”

Из такого – искаженного – представления о собственниках проистекают ответы респондентов, утверждающих, что у них собственности нет (хотя к числу бомжей они явно не относятся). Другое следствие той же смысловой деформации рассматриваемого понятия – заявления некоторых участников опроса о том, что они хотели бы стать собственниками (следовательно, сейчас ими не являются).

“В голову мне ничего не входит. У меня нету собственности, я и не вникаю”.

“Никаких ассоциаций у меня это слово не вызывает, может быть, потому, что я не являюсь собственником чего-либо”.

“Хотелось бы стать собственником, иметь что-нибудь, например машину”.

“Спокойное, доброжелательное. Неплохо бы самой войти в эту категорию”.

“Чувство одобрения. Есть желание стать собственником, но нет возможности”.

В представлении многих респондентов собственник – это практически каждый, поскольку это всякий, у кого есть какая-либо собственность. Иногда подчеркивается, что в психологическом плане это человек с развитым чувством хозяина, ощущением своей самостоятельности и независимости

Если говорить об эмоционально-оценочной стороне дела, то для большинства респондентов характерно доброжелательное или, во всяком случае, вполне толерантное отношение к фигуре собственника.

“Положительные чувства. Что мое, то мое. и я могу распоряжаться этим как захочу”.

“Очень приятные чувства. Ассоциация с чем-то своим, личным, неприкосновенным”.

“Хозяин своего объекта. Чувство только положительное”.

“Нормальные чувства. Ничего отрицательного. Имеет – и слава богу...”

“Слово “собственник” у меня не вызывает никаких чувств. Если человек что-то имеет, какую-то собственность, то это его, и какие чувства тут могут быть?!”

“Слово – привычное. Всегда были собственники. Величина собственности разная бывает, но слово от этого хуже не бывает”.

Впрочем, у определенной части респондентов слово “собственник” вызывает совсем иную – отрицательную – реакцию. В ее основе лежат два разных мотива.

В ответах некоторых участников опроса воспроизводится негативный стереотип “собственника”, восходящий к советской эпохе.

“Не очень мне нравится это слово, и не очень я его признаю. Раньше была личная собственность и государственная. Мы защищали свою, а государство – свою собственность. Да и нашу помогало хотя бы от воров уберечь. Не люблю я это слово”.

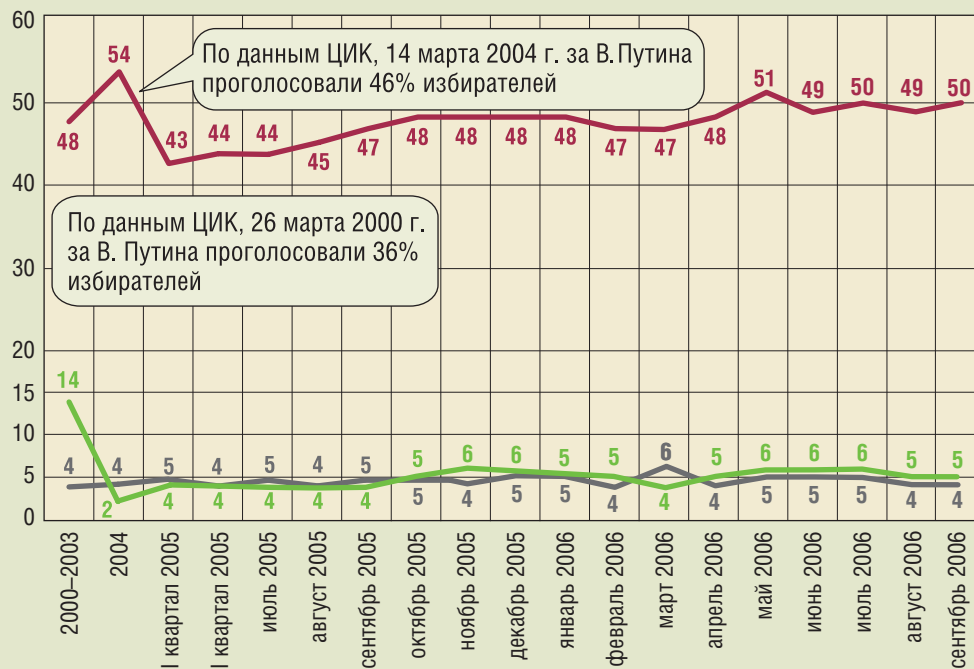
Окончание см. на стр. 69 →

Электоральные рейтинги

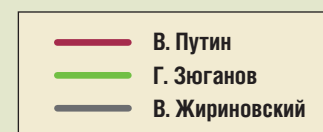
Данные в % от населения

Еженедельные опросы населения. 2000—2006 годы. Выборка: 3000 человек

Политики

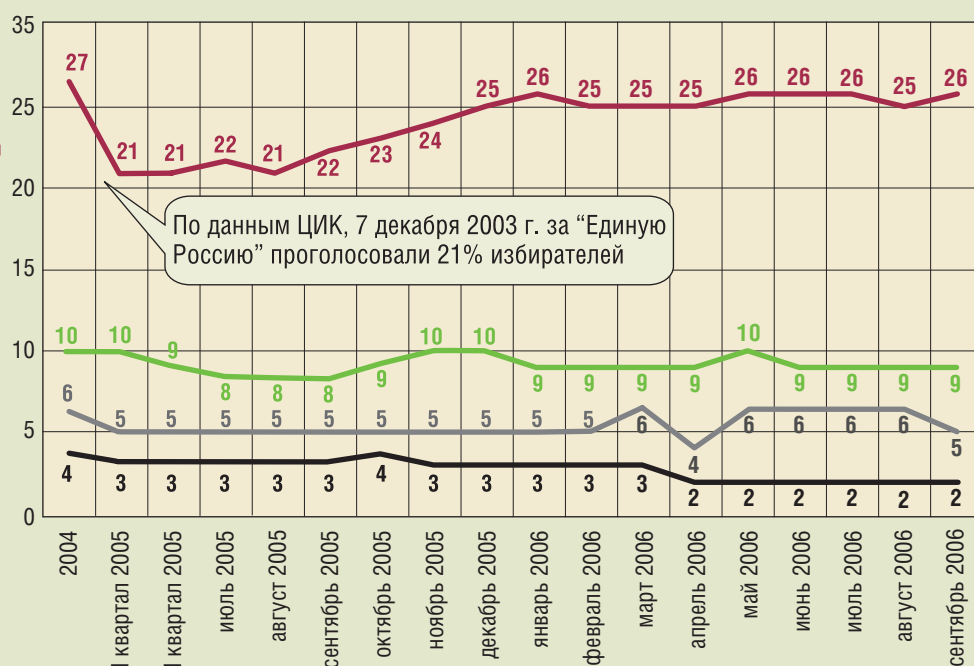

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали? (Карточка, один ответ)

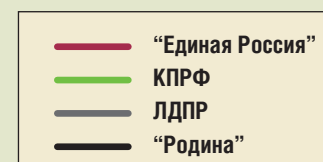

Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%.

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали? (Карточка, один ответ)

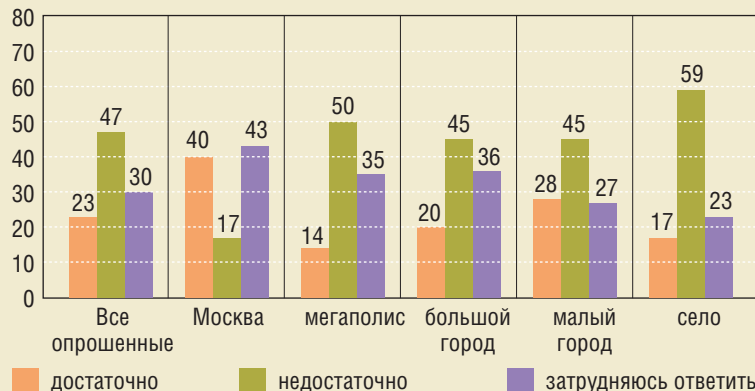

Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%.

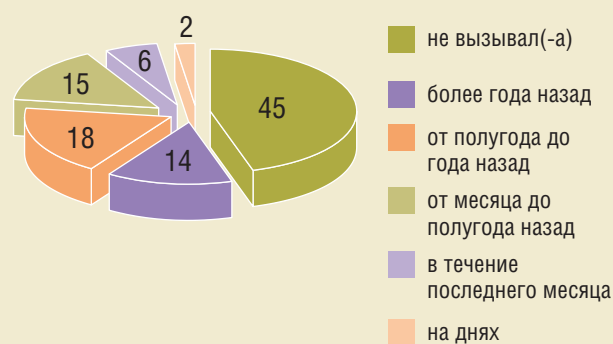
Врачебная помощь: “скорая” и обычная

Данные в % от населения

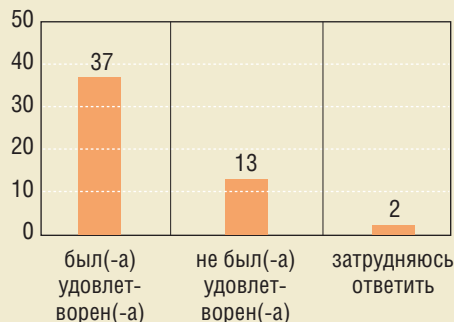
Как Вы полагаете, там, где Вы живете, машин “скорой помощи” достаточно или недостаточно?

Если в последние два-три года Вы вызывали себе или другим людям “скорую помощь” (или “скорую помощь” вызывали Вам), то когда это было в последний раз?

Вы были или не были удовлетворены качеством медицинских услуг, оказанных врачами “скорой помощи?”*

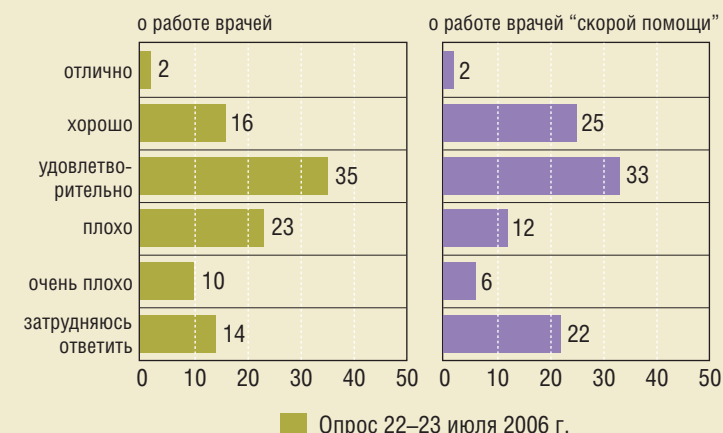

Сколько времени прошло между вызовом “скорой помощи” и ее приездом?*

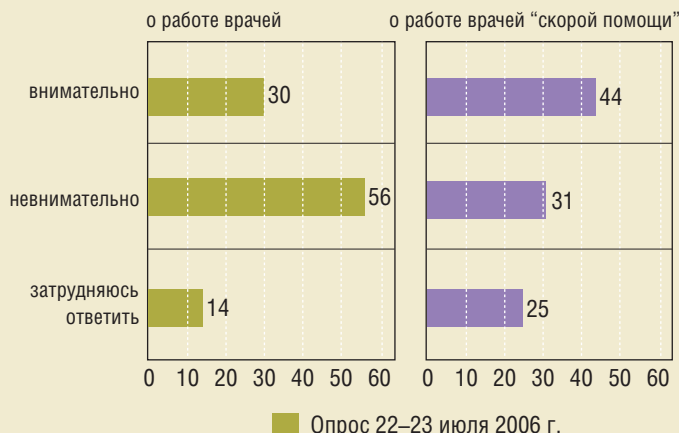

* Ответы заявивших, что в последние два-три года они вызывали себе или другим людям “скорую помощь”, и она приехала

Как, по Вашему мнению, работают сегодня врачи (врачи “скорой помощи”), как они справляются со своими обязанностями — отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

Как Вы считаете, большинство российских врачей (врачей “скорой помощи”) относятся к своим пациентам внимательно, отзывчиво или невнимательно, равнодушно?

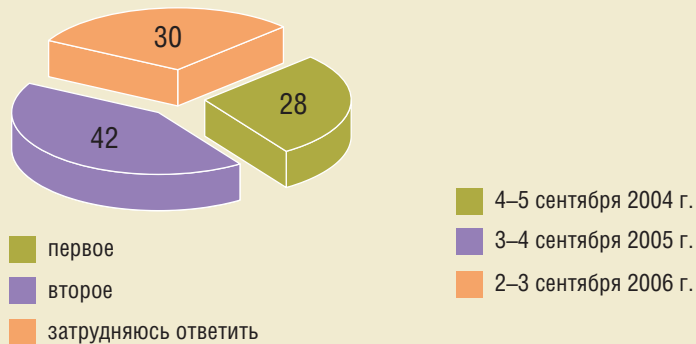

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 19–20 августа 2006 года. Выборка: 1500 человек

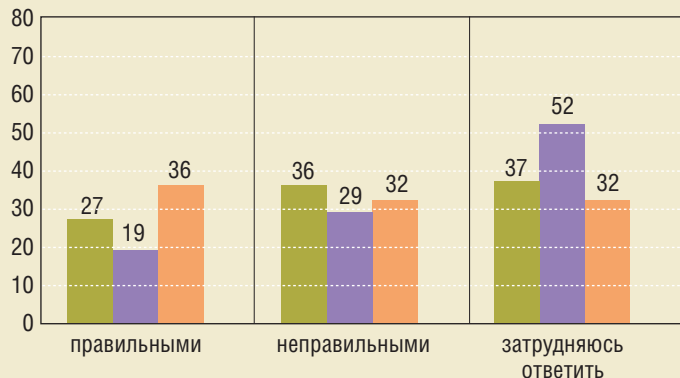
США после 11 сентября

Данные в % от населения

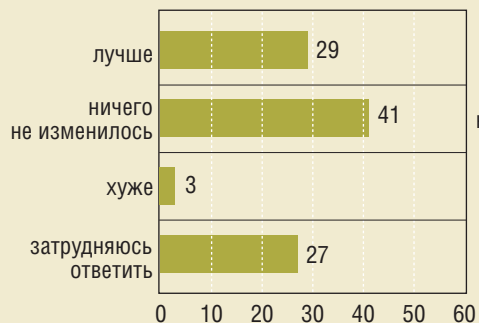
Одни считают, что Америка изменилась, стала другой после теракта 11 сентября 2001 года. Другие считают, что Америка после теракта 11 сентября 2001 года осталась такой же, какой была до этого. Какое мнение — первое или второе — Вам ближе?

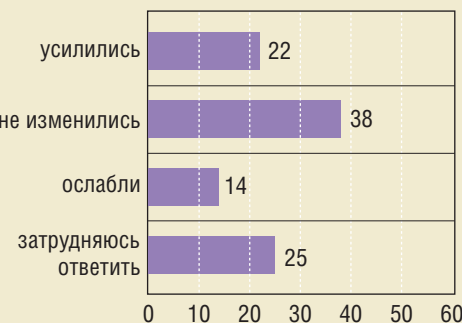
11 сентября 2001 года в Америке были совершены крупномасштабные теракты. Если говорить в целом, на Ваш взгляд, действия Америки по борьбе с международным терроризмом после 11 сентября 2001 года были правильными или неправильными?

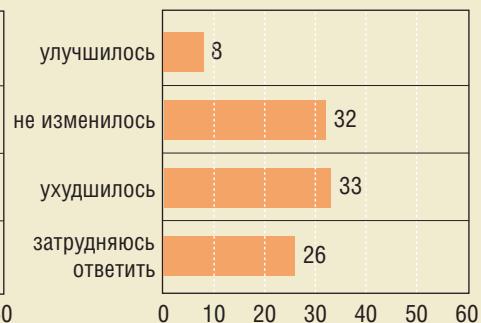
Как Вы думаете, сегодня, спустя пять лет после теракта 11 сентября 2001 года, население Америки лучше защищено от терактов, хуже или в этом отношении ничего не изменилось?

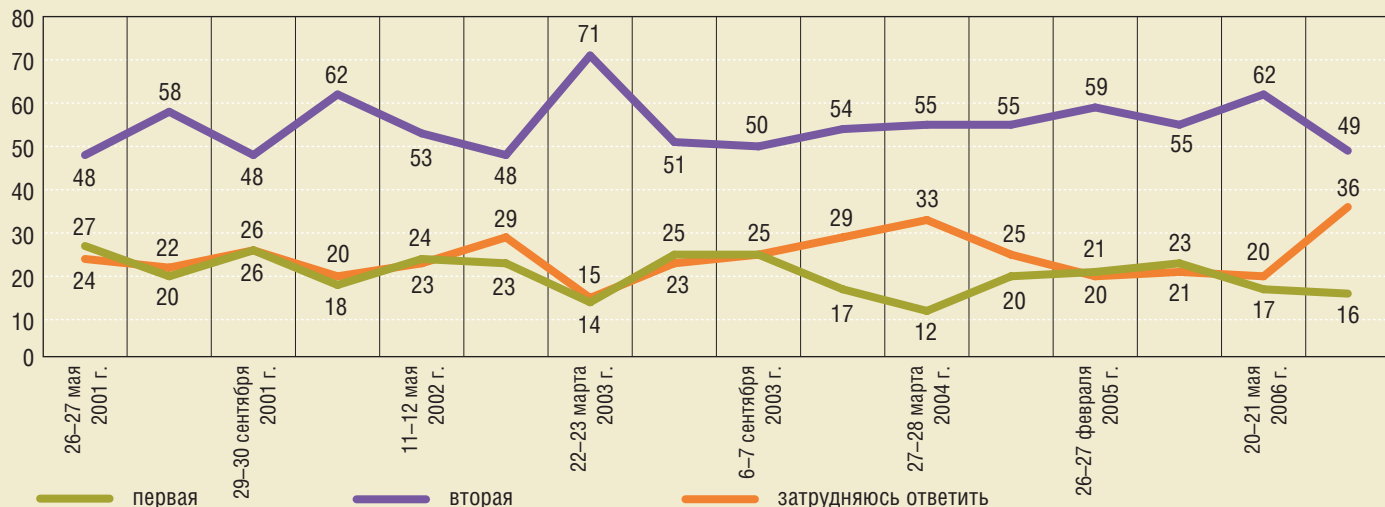
Как Вы думаете, за пять лет, прошедшие после теракта 11 сентября 2001 года, позиции США в мире усилились, ослабли или же в целом не изменились?

По Вашему мнению, за пять лет, прошедшие после теракта 11 сентября 2001 года, отношение к США в мире улучшилось, ухудшилось или не изменилось?

Одни считают, что США играют в сегодняшнем мире скорее положительную роль. Другие полагают, что США играют скорее отрицательную роль. Какая точка зрения Вам ближе — первая или вторая?

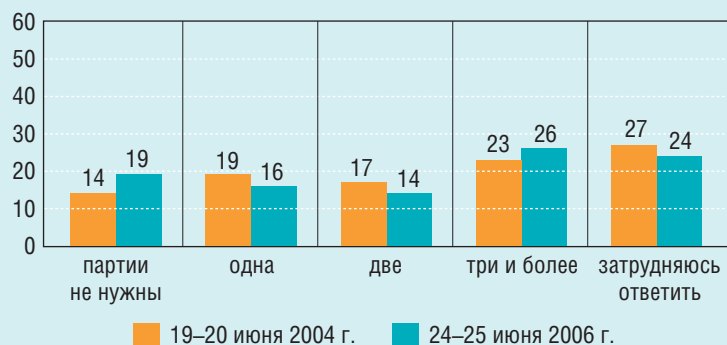

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 2–3 сентября 2006 года. Выборка: 1500 человек

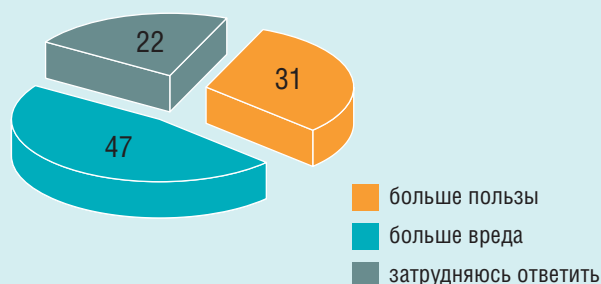
Политические партии в России

Данные в % от населения

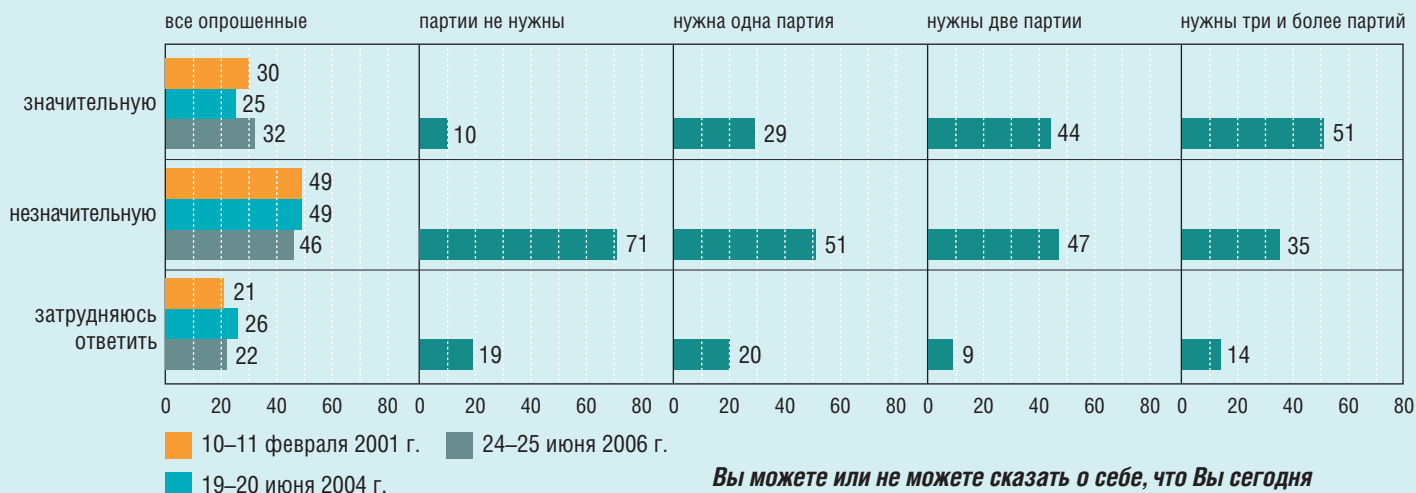
Если говорить в принципе, политические партии в России нужны или не нужны? И если нужны, то сколько, по Вашему мнению, должно быть партий? (Карточка, один ответ)

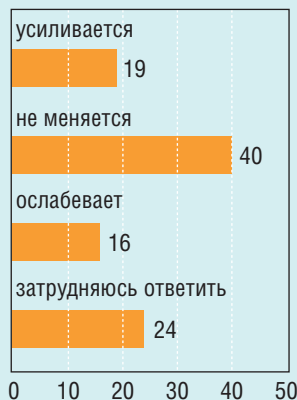
Если говорить в целом, конкуренция, соперничество между политическими партиями обычно приносит стране больше пользы или больше вреда?

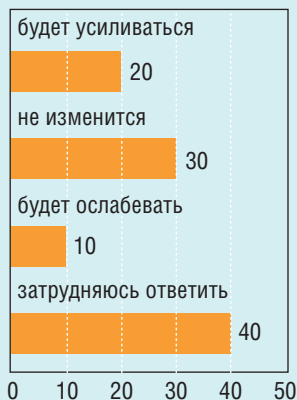
Как Вы думаете, какую роль — значительную или незначительную — играют сегодня политические партии в жизни страны?

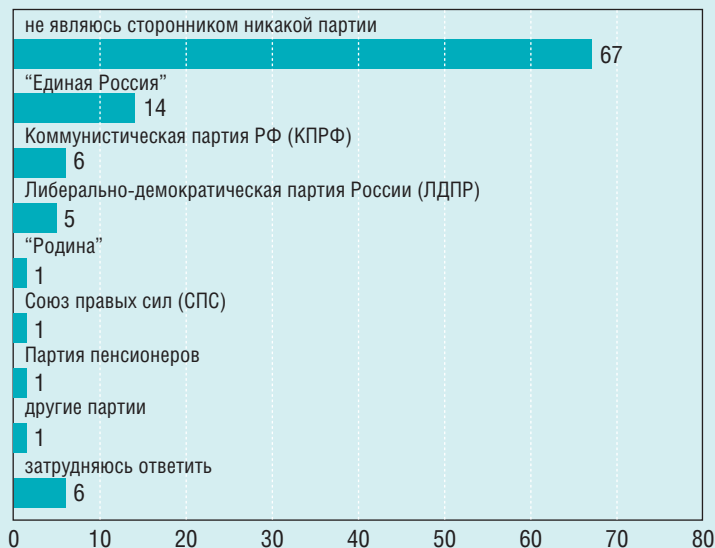
Как Вы считаете, влияние политических партий на жизнь страны в последние годы усиливается, ослабевает или не меняется?

А в ближайшие 5–10 лет, по Вашему мнению, влияние политических партий на жизнь страны будет усиливаться, ослабевать или оно не изменится?

Вы можете или не можете сказать о себе, что Вы сегодня поддерживаете какую-либо партию, являетесь ее сторонником? И если да, то назовите партию, сторонником которой Вы являетесь.

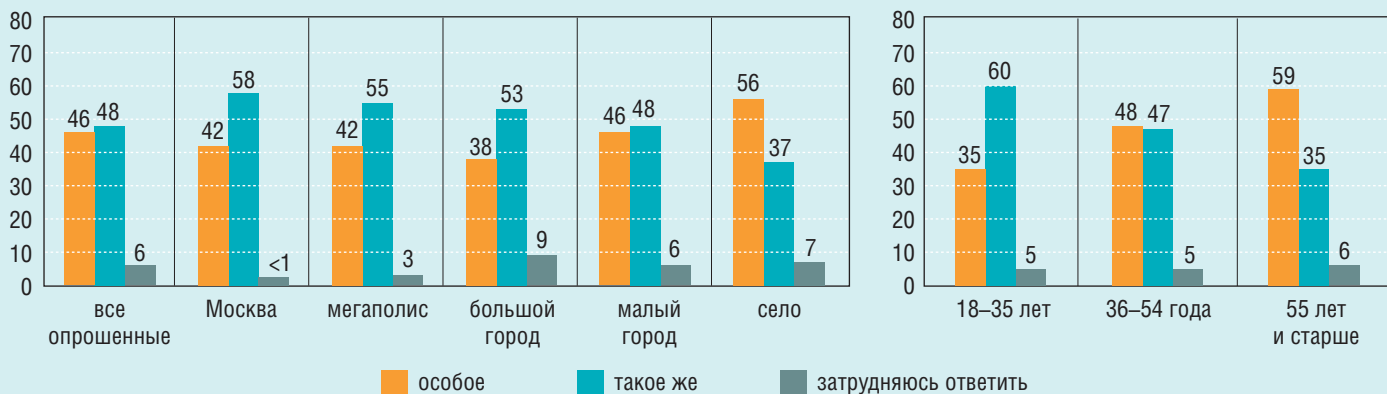

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 24–25 июня 2006 года. Выборка: 1500 человек.

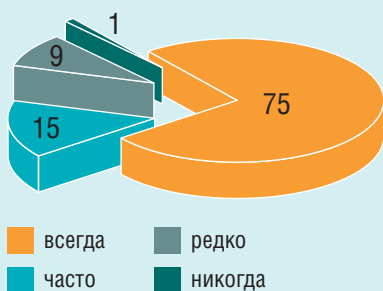
Хлеб в жизни россиян

Данные в % от населения

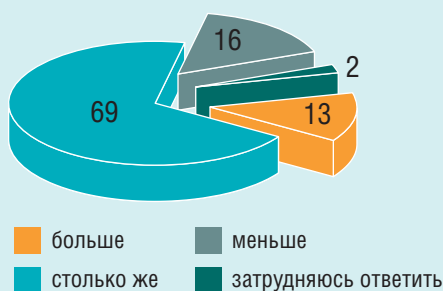
Есть семьи, в которых к хлебу относятся по-особому, иначе, чем к другим продуктам питания. Есть семьи, в которых к хлебу относятся так же, как к остальным продуктам питания. А в Вашей семье отношение к хлебу особое или такое же, как к другим продуктам?

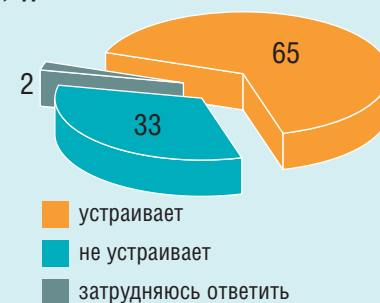
В Вашей семье во время завтрака, обеда, ужина хлеб едят всегда, часто, редко или не едят никогда?

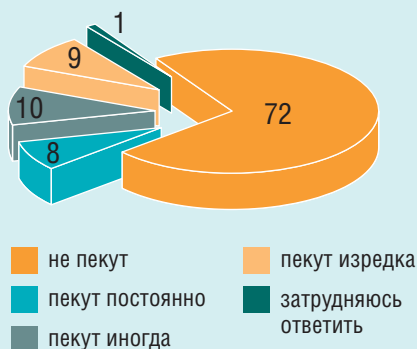
В Вашей семье за последние два-три года стали есть больше хлеба, меньше или едят столько же, сколько и раньше?

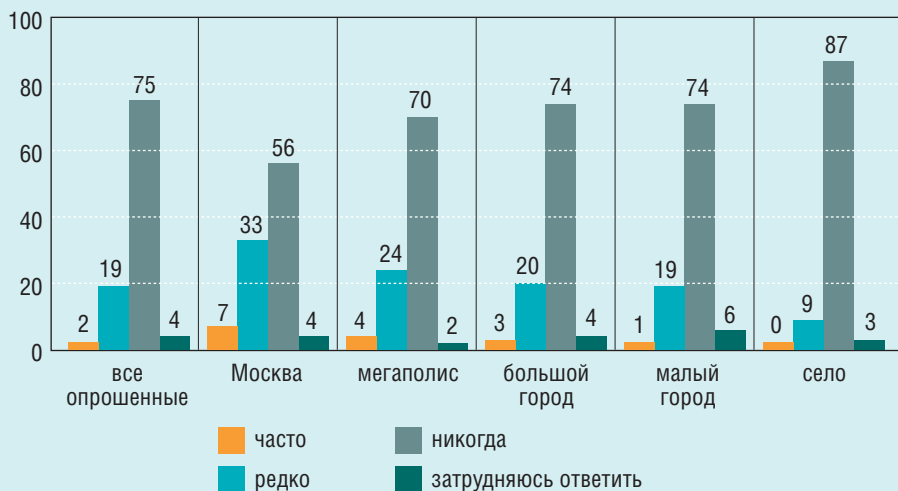
Скажите, пожалуйста, Вас устраивает качество хлеба, который продается там, где Вы живете?

Пекут ли хлеб в Вашей семье? И если пекут, то постоянно, иногда или изредка?

В Вашей семье несвежий, черствый хлеб выбрасывается часто, редко или никогда не выбрасывается?

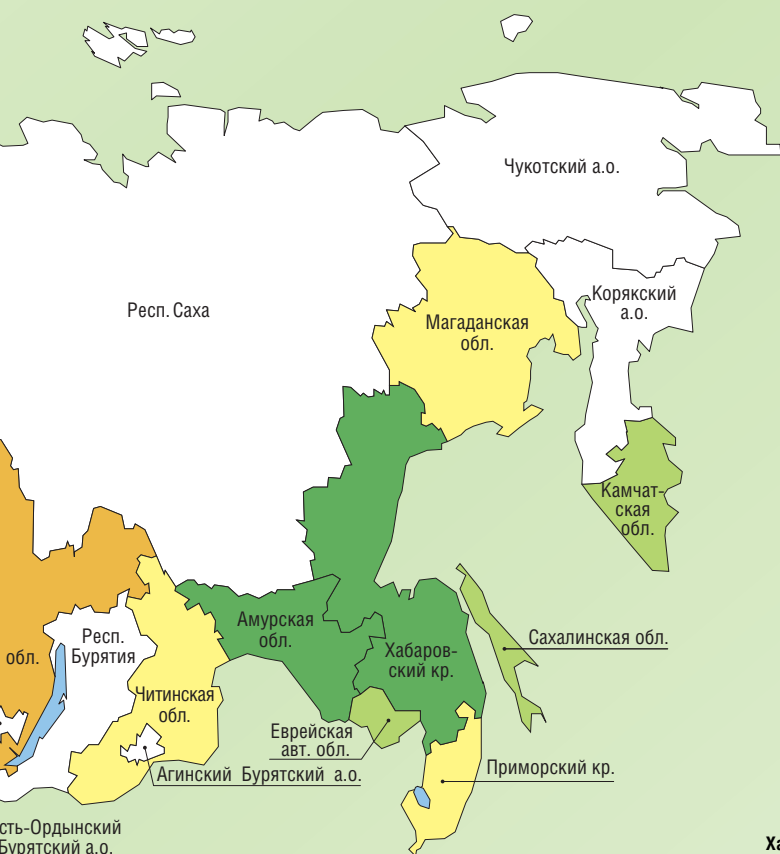
На графиках представлены данные опроса от 12-13 августа 2006 года. Выборка: 1500 человек.

Усиление недовольства региональн

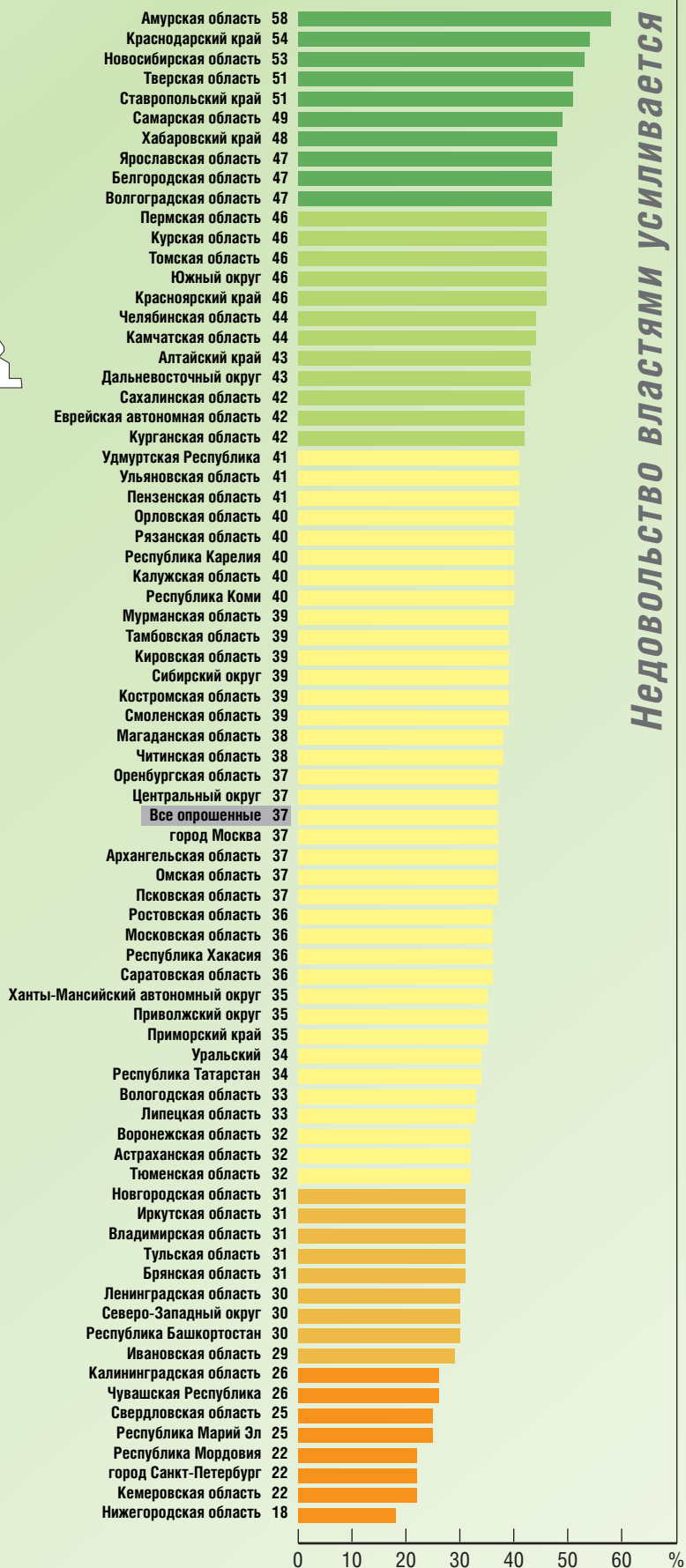
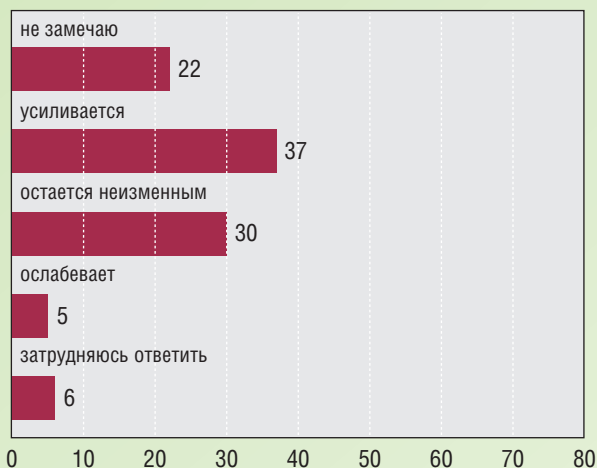
**Недовольство властями усиливается
(37% по выборке в целом)**

Доля от числа опрошенных, %	
менее 27	от 42 до 47
от 27 до 32	47 и более
от 32 до 42	опрос не проводился

Вы замечаете или не замечаете вокруг себя недовольство людей властями, руководством вашего региона, протестные настроения? И если замечаете, то в последнее время это недовольство усиливается, ослабевает или остается неизменным?

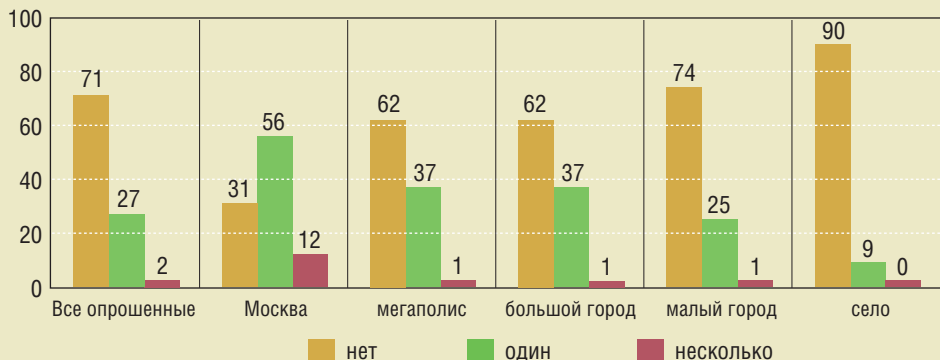

Недовольство властями усиливается

Компьютер дома

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, у Вас дома есть компьютер (в том числе ноутбук) или у Вас дома нет компьютера? И если есть, то у Вас дома один компьютер или несколько?

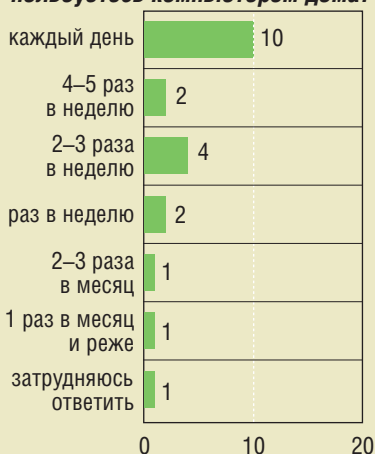

Вы бы хотели или не хотели приобрести компьютер для Вашего дома?*

* Ответы заявивших, что у них нет домашнего компьютера

Скажите, пожалуйста, как часто Вы пользуетесь компьютером дома?*

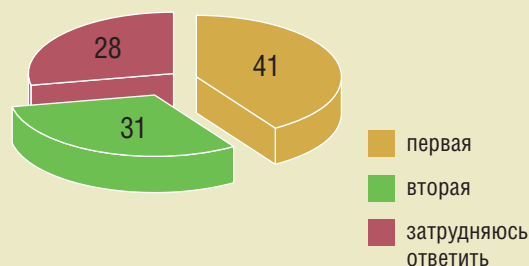
* Ответы заявивших, что у них есть домашний компьютер и они лично им пользуются (всего по выборке 29%)

Как часто ребенок в Вашей семье пользуется дома компьютером?***

*** Ответы заявивших, что у них есть домашний компьютер и им пользуются дети до 18 лет (всего по выборке 13%)

Одни считают, что наличие компьютера в доме не может породить никаких проблем, негативных последствий. Другие считают, что наличие компьютера в доме может породить определенные проблемы и негативные последствия. Какая точка зрения – первая или вторая – Вам ближе?

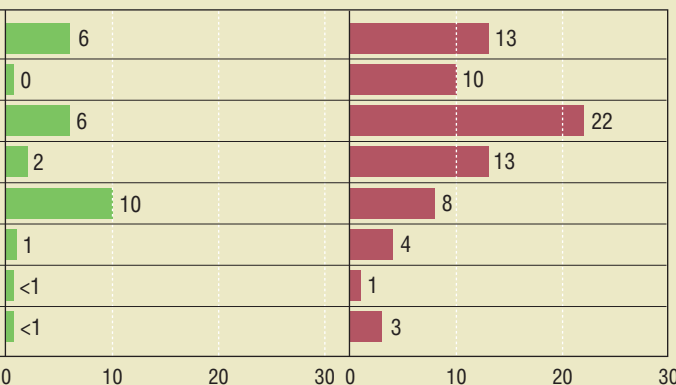

Посмотрите на карточку и скажите, пожалуйста, для чего из перечисленного Вы обычно используете компьютер дома?*

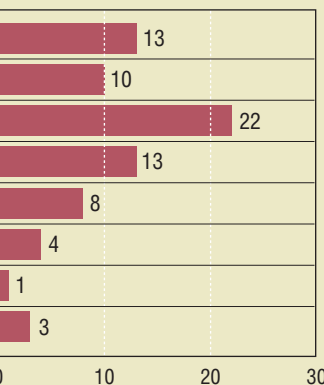
* Ответы заявивших, что у них есть домашний компьютер и они лично им пользуются. Карточка, любое число ответов

Скажите, пожалуйста, для чего из перечисленного ребенок в Вашей семье обычно использует компьютер дома?*

** Ответы заявивших, что у них есть домашний компьютер и им пользуются дети до 18 лет. Карточка, любое число ответов

Если бы Вы приобрели компьютер, то для чего из перечисленного Вы стали бы его использовать?***

*** Ответы заявивших, что у них нет домашнего компьютера, но они хотели бы его приобрести. Карточка, любое число ответов

На графиках представлены данные опроса от 26–27 августа 2006 года. Выборка: 1500 человек

→ *Окончание статьи.*

“Отрицательные. Потому что я был воспитан на социалистической, государственной собственности, колхозно-кооперативной и т. д. Это сейчас собственность развелась. У меня никогда не было. У жуликов все сейчас. Народу от их собственности никакой пользы нет, один вред”.

Чаще, однако, настороженность по отношению к “собственнику” связана с обстоятельствами, относящимися уже к постсоветскому времени. Речь идет о феномене “новорусского” обогащения, которое воспринимается как незаконное, аморальное и социально несправедливое. Соответственно многие респонденты склонны делить собственников на “хороших” и “плохих”. Заметим, что и в этом случае угадывается отголосок специфически советских представлений о собственнике. Ведь если бы данное понятие было лишено для рассматриваемой части респондентов подспудно негативного смысла, то они не стали бы дробить его, отделяя “чистых” собственников от “нечистых” (трудно предположить, что опрашиваемые провели бы подобное разграничение, говоря, например, о понятии “гражданин”, хотя и среди граждан встречаются как “хорошие”, так и “плохие”). Таким образом, здесь налицо по крайней мере двойственное или потенциально неодобрительное отношение к фигуре собственника.

“К слову «собственник» я отношусь не совсем хорошо. Собственники, по-моему, бывают разные. К примеру, олигархи – собственники, и мы, нищета, – собственники”.

“Слово «собственник» вызывает разные ассоциации, смотря кто и что приобретает. Если человек приобрел землю и работает на ней, то меня это радует, а если кто-то скупает заводы и предприятия, то огорчает”.

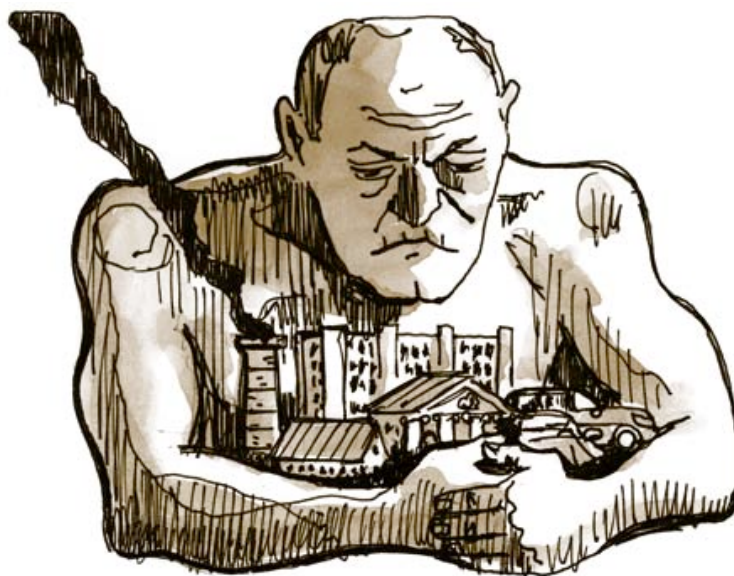
“...Если собственник, который все нажил своим трудом, то к ним отношение положительное, а которые на обмане, лишь бы наживиться – к тем, конечно, отрицательно”.

“«Собственник» – это понятие вызывает разноречивые чувства. Если это слово относится просто к имуществу, то это нормально, а если к тем, кто нажил свое состояние незаконным путем, то вызывает раздражение”.

Судя по полученным ответам, осознание своего статуса собственника еще не вполне привычно для части наших граждан. Некоторые высказывания респондентов отчетливо демонстрируют процесс ценностного переосмысления самого этого понятия.

“Собственник ассоциируется с чем-то плохим. Нечистоплотность какого-то человека. Хотя я тоже собственник – квартира моя. Я прекрасно понимаю, что не должно быть “все народное – все общее””.

“С одной стороны, отрицательные чувства, отношение к собственникам не очень хорошее. А с другой стороны, все мы – собственники, все

что-то имеем: кто-то – больше, кто-то – меньше. Собственник – это человек, который своим трудом заработал себе на собственность, то есть он имеет право это иметь”.

“Чувство иронии, неуверенности. Как будто сидишь на подпиленном суку. Сегодня я собственник, а завтра могут отменить закон о собственности. Это слово еще непривычно для людей моего круга”.

Дополним эту подборку высказываний еще одной цитатой, которая, как представляется, достаточно хорошо отражает общую тенденцию, проявившуюся в ответах на вопрос о чувствах и ассоциациях, связанных у респондентов со словом “собственник”: *“Нормально вполне. Если раньше это было негативно, то сейчас это нормально. Я считаю, так и должно быть”.*

Государство*

Респонденты, участвовавшие в проекте “Обыденный язык”, ответили на ряд вопросов, относящихся к понятию “государство”. Посмотрим, каково общее представление о государстве, сложившееся в сознании респондентов.

Участникам опроса был задан вопрос: *“Как Вы понимаете само это слово – «государство»? Что Вам приходит в голову, когда Вы его слышите, какие ассоциации у Вас возникают?”* В полученных ответах довольно четко различаются несколько подходов. Мы дадим им названия, которые, хотя и не соответствуют языку самих респондентов, однако отражают, на наш взгляд, суть несходства между разными точками зрения, зафиксированными в опросе.

Первый подход назовем *геополитическим*. Его сторонники рассматривают государство прежде всего как некое единое пространство, вместе со всем, что оно в себя вмещает. Ключевое слово здесь – *территория*. По смыслу понятие “государство” в этом случае близко к понятию “страна”. Чаще в таких ответах встречается, условно говоря, “интровертная” позиция – то есть преимущественное внимание к тому, что находится “внутри” государства. Но иногда респонденты занимают “экстравертную” позицию, акцентируя внимание на положении данного государства по отношению к другим.

“Государство – определенная территория, имеющая свои границы...”

“Это определенная часть территории, которой владеет определенный народ”.

“Государство – это общность людей, проживающих на одной территории и управляемых властями, которые в этом государстве существуют...”

“Государство – это все целое, что мы составляем: это страна, люди, территория, выделенная границами, управляющий аппарат”.

“Государство – это страна со своими землями, народом, правительством”.

“Это геополитическое образование, территориальная единица”.

Нередко в своих ответах участники опроса избирали подход, который можно назвать *институциональным*. Здесь под государством понимается главным образом определенный политический строй, структура общества и система социальных институтов, обеспечивающих функции управления этим обществом.

* Панельный опрос 7–14 февраля 2001 года (27 городов России, 810 респондентов).

Иногда в ответах данной группы подчеркивалось, что государство является “*аппаратом принуждения*”.

“Государство – это политический строй. Ассоциация – царь, президент”.

“Государство – это структура общества со своими законами, правилами...”

“Государство – народ, три ветви власти: законодательная, исполнительная, судебная. Государство – это президент”.

“Это управление всеми нами, управленческий орган. Над нами кто-то должен стоять, кто-то всеми нами должен руководить, управлять”.

“Государство – это система существования общества. При слове “государство” я думаю об органах власти, армии, иерархии”.

“Государство – административная машина, которая управляет людьми через свод законов, указов”.

“Государство – это система отношений экономических, политических, социальных между властью и народом...”

Реже встречается подход, который можно было бы определить как *этнокультурный*. Для его сторонников главное в государстве – то, что оно объединяет определенный народ или сообщество народов, обладающих специфическим жизненным укладом и общими культурными традициями.

“Государство – это народ, проживающий в определенной стране”.

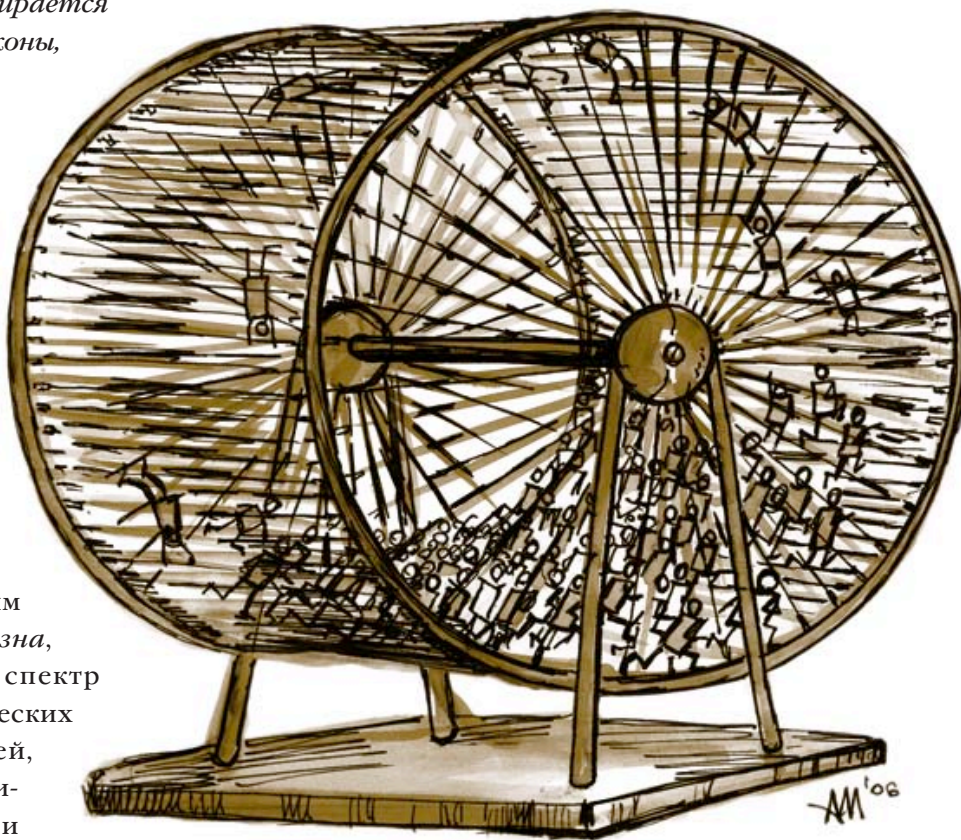
“Государство представляет многонациональный народ, живущий в нем, где есть своя культура, обычаи, нравы”.

“Государство – страна с определенным населением, с определенной культурой”.

“Государство – это национальная община. Из этой общины выбирается президент. Создаются законы, правила руководства”.

“Совокупность этнических групп, объединенных общими законами”.

Оценочное начало наиболее сильно выражено в подходе, который мы назовем *личностным*. Его особенность – в том, что здесь преобладают субъективно-эмоциональные характеристики государства. Довольно часто в рамках этого подхода респонденты апеллируют к таким ценностно окрашенным понятиям, как *Родина, Отчизна, держава*. Соответственно спектр эмоций – от интимно-лирических (частые ассоциации с семьей, с домом и т. п.) до сурово-патетических (скажем, ассоциации

с крепостью, защищающей от вторжения вражеских сил). Из ответов этой группы больше, чем из других, видно, что, говоря о государстве, респонденты имеют в виду именно наше государство, ориентируются на его “образ”.

“Государство – это страна, где родились, выросли и живем. Это наша Отчизна”.

“Государство – это я и все окружающие со мной. Ассоциации – жить и умереть здесь”.

“Государство – это большая семья, где есть глава семьи, который руководит этой семьей, и где у каждого есть права и обязанности”.

“Это хозяин, кормилица. Это моя защита, что-то большое, важное в жизни”.

“Государство – это что-то строгое и нерушимое. То, на что без раздумий можно положиться. Каменная стена, за которой не страшно находиться”.

“Замок с крепостью, с крепостными стенами – чтобы высоко и надежно”.

“...Государство – это своеобразная крыша над населением, его защита”.

Как показал опрос, респонденты подходят к трактовке понятия “государство” с существенно различающихся позиций. Разнятся сами механизмы, порождающие те или иные их представления по этому поводу. Если для одних “государство” – достаточно абстрактная категория, то для других высказывания о нем “интимизированы”, наполнены личностными смыслами. Если одни в своих ответах склонны к рассуждениям о государстве, то другие – делятся своими чувствами. Различается и масштаб их представлений – от самого широкого, “геополитического”, до “личностного”. При этом выявленные трактовки не противоречат одна другой, а скорее являются взаимодополняющими. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

☞ Так говорил респондент...

– Что приходит Вам в голову при упоминании королевы Великобритании Елизаветы II? Что самое важное Вы могли бы о ней сказать?

– Старая больная женщина, ей бы на лавочке сидеть, а ее по балам таскают.

– Как Вы понимаете слово “экстремизм”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– Вот возьму я Вас за шиворот – вот это.

– Что такое, по Вашему мнению, “валовой внутренний продукт”?

Как Вы понимаете это словосочетание?

– Мясо.

– Как Вы понимаете выражение “презумпция невиновности”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– Не пойман – не вор.

– Как Вы понимаете слово “ипотека”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– Когда Ваш дом – не Ваш.

– Как Вы понимаете слово “консерватизм”? Что, по Вашему мнению, оно означает?

– Мне кажется, что это нехорошее слово. Душегубы они.

– Как Вы понимаете выражение “профессиональная армия”?

Объясните, пожалуйста, что оно означает.

– Защита отечества за зарплату специально подготовленными мужчинами.

(Из опросов ФОМа)

Многоженство в России?

Все мы знаем, что российскими законами и культурными устоями мужчине дозволено быть женатым только на одной женщине. Но Россия – страна многоконфессиональная, а мусульманам запрет многоженства может представляться как минимум нелепицей. Кроме того, и среди русских мужчин далеко не все безусловно привержены моногамии. Если бы вдруг многоженство было законодательно разрешено в России, как бы отнеслись к этому россияне?

Согласно полученным нами данным, две трети опрошенных россиян (62%) восприняли бы легализацию многоженства в России отрицательно. Большинство из них, объясняя свою позицию в ответе на открытый вопрос, ссылаются на мораль и традиции нашей страны: дескать, любовь и брак – это дело только двоих (10% ответов), многоженство противоречит нашему менталитету и воспитанию (8%), недопустимо по религиозным соображениям (8%), в целом безнравственно (5%) и неправильно по сути своей (6%). Некоторые респонденты апеллировали скорее к практической стороне вопроса: с их точки зрения, российские мужчины не справятся с материальным обеспечением нескольких жен (8% ответов). Прозвучали также мнения, что разрешение многоженства привело бы к моральному разложению мужчин (“*мужики и так гуляют, а так по закону будут гулять*”; “*они и так ничего не делают, мужики, а тут совсем разленятся: кальян курить, лежа*

на диване”) и что подобная форма брака унижительна для женщин (по 2% ответов).

Каждый десятый участник опроса (10%) воспринял бы разрешение многоженства в России положительно. В поддержку своей точки зрения эти люди приводили несколько соображений. По 1–2% респондентов в ответах на открытый вопрос высказали мнение, что разрешение многоженства помогло бы разрешить проблемы гендерного перекаса (“*нехватки мужчин*”) и снижения рождаемости в стране (“*женщин больше, чем мужчин, а замуж надо всем*”; “*детей больше нужно*”), что количество жен – это личное дело каждого, у людей должна быть свобода выбора (“*если кому-то это надо, то не надо мешать*”; “*если муж хочет и жена не возражает*”; “*у нас многонациональная страна, у всех свои интересы, взгляды на жизнь*”), что легализация многоженства позволила бы узаконить существующие де-факто внебрачные связи и отчасти решить проблему внебрачных детей (“*они и сейчас имеют любовницу, пусть будет открыто, если им надо*”; “*ребенок на стороне будет законно оформлен*”).

23% опрошенных отнеслись бы к разрешению многоженства в России с безразличием.

Хорошо прослеживаются возрастная и гендерная дифференциация в отношении к многоженству: пожилые люди воспринимают гипотетическую ситуацию его легализации существенно более негативно, чем молодые (70% отрицательных оценок против 56%), а женщины – существенно более негативно, чем мужчины (72% против 50%).

Отметим, что межконфессиональные различия по этому вопросу никак нельзя считать разительными: среди называющих себя мусульманами положительно отнеслись бы к разрешению многоженства 16%, а отрицательно – 59%; среди называющих себя православными – 9 и 66% соответственно.

Елена Вовк

Общероссийский опрос населения 25–26 февраля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

W A P O P

Г. Любарский

Бей профессоров!

...или Демократия против эффективности

В обществе регулярно возникают схожие ситуации. Вот какие-то профессионалы предлагают проложить нефтепровод по берегу озера. Общество протестует, организует митинги, кампанию в прессе; назначаются разные комиссии, и после долгого противостояния ситуация получает то или иное разрешение – профессиональное или требуемое общественностью. А часто – промежуточное.

Вот идет суд. Профессионалы-юристы разбирают дело по ведомым им правилам и законам. Одни обвиняют, другие защищают... Судьи-профессионалы решают, какое наказание в случае виновности будет нести подсудимый. Однако в суде присяжных вопрос о вине подсудимого решают присяжные – случайно выбранные непрофессионалы.

Вот школа, частная школа. Профессионалы-учителя воспитывают и учат детей, в соответствии с отработанными методиками предлагают им знания, специально препарированные для лучшего восприятия. И иногда рядом есть родительский совет, который может оказывать влияние на то, что делается в школе, иногда даже ратовать за исключение из программы какого-то предмета. А у многих школ нет родительских советов или они не наделены подобными правами. Это хорошо? Должны ли родители контролировать профессиональных учителей? А присяжные – юристов? “Зеленые” – нефтяников?

Простые люди должны контролировать политические решения? Да, конечно. А экономиче-

ские? Вроде бы глупо – люди голосуют за то или иное экономическое решение деньгами, иной контроль неуместен. Нужен ли общественный комитет с правом принятия решения или правом вето, наблюдающий за работой АЭС? А армия? Сколько там профессионалов... Должны ли простые люди принимать участие в принятии решений? И каких? Как следует учить солдат? Как воевать? В каких ситуациях воевать? При штабе дивизии нет “комитета простых людей”, наделенных правом наложить вето на те или иные решения, – а надо? Нет? Но участвовать в решении вопроса, какая стране нужна армия, простые люди могут. Это нужно? Обязательно? Ну что ж, значит здесь – обязательно, в другой ситуации – желательно, а где-то – ни в коем случае. Так как и в каких сферах простые люди должны участвовать в принятии решений профессионалами?

Осмотревшись, обнаружим, что имеется несколько способов контроля граждан за деятельностью профессионалов. Удивительно, но каждый способ используется преимущественно в своей узкой сфере – и обычно люди не сознают, что это не отдельный социальный институт, а вариант решения одной общей задачи. Возможно, стоит сравнить принятые в обществе способы решения задач – вдруг не все они оптимальны? Может быть, один способ лучше другого? Посмотрим на три самых известных механизма контроля, каждый из которых реально функционирует в своей сфере, в то время как в соседней сфере утверждается его принципиальная ошибочность.

Аргументы сторон: суд присяжных

Какие же аргументы можно выдвинуть против ведения дел специально для этого созданными профессиональными институтами? Возьмем, например, суд присяжных. Зачем, собственно, нужны эти присяжные? Какие у них преимущества? Из-за присяжных возникают многие неудобства. Они непрофессионалы, по их милости суд превращается в говорильню, направленную на затуманивание мозгов простым людям. У судей присутствуют те же чувства, что у присяжных, – ведь судьи тоже “обычные люди”, и здравого смысла у них не меньше. Суд коллегиален – так что число присяжных тоже не является принципиальным преимуществом. Почему не заменить присяжных на такое же количество судей

или юристов (между тем юристы по закону не могут быть присяжными)? Это было бы очень полезно – подготовленные профессионалы гораздо быстрее и лучше поймут суть дела. И вообще присяжные неэффективны – они плохо разбираются в законах, в сложностях обстоятельств.

И вопрос о фактах, который традиционно относят к компетенции присяжных, вовсе не прост – в сложной социальной действительности и факты непросты. Например, если дело относится к категории гражданского суда – что смогут люди без юридического образования понять в хитросплетениях договоров, доверенностей и т. д.? Ведь эти схемы и юристам не всегда ясны с первого взгляда. Уже простое разъяснение и перевод этих обстоятельств на обыденный язык вносит немалые искажения: ну нельзя результаты высшей математики объяснить на пальцах – это получается только с утратой смысла самих утверждений, фактов. А уж “заговорить” коллегия судей адвокатам много труднее, чем присяжным.

Подкуп? Ну, никто не безгрешен, однако именно по этой причине вряд ли можно настаивать на преимуществах присяжных.

Особенно сильно сказываются на присяжных общественные предрассудки. И наше общество, и его законы настолько сложны, что часто контринтуитивны. Присяжным свойственно подпадать под власть “естественных аргументов” и заступаться за “слабых”: за бедных, женщин, людей одной с ними, присяжными, угнетаемой национальности – и, напротив, не оказывать ни малейшего снисхождения, вплоть до несправедливости, если в руки суда попадает некто властный, которому наконец можно воздать по всей строгости, и даже больше...

Оставим в стороне аргументы “от истории”, которыми обычно изобилует такой спор, – они

не имеют прямого отношения к сути дела. Пусть кто-то доказывает, что суд присяжных – древнейшее демократическое учреждение и возник как оплот народовластия, а кто-то вспомнит, что это – творение короля, стремившегося вырвать судопроизводство из рук местных властителей. Теперь это уже неважно – мы говорим о личном институте.

Рассуждениям о непригодности суда присяжных возража-

ют очень резко. Можно долго спорить, насколько эффективны присяжные. От них ведь не требуется знание законов – они решают вопрос о фактах, о том, совершал или не совершал подсудимый данное действие, – и выносят решение о его виновности или невиновности. Но главное не в этом. Главным аргументом в пользу суда присяжных считается аргумент “от демократии”: люди должны держать под контролем столь важную власть, которая может лишить их свободы. Без присяжных суды становятся просто одной из корпораций, относящихся к государству. Государству становится удобнее давить на судейских чиновников, объясняя им правильность тех или иных мер. Присяжные создают фактор случайности – люди “с улицы”, набираемые от-

дельно для каждого процесса, не позволяют никому контролировать суд. Присяжные – это представители простых людей в хитросплетениях власти, “наши люди”.

Хорошо. Давайте пока примем, что без присяжных и суд – не суд. Тогда хочется знать: только так можно? Случайные люди с улицы? А профи здесь неуместны?

Почему “присяжных” нет в медицине?

Это очень общая проблема: как профессиональное знание соотносится с решениями непрофессионалов, простых людей. Способы проявления этой проблемы в нашей жизни неисчислимы. Скажем, медицина: множество профессионалов, которые (потенциально) имеют очень большую власть. Надо ли их контролировать простым людям? Или это происходит само собой: никто не заставляет пациента лечиться, “простой” пациент, выслушав врача, сам решает, что делать. То есть, как и в случае с экономикой, люди голосуют деньгами. Проблема решена? Может быть... Хотя, кажется, решение пациента очень сильно зависит от того, что скажет врач. Оно свободное, это решение, – но очень сильно зависимое.

Свобода и независимость – разные вещи. Заболевший человек, как правило, свободен в своем выборе – лечиться или не лечиться. Врач может предложить ему несколько способов лечения – и больной волен выбирать. Он может выбирать врача – пойти не к этому, а к тому, но он в чрезвычайной степени зависим от врача, эта зависимость обусловлена болезнью и незнанием. О том, какие у него есть варианты преодоления болезни, пациент узнает у доктора.

И удивительное дело – взаимодействие профессионалов и простых людей в медицине обставлено куда сложнее, чем просто отношения клиента и оплачиваемого профессионала. Многие считают, что сам факт платности услуг врача и свободного выбора пациентом способа лечения защищает данную сферу от злоупотреблений профессионалов. Грубо говоря, “присяжные” в медицине уже есть – это пациент (а также его родственники) и его деньги. Он сам решает, за что платить. Но интересно, что медицина предусматривает тем не менее множество “внутренних”

средств контроля за врачом – совершенно не полагаясь на голосование рублем.

Например, существует проблема эвтаназии людей, чья жизнь поддерживается лишь благодаря медицинскому вмешательству, и надежд на излечение не существует. Здесь решение принимают не только родственники пациента, исходя из заключения лечащего врача, – для этого собирается консилиум специалистов. Дело это долгое, врачи очень критично проверяют все аргументы, прежде чем согласятся поставить свою подпись под таким решением.

Или, скажем, добровольное участие в медицинских экспериментах. В. Вересаев в “Записках врача” обратил внимание на то, что интерес пациента и врача, состоящий в излечении, может вступать в противоречие с исследовательским интересом врача-экспериментатора; он сомневался в возможности внутрикорпоративного урегулирования этого конфликта и предлагал привлекать общественность к защите пациентов, участвующих в медицинских опытах. И сейчас продолжают формироваться общественные институты, решающие эту проблему.

Спорящие о суде уходят в историю Средних веков, в давние времена, когда складывался суд присяжных. А в медицине основные институты создаются в XX веке – это совсем недавняя история. В 1963 году Британская медицинская ассоциация объявила об ответственности врача за проведение эксперимента и регламентировала его действия в отношении больного; в 1964 году принята Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) “Рекомендации для врачей, участвующих в биомедицинских исследованиях на людях”, последняя ее редакция датируется 2000 годом.

Кроме того, действует еще и Комитет по этике. Это специальный независимый общественный институт, созданный в соответствии с правилами Качественной клинической практики (Good Clinical Practice – GCP). Деятельность Комитета регламентируется различными нормативными и государственными актами в странах Европейского сообщества и США. В 1974 году американский Department of Health and Human Services принял “Общее правило” (“Common

Rule”), согласно которому все исследователи должны получать одобрение КЭ (в США они называются Институтскими наблюдательными советами – Institutional Review Board / IRB, аналог КЭ) для каждого исследования с участием человека в качестве объекта. В настоящее время ни одна официальная инстанция США, Западной Европы и Японии, дающая разрешение на медицинское использование нового препарата, не принимает к рассмотрению результаты исследования, проведенного без санкции КЭ. В России Комитет по биомедицинской этике создан в 1998 году.

Комитет по этике состоит не из случайно выбранных “простых людей”, а из экспертов – медиков разных областей, и существует он в качестве общественного объединения без образования юридического лица. Основное требование к нему – независимость от заказчика, то есть отсутствие заинтересованности в конкретном исследовании (испытании). Цель создания КЭ – обеспечение независимой экспертизы, консультирование и принятие решений по вопросам этики касательно биомедицинских исследований, предусматривающих участие людей.

В состав КЭ входит от 5 до 15 человек – в зависимости от реального объема этической экспертизы. Члены Комитета должны представлять различные области знаний, для того чтобы обеспечить полное и адекватное рассмотрение исследований, обычно проводимых в данном учреждении. В КЭ должен входить по крайней мере один специалист в области медицины, один специалист, основной сферой деятельности которого не является наука, и один – не сотрудник данного учреждения.

Это лишь немногие примеры. По различным проблемам в медицине существуют такие вот бюрократические институты – с уставами, правилами поведения, которые предписывают, утверждают, запрещают... Конечно, свободный выбор пациента значит очень много, но следует обеспечить ему достаточную информированность, и для этого мало “объективно ознакомить” человека с состоянием его здоровья – надо убедиться, что он понял, что происходит и что можно предпринять.

А “простые люди” в этой процедуре не участвуют. Считается, что решаются слишком сложные

профессиональные вопросы, чтобы доверять их людям, не получившим специального образования. И нет разговора о том, чтобы доверить “вопросы о фактах” “медицинским присяжным”...

Заинтересованность профессионалов

Итак, решение об эвтаназии принимает особая комиссия профессионалов, учитывая желание родственников и положение больного. А эти профессионалы не могут быть в стоворе? Ну, скажем, они заинтересованы в наличии свободных мест в больнице. Кроме того, комиссию экспертов можно купить или запугать. Разве нет? Однако такие экспертные социальные институты действуют – и на практике оказывается, что они крайне осторожны в решении вопросов об эвтаназии, о проведении экспериментов на людях и очень неохотно дают соответствующие разрешения.

То есть в деле охраны интересов частного лица (пациента) группа профессионалов ничуть не хуже простых людей? Важно лишь, чтобы привлекались профессионалы, не связанные с данным делом. В комиссии, решающие вопрос об эвтаназии или допустимости медицинского эксперимента, привлекаются специалисты из самых разных учреждений. И они друг другу поверхностно суждения не спустят.

А почему в суде присяжных нужны именно случайно выбранные люди? Почему консилиум врачей может принимать такие важные решения, а коллегия адвокатов не годится в качестве контрольного органа правосудия? Почему в суде присяжных вопрос о вине выносят непрофессионалы и нет консилиума сторонних специалистов, которые выполняют те же функции, но на более высоком уровне осмысления? Почему считается, что у специалистов обязательно наличествуют корпоративные интересы и им нельзя доверять?

Аргумент о заинтересованности корпорации профессионалов имеет и еще одну сторону. Предполагается, что “простой человек” будет контролировать корпорацию, например – судейских. Однако тут есть одна хитрость: давно уже существуют отлаженные технологии организации “народных движений”, и за каждым крупным движением – протестующим или защитным – стоят корпорации. И получается неприятность:

провозглашается, что идет сражение между “простыми людьми” и некой корпорацией, а на деле – битва двух корпораций, одна из которых сочла тактически более правильным использовать институты гражданского общества.

Получается взаимодействие манипуляций. “Простые люди” (некий мифический конструкт, который очень громко объявляет о своей незаинтересованности и моральной честности, апеллирует к “уму народа” и пр.) оказываются лишь объектом многослойных манипуляций. Практически любое решение и оттенок решения означены множеством корыстных интересов. Бескорыстного решения не существует – и многочисленные группы давления работают таким образом, что любое движение “простых” служит чьей-то пользе. Отсюда вырастает фигура политтехнолога – того менеджера, который умеет работать с “простыми людьми”, направляя их в нужное русло.

В результате вся структура аргументации за непрофессионалов против профессионалов – рушится. Сражаются профессионалы разной специализации: одни умеют делать данное конкретное дело

(например, юристы, или геологи, или врачи, или учителя), а другие умеют организовывать демократические институты нужным заказчику образом. И вырастают особые бизнес-индустрии: “свободы слова”, “авторского права”, “сексуальных домогательств” и проч.

Так что аргумент “от простого человека” следует использовать осторожно. К суду присяжных это вроде бы не относится – там же не “народный фронт”, а случайно взятые с улицы... Хотя при разборе сколько-нибудь громкого судебного дела вся условность этого аргумента вновь всплывает наружу. Отгородиться от медиа невозможно, и присяжные – в составе всего прочего населения – подвергаются еще до выдвижения их на эту роль массированным информационным атакам.

В общем, для разных общественных институтов принимаются разные типы контролирующих устройств. Видимо, здесь какое-то противоречие, какой-то подспудный баланс, который решается в зависимости от конкретных условий сдвигом в ту или иную сторону.

“Демократия” против эффективности

В ходе обсуждения проблем, возникающих при столкновении профессионалов и “простых граждан”, разговор получает множество разветвлений, звучит множество суждений, вариантов решения вопроса. Попробуем уловить суть рассуждений представителей той или иной точки зрения; чего они больше всего опасаются?

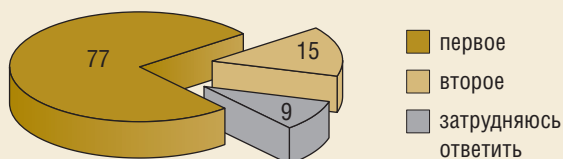
Сторонники принятия решений профессионалами боятся неэффективности и ошибок: непрофессионалы, полагают они, на-

ломают дров, не справятся с управлением. Выражается также недовольство по поводу “недоиспользования” профессионалов: вместо того чтобы “делать дело”, они вынуждены тратить силы и время на объяснение азов своих знаний неподготовленным людям – сознавая, что объяс-

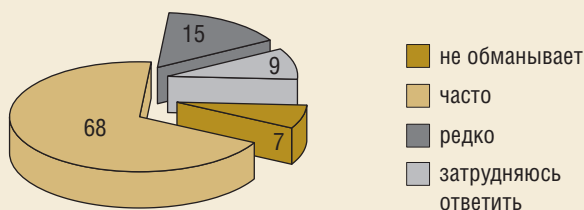
нить этого нельзя. Значит, профессионалы должны будут этим неграмотным “контролерам от народа” врать, льстить, уговаривать их. Вместо того чтобы уверенно и честно делать то, что они умеют, им придется устраивать театр для профан-зрителя. Ну хорошо, артист или скрипач – ему положено иметь дело со зрителем, но почему нефтяник или юрист должен выступать клоуном перед скептически настроенной толпой обывателей? Заниматься демагогией, убеждая незваных начальников в том, что вообще-то надо не на веру принимать, а просто знать. Брать годами учения... Даже если принять, что за профи остается проведение операции, а “простые” лишь принимают решение, проводить ли ее, возможно ли такое разделение обязанностей? Можно ли решить, стоит

Одни считают, что любая власть обманывает людей, рядовых граждан. Другие считают, что бывает власть, которая людей не обманывает. Какое мнение – первое или второе – Вам ближе?

Как Вы полагаете, сегодняшняя власть в России обманывает или не обманывает людей, и если обманывает, то часто или редко?

Судя по данным общероссийского опроса населения от 15 марта 2003 года, немногие россияне верят в то, что власть бывает идеальной: только 15% респондентов полагают, что "бывает власть, которая людей не обманывает", 77% же убеждены, что "любая власть обманывает людей, рядовых граждан". При этом 68% утверждают, что сегодня в России власть обманывает людей часто, 15% – что это происходит редко, 7% – что власть россиян вообще не обманывает.

ли начинать дело, если "простые" не знают правил игры: каковы сопутствующие обстоятельства, как средства будут определять цель, какие ограничения самим принятием решения накладываются на результат?

"Профи" недовольны неэффективностью деятельности в целом и растратой их усилий по непрофессиональным поводам. А как рассуждают "демократы"? Совсем иначе: возможен заговор профессионалов. Как? Зачем? А не знаю, но у них есть свои интересы. Раз они – профи, значит – у них корпорация. Их всех вместе можно чем-то заинтересовать. Они будут судить, исходя из своих групповых интересов, а не из интересов народа, отдельного частного лица. А ведь содержат их подчас на народные деньги, налоги. Так что опасения вызывает корпоративность. Корпорации могут продаться правительству... Да уже и давно все куплено... Это же естественно – так думать. Да и правительство – это такая корпорация чинов-

ников и политиков, они всегда найдут с другой корпорацией общий язык – против отдельного человека. И потому в суде присяжных главное – что это люди совершенно со стороны. Пусть они судят не всегда эффективно, пусть им дольше и труднее объяснять, чем профессионалам, – зато есть гарантия, что важнейшая судебная власть не уйдет под правительство, останется под прямым наблюдением и контролем граждан.

По поводу профессионализации решений, относящихся к частным лицам, выступают также и "либералы" – те, кто больше всего опасается государственного тоталитаризма, излишнего государственного влияния на частные дела граждан. Если для профи главная обида – неэффективность, то здесь основная проблема – насилие. "Либерал" идет на насилие, как кот на валерьянку. Из всего множества общественных проблем он выделяет насилие со стороны государства как главную и совершенно нестерпимую беду.

Выстраивается оппозиция: демократия против технической профессиональной эффективности. И важно понять: эти противоборствующие позиции – не противоположны. Люди высказываются за разные решения некоего вопроса на разных основаниях. Тем самым остается возможность совместить их ценности – в рамках одной системы. Каковы же эти основания?

Итак, одна точка зрения: современное общество сильно дифференцировано, делом должны заниматься профессионалы. Могут быть структуры, информирующие население об их деятельности, просвещающие, разъясняющие, – но "непрофессионалы" не должны прямо влиять на работу профессионалов, они только ухудшат ее. Аналог такого решения: научная и техническая деятельность.

Другая точка зрения: человек вправе сам решать свои проблемы, отвечать за свое будущее, – ни один профессионал не имеет права сделать это за него. И этот "простой человек" должен иметь способы влиять на касающиеся его решения профессионалов. Суд – лишь один пример, но и врачи, и учителя, и чиновники правительства, и прочие специалисты, занимаясь делами простых граждан, должны находиться под контролем этих граждан.

Легко увидеть, что необязательно идти на конфронтацию – позиции можно развести. Раз-

деляющие первую точку зрения хотят лишь эффективности работы – чтобы не мешали делать дело, у них нет принципиальных возражений против контроля “простых людей”. Приверженцы второй точки зрения не собираются работать вместо профессионалов – они хотят только контролировать их. Значит, вопрос (по крайней мере, с виду) технический: какими должны быть социальные институты, чтобы они не мешали профессионалам работать и позволяли простым людям контролировать профессионалов. К сожалению, обычно споры идут “на выбывание”, хотя эти позиции – по сути дополняющие друг друга и вполне совместимые.

Получается, что дело за техническим решением: как одновременно сохранить и эффективность, и гласность, неподконтрольность центральным органам власти того или иного общественного института. В каждом случае между противоречивыми требованиями гарантии демократии / эффективного управления отыскивается компромисс – решения не слишком неэффективные, и при этом доступные контролю отдельных граждан.

Тогда суд присяжных – это не “принцип” такой, а вариант технического решения. Профессионалы делают многое, но не все – часть процедуры, и очень важная, отдана в руки граждан. Тем самым спор должен быть перенесен из плоскости взаимно противоположных утверждений в плоскость обсуждения социотехнических улучшений. Недостаточно эффективно? – А что предлагается? Как можно улучшить? – Недостаточно гласно? – А как можно учитывать волеизъявление граждан, не теряя эффективности?

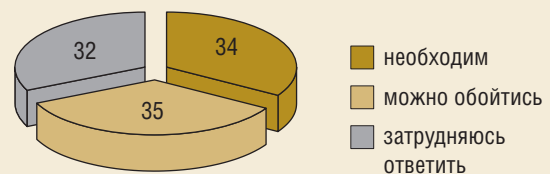
Сталкиваясь с судебной системой, мы очень дорого платим. Деньгами, временем, нервами – а иногда и большим. Приятно знать хотя бы, за что мы платим, если уж не получается не платить. А платим мы за гарантию разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Ведь судопроизводство было бы гораздо проще, если бы законы вырабатывали только профессиональные юристы. Тогда мы имели бы единое, согласованное законодательство с гораздо меньшим, чем сейчас, количеством противоречий.

Мы платим также за распределенность законов. Чтобы сделать единую законодательную систему, без всяких подзаконных актов, которые плодятся в министерствах и ведомствах, надо пойти на упрощение законов (это всегда ведет к увеличению доли несправедливости) и объединение их в единую систему. За единой системой всегда стоит какой-то один общественный институт... На таких словах сразу фиксируется внимание: один институт? Одна власть? И значит, мы опять должны платить за увеличение свободы – уменьшение эффективности.

Ведь сложность законов обеспечивается не только сложностью общества. На самом верхнем уровне тоже сидят непрофессионалы. Законы принимаются выборным законодательным органом, и Дума состоит не из профессионалов-юристов. Значит, принимаемые “наверху” “главные законы” будут не слишком “грамотными”, будут частично противоречить друг другу, они не подогнаны к конкретным ситуациям. И значит, они будут обрастать множеством подзаконных актов, которыми каждое ведомство стремится исправить недочеты “высоких законов”, и вся эта система будет не без взаимных противоречий.

Эта ситуация с не очень качественными и не слишком согласованными законами возникает не по глупости и злему умыслу. Это как раз следствие ограничения силы государства контролем со стороны “простых граждан”. Законы, принимаемые профессиональными юристами, были бы, возможно, более точно подогнаны друг к другу – и более эффективны. Однако в таком случае существует опасность сговора между огромной силой государства и мощной корпорацией

До 1905 года в России не было парламента. Все законы издавались лично царем или императором. Как Вы думаете, а в современной России парламент (Дума) необходим, или без парламента сегодня в России можно обойтись?

Опрос 15–16 октября 2002 года

юристов – против граждан. И вот самый верхний законодательный орган отдан непрофессионалам – снова *эффективность принесена в жертву демократии*.

Но конкретная форма этой “жертвы” может обсуждаться. Контроль общества за профессионалами может осуществляться теми же профессионалами – не профессиональными контролерами, то есть чиновниками, а специалистами в этой же сфере, различными комиссиями независимых экспертов. Суд присяжных – лишь одна из форм контроля “обычных людей” над социальными структурами, которая позволяет примириться со сложностью общества.

Общественный контроль над учителем

Есть еще одна область, где наблюдается конфликт между демократией и эффективностью, хоть и не столь очевидный. В школе тоже существует контроль над учителем со стороны непрофессионалов: школьных родительских комитетов. Их права разнятся не только от страны к стране, но и от школы к школе, но иногда этих прав очень много. Родители – это заинтересованные непрофессионалы, которые вмешиваются в педагогический

процесс и могут настаивать, чтобы их детей учили так, а не иначе, тому, а не другому.

Казалось бы, чем школа отличается от театра? Не нравится тебе исполнитель – уйди, если многие уйдут – он останется без зрителей и пусть себе выступает дома перед своей кошкой. Зачем здесь общественный контроль? Однако он существует и контролирует здравость действий учителя. Эффективная педагогика (ну, позволим себе эту улыбку) ограничена демократическим институтом... Платой за контроль родителей служат “обезьяньи процессы”, один из которых как раз только что едва не состоялся в России, но, даже не начавшись, вызвал большой шум.

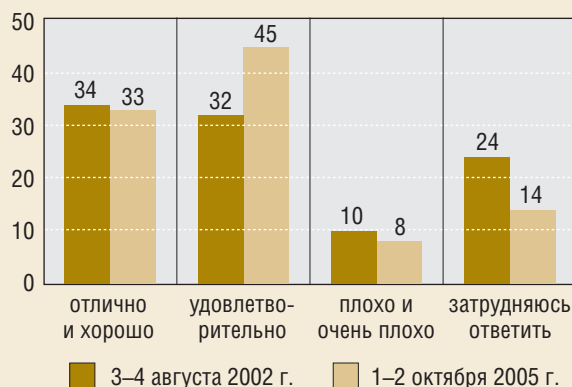
У ученых такие скандалы вызывают сильнее раздражение. В XXI веке – эти давно набившие оскомину высказывания против теории Дарвина, попытки изменить курс биологии в школе... Кошмар и мрак средневековья. Это мы платим за свободу. Свобода же – вовсе не безобидная штука. Мало ли чего человек хочет... Кто-то хочет, чтобы его детей учили не по Дарвину, кто-то – чтобы рассказывали о возникновении Земли с точки зрения Шестоднева.

И возможность таких процессов – вовсе не ужасное следствие “гнили в умах”, а как раз нормальная плата за понятную вещь: люди хотят контролировать те общественные институты, которые определяют их жизнь. Если они пытаются контролировать политику, суд – почему им нельзя контролировать образование?

Конечно, наука тем и отличается от иных сфер, что имеет объективное содержание. Тут, между прочим, интересный момент. Наука у нас – уже давно не только познавательный институт, а очень даже социально значимый, участвующий в экономике и идеологии. А люди хотят контролировать то, что вмешивается в их жизнь.

Как-то страшно, когда врач, учитель, городской архитектор или юрист в одиночку решает дела, которые нас лично касаются. Хотелось бы иметь возможность остановить его хотя бы в самых одиозных (с нашей точки зрения) случаях. Ну в самом деле – ведь не от обезьяны... Между прочим, это тот же самый аргумент “про суд присяжных”. Так кто будет решать, чему учить наших детей: мы или профессионалы некой корпора-

Как, по Вашему мнению, работают сегодня учителя, как они справляются со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

Каждый третий респондент (34%) считает, что учителя сегодня делают свое дело хорошо или отлично. Чаще других эту точку зрения разделяют люди в возрасте 18–35 лет. Еще треть опрошенных (32%) полагают, что учителя удовлетворительно справляются со своими обязанностями. Недовольны их работой только 10% участников опроса

ции? Хорошо, мы будем решать это совместно. Так каков же противовес мнению профессионалов в этой области?

Прежде всего это государственные учреждения, которые формулируют программы или экзаменационные требования. Наверное, стоило бы уменьшить зависимость обучения от государственных чиновников. Вопросы должны решать не чиновники, а сами учителя – то есть только те, кто в данное время реально работает с учениками. Однако пока что учителя взаимодействуют прежде всего с чиновниками, и кроме того – с организованными родителями (те самые родительские комитеты, о которых было упомянуто, иногда имеют довольно значительные права). Но в целом “социальных драк” по этому поводу меньше, чем по поводу суда присяжных и острых вопросов медицины.

Это странно. Мы рассмотрели вот уже третий способ решения проблемы контроля над профессионалами (случайный выбор контролеров с жесткой регламентацией их прав – у юристов; создание экспертной комиссии из сторонних профессионалов – у медиков; самоорганизация группы заинтересованных лиц – у учителей). Эти способы очевидным образом различаются по эффективности.

Видимо, контроль непрофессионалов можно отстаивать лишь в некоторых пределах. И тогда вопрос: а какими регулятивами определяются эти пределы? Есть ли вообще в нашем обществе какие-то правила, по которым в одних местах контроль непрофессионалов приветствуется, и мы платим эффективностью за демократию, а в других местах вопрос решается в пользу эффективности? Кто решает такие вопросы?..

В сфере образования мы вплотную сталкиваемся еще с одним противоречием взаимодействия профессионалов и неспециалистов, “простых людей”. Это – вопрос понятности. Тонкости судебного разбирательства не целиком находятся в ведении присяжных, они решают только вопрос о вине. Медики объясняют пациенту результаты – однако детали медицинского исследования могут оставаться ему непонятными. А вот взаимодействие учителя с учениками целиком на поверхности – ученики (в идеале) должны пони-

мать, чему их учат, и родители также хотят это знать. Более того, у многих родителей есть свои представления о базовом образовании (вспомним “обезьяньи процессы”), и они уверены, что основы их мирозерцания должны преподаваться и в школе.

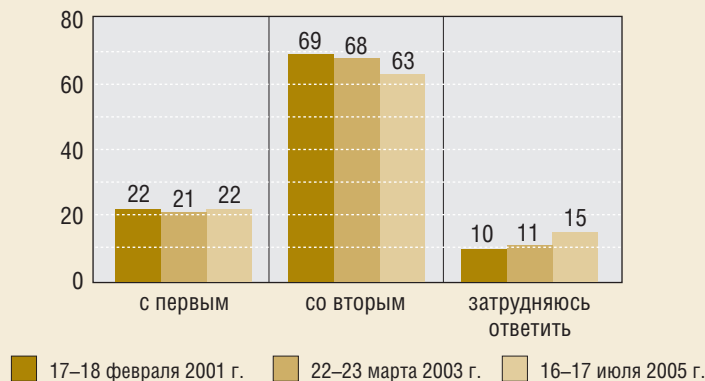
Справедливость должна быть понятной

Рассмотрим этот вопрос на примере суда. Обвиняемый (и его родные) должен понимать, за что его судят, на каком основании и почему именно так. Судьи, конечно, простые люди, но и математики – простые люди, однако “простой человек” ничего не поймет из разговора математиков. И тут у суда присяжных есть одно свойство, которого нет у суда профессионалов, у коллегиального профессионального суда: он понятнее.

На это можно возразить, что присяжные тут ничего не могут изменить. Атмосфера судопроизводства оказывает на попавшего в переplet судебного действия совершенно кафкианское впечатление, люди просто теряются... Тут уж ничего не сделаешь – можно учиться юридической грамоте, можно стараться реформировать суды (ну, это вряд ли...), но понятности присяжные не добавляют. Большая часть осужденных считают свои приговоры несправедливыми, это известный факт. Как ни пытайся объяснять, все равно человек склонен расценивать решение суда как неверное.

Но все же кажется, что если адвокаты будут “понятно” излагать дело присяжным, оно станет понятнее и обвиняемому. Ведь крайне неприятной является ситуация, когда “они там почикали

Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?

о чем-то своем, а я огреб пятерку”. И суд присяжных является не абсолютным, но действенным средством от этой опасности.

Очень соблазнительно усилить аргумент понятности. Имеется некоторое количество пословиц и афоризмов, относящихся к самой интеллектуально сложной области – науке. Резерфорд как-то сказал: “Если ученый не может доступно объяснить, чем он занимается, своему уборщику в лаборатории, то он наверняка сам этого не знает”. Почему бы юристам не перестать притворяться, сбросить маску сверхсложности? Юриспруденция – наука, вряд ли она настолько сложнее физики, что к ней неприменимы требования простоты и понятности. Так пусть юристы не запутывают законы, излагают суть дела простым языком – и присяжные как раз и являются тем институтом, который принуждает их к этому.

Однако столь сильный аргумент будет уже подменой. Одно дело – упростить сложное и суметь просто объяснить полученный результат, другое дело – просто вести само исследование. Даже простота при объяснении результата связана с искажениями – физики потратили массу усилий, чтобы сделать понятными основы теории относительности или квантовой механики, есть книги по теории суперструн, претендующие на популярность, – однако это лишь метафоры. Уче-

ный может подобрать ряд метафор и примеров, указывающих на то, как обстоят дела в некой области знания, – но считать это за адекватное описание самой области нельзя. Так и в юриспруденции – готовое судебное решение можно изложить понятно (иногда при этом упрощая суть дела для краткости и понятности), но само судебное расследование не является простым и общепонятным, и законодательство не является простой системой.

Но тут возникает вопрос: как же тогда простому гражданину соблюдать законы, которые он не способен понять? Значит, законы следует упростить ровно до такого уровня, чтобы их мог понять каждый гражданин. Так получается?

Однако и эта мысль при последовательном проведении упирается в парадоксы. Законы регулируют жизнь общества. Простые законы возможны лишь в просто устроенном обществе. Богатое, большое, сложное и дифференцированное общество поневоле имеет сложные законы. В конце концов, законы есть правила функционирования социальных институтов. Если институты сложны – сложны и законы. Упрощая законы, мы ничего не меняем “в реальности”, мы лишь добиваемся рассогласования реального функционирования общества и юридических норм, порождая вторичные, теневые институты.

Упрощая законы, мы нарушаем принципы справедливости. В самом деле, нет ничего проще, чем назначить одну кару за воровство – и в любом случае отсекают вороватую руку. Но тогда равному наказанию подвергнутся очень разные преступления, от детских шалостей до финансовых махинаций, от программистских заморочек до покупки пиратского музыкального диска на рынке (у Вас лицензионный Windows? Вы за него платили? Ну, само собой). Именно справедливость приводит к тому, что с усложнением общества усложняются законы. Справедливо воздавать меру за меру, и в сложно устроенном обществе со множеством разных мер справедливость – сложна. При этом незнание закона не освобождает от ответственности...

Значит, попав в сферу действия закона, гражданин должен идти к специалисту – обращаться к адвокату. Самому ему почти невозможно

пробраться через судебную систему – надо иметь консультанта. А кроме того, надо быть грамотным: изучать законы общества, в котором живешь. Основы законодательства надо учить – так же, как учат основные законы природы. Это набор элементарных умений по выживанию в обществе.

Однако... И тут не без накладок. Знание основ не спасет – всегда может ускользнуть тонкость, от которой лично для тебя многое зависит, а обращаться к специалисту “уже поздно”: обращение происходит, когда гражданин где-то задел за веревочку и колокольчик

зазвенел – и тогда встает вопрос, как выпутаться малой кровью, а не как уйти невредимым. То есть получается, что невозможно гарантировать “непопадание” в конфликт с законом – можно лишь минимизировать последствия столкновения. В джунглях закона – опасно.

Как же быть? Видимо, нет абсолютно верного ответа, можно лишь искать удобные компромиссы. При этом нет гарантий, что наличное состояние компромисса – самое удобное. Институты общества можно перестраивать – важно лишь помнить, что эти конструкторские игры будут прямо отражаться на нашей жизни. Какая сторона этого баланса наиболее важна – решает конкретная ситуация. Сейчас, например, политическая и социальная активность в обществе довольно низка и продолжает падать. Значит, в этой мысли следует подчеркнуть: все рассмотренные примеры – это не законы природы и не панацеи. Это выработанные какими-то людьми подручные средства решения проблем. В медицине решилось (пока) вот так, в суде – иначе, в школе... ну, там, как всегда, ничего не решилось. И вполне может оказаться, что эти решения уже устарели, что требуется придумать другие социальные институты.

Доверие против контроля

Поскольку государство – не корпорация, то из него трудно уйти, и потому защита ставится прежде всего от государства. Сражение с корпорациями для индивида крайне трудно – но от корпорации можно бежать, и контролирующие демократические институты не занимаются корпорациями. Добавим толику сомнения: можно уехать и из государства, а корпорации стали сильнее – так ли уж верно сказанное выше? Сомнение это показывает, насколько старыми (и устаревшими) являются эти институты. Они создавались в другую эпоху, для другого общества.

Новому обществу, возникшему за последние столетия и десятилетия, необходимо обращать больше внимания на здравоохранение, образование и т. д.

Но и старые проблемы защиты от государства никуда не делись. Люди-то не согласны вмешиваться в работу профессионалов... Правда, это нелегко заметить.

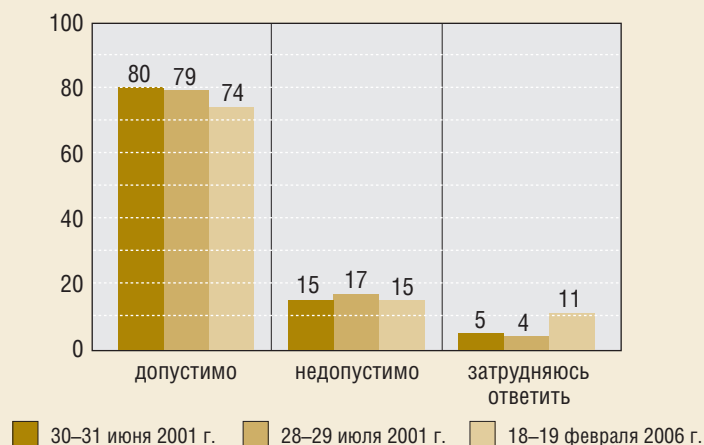
Вот пример: в 2000 году ФОМ провел экспертный опрос на тему, должна ли власть учитывать общественное мнение по ряду проблем – таких, как устройство власти, государственной безопасности, внешняя политика, экономика, военные проблемы, энергетика, социальная сфера, СМИ, катастрофы.

Если спрашивать, должно ли государство учитывать общественное мнение, большинство ответит “да”. Но вот детали... Ответы экспертов различны, кто говорит – должно, кто – нет. Но у экспертного опроса есть преимущество: там люди приводят обоснования своего мнения. И вот оказывается, что мнимые противники почти во всем согласны.

На деле люди отвечали на два разных вопроса. Один: есть ли в данной проблемной области (экономика, госбезопасность и т. д.) “специаль-

По Вашему мнению, в принципе допустимо или недопустимо приговаривать преступников к смертной казни?

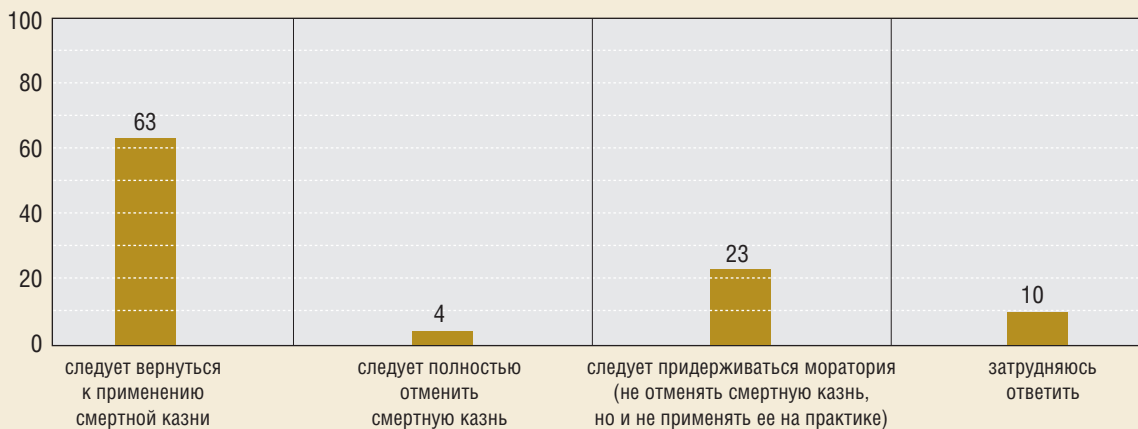
ные” проблемы, для решения которых надо обязательно обладать специальными знаниями? И второй вопрос: надо ли простым людям контролировать сферу, где есть специальные знания? Ответ на второй вопрос полностью зависел от первого. То есть почти все согласны: если для принятия решения надо использовать специальные знания, то никакую общественность к принятию таких решений нельзя подпускать на пушечный выстрел. А разногласия у экспертов были только по первому вопросу: ну, одни, скажем, считают, что

госбезопасность – дело ясное, и для принятия решений тут никаких особых знаний не надо, здравого смысла хватит. А другие: нет, шалишь, тут много вещей надо знать.

Есть и еще один разворот темы. Нарастающая сложность и дифференцированность общества должны восполняться сопоставимым усилением интеграции. Иначе общество развалится на кучу суверенизирующихся блоков – неважно, будет это происходить как встарь, по территориальному признаку, или блоки будут функционально означены – министерства станут Независимыми Корпорациями. В этической проекции это звучит как тема “*доверие против контроля*”: интеграция требует и того, и другого, и контролирующего наблюдения-и-вмешательства, и доверительного отношения. Но между собой эти меры конфликтуют.

С точки зрения социотехнической, возможны два варианта. Либо создается отдельный интегративный механизм (аналог: нервно-гуморальная система) общества, который и отвечает “за интеграцию”. Примерно понятно, чем это обернется при воплощении: некий институт контролеров от имени общества... В общем, можно не продолжать. Другой способ – новое выстраивание отношений между общественными сферами, при котором имеющиеся социальные блоки бу-

Как Вы думаете, сегодня России следует вернуться к применению смертной казни или полностью отменить смертную казнь? Или по-прежнему придерживаться моратория? (Карточка, один ответ.)

Опрос 18–19 февраля 2006 года

В российском обществе доминирует представление о смертной казни как о необходимой мере наказания, которую следует сохранять в законодательстве и применять на практике. Три четверти населения (74%) полагают вынесение смертных приговоров преступникам в принципе допустимым, 15% наших сограждан считают такую меру наказания недопустимой.

дут сильнее связаны друг с другом собственными потребностями, так что интеграция будет достигаться “стихийно”, за счет самого взаимодействия блоков.

Итак, какие существуют образцы социальных институтов, не мешающих профессионалам работать и позволяющих людям контролировать профессионалов? Как решается противоречие доверия и контроля? Компромиссные варианты: 1 – ассоциации экспертов (на государственной, партийной, общественной и корпоративной основе), 2 – СМИ, 3 – привлечение случайных “простых людей” – либо по выбору, либо благодаря собственной организации этих людей.

Мы видели примеры таких организаций – врачи больше полагаются, кажется, на группы экспертов; суд – на случайный выбор “простых людей”, в школьном образовании действуют “собранные заинтересованные” родители. Хотя переплетений здесь немерено – родственники пациентов участвуют в принятии решений в медицине, надо всем шумят медиа, освещающая и затемняя те или иные аспекты происходящего...

Иногда эти способы работают совместно, осуществляется рамочный контроль: организации общественности, ассоциации экспертов и медиа следят, насколько эффективно и осмысленно функционируют те или иные институты, собирают информацию о перекосах и об устранении наиболее очевидных нелепостей или наблюдают за особенно важными вещами: смертная казнь, клонирование человека и т. д. Если перекосов слишком много, то общество получает сигнал о необходимости пересмотреть принципы работы институтов.

Только сигнал – не прямое указание. Если “отдать” законы народу, вряд ли они будут гуманны. При массовом голосовании непрофессионалов принимаются не мягкие и сложные законы, а напротив – простые и жесткие, так как им не под силу разобраться в проблеме.

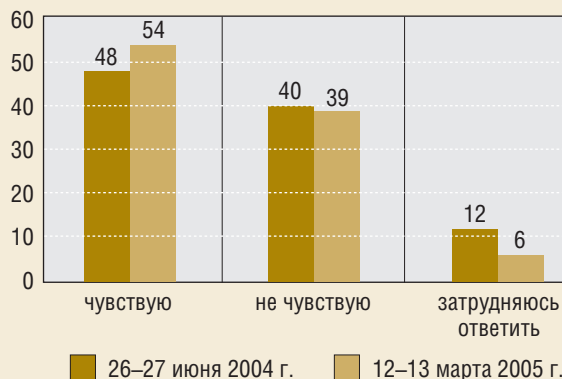
В российском обществе доминирует представление о смертной казни как о необходимой мере наказания, которую следует сохранять в законодательстве и применять на практике. Три четверти населения (74%) полагают вынесение

смертных приговоров преступникам в принципе допустимым, 15% наших сограждан считают такую меру наказания недопустимой.

А дальше начинается самое интересное, что трудно ввести в какие-то рамки: социальное творчество. Если какой-то институт благодаря этим сигнальным нитям окружает звон тревожных колокольчиков – надо менять институт. Самое простое – копирование или отказ от копирования института. Есть суды присяжных и суды без присяжных, они разделяются по типам дел – скажем, суды присяжных могут вести только уголовные дела или также дела гражданского права. Можно вообще отменить суды присяжных или, напротив, расширить их компетенцию. А если нужен новый институт? Общество быстро развивается, и институты со столетней выдержкой неизбежно могут удовлетворять все его потребности. Как создать такой институт?

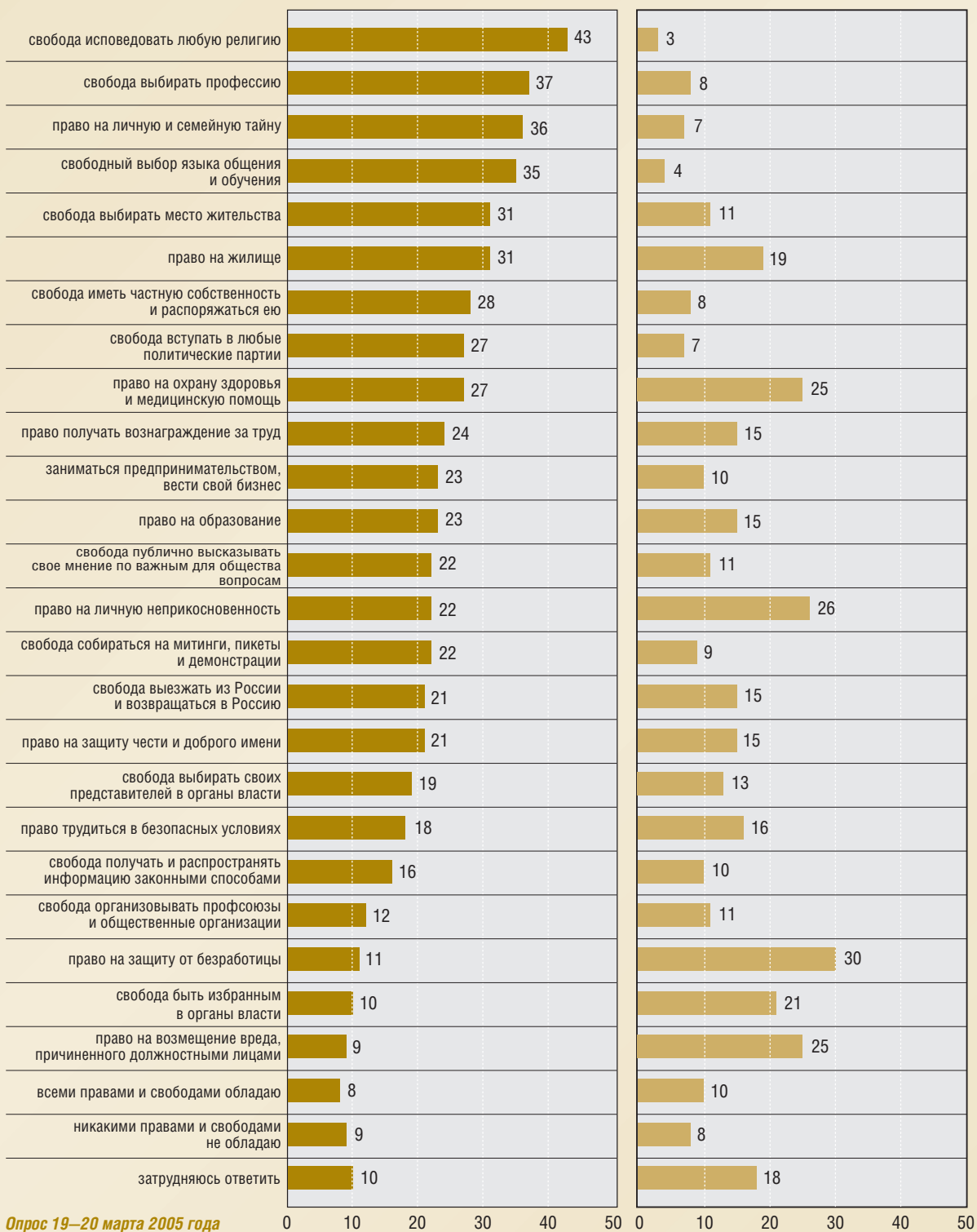
Политическая система общества, состоящая из медиа и партий, как кажется, и должна служить этой цели. Из медиа звучат “сигналы”, и партийные организации выдвигают решения. Но этот механизм очень сильно зависит от умения договариваться и от количества активных людей, готовых участвовать в политической жизни. Как кажется, весь этот механизм в целом устарел – медиа являются далеко не только средством проведения сигналов, а политическая активность повсеместно снижается. Это, конечно, не случайно – но тут мы выходим на совсем отдельную и очень большую тему.

Если говорить о Вас лично, Вы чувствуете или не чувствуете себя свободным человеком?

По Вашему мнению, какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно обладаете?
(Карточка. Любое число ответов)

А какими из прав и свобод, прописанных в Конституции нашей страны, Вы безусловно не обладаете?
(Карточка. Любое число ответов)

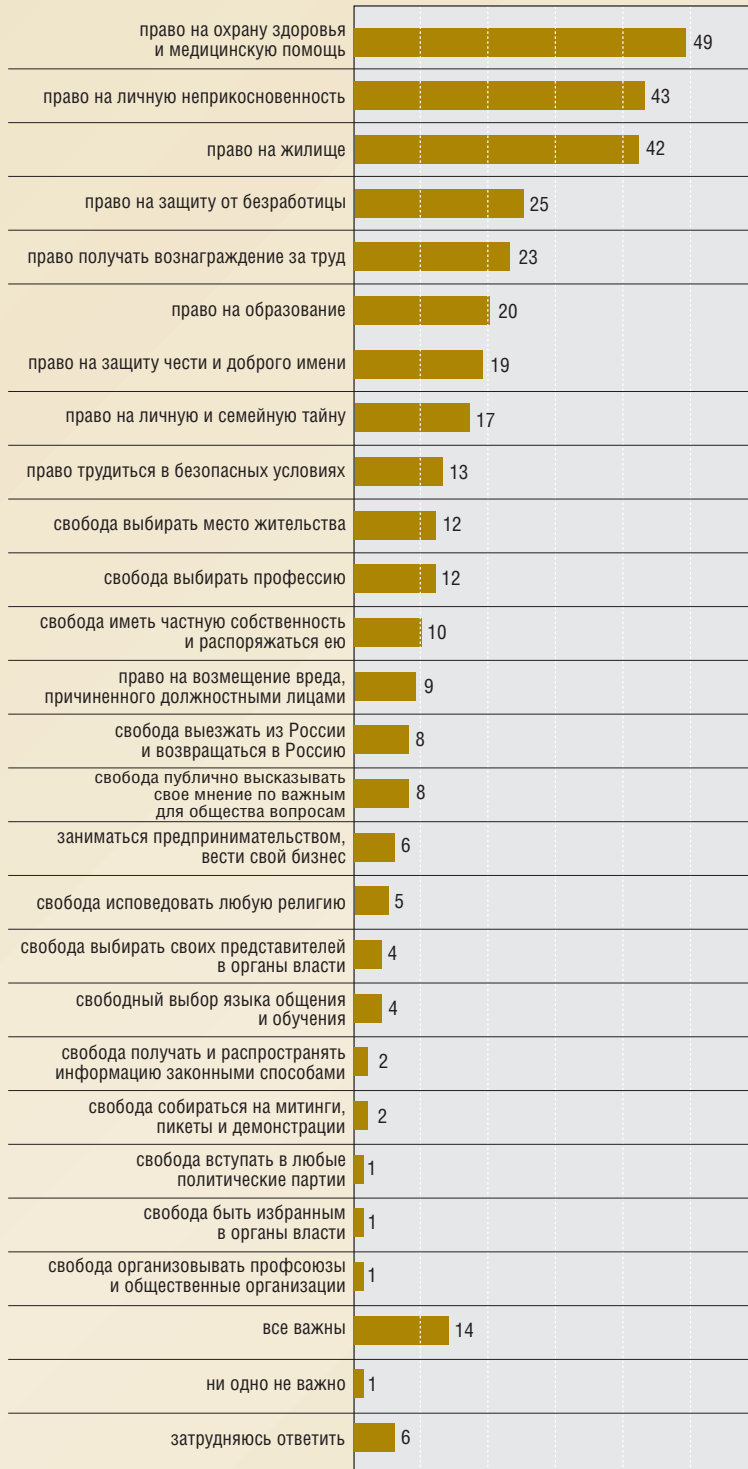

Опрос 19–20 марта 2005 года

Наиболее важными лично для себя россияне считают такие права и свободы, как право на охрану здоровья и медицинскую помощь (эту позицию из предложенного списка прав и свобод выбрали 49% опрошенных), право на личную неприкосновенность (43%) и на жилье (42%).

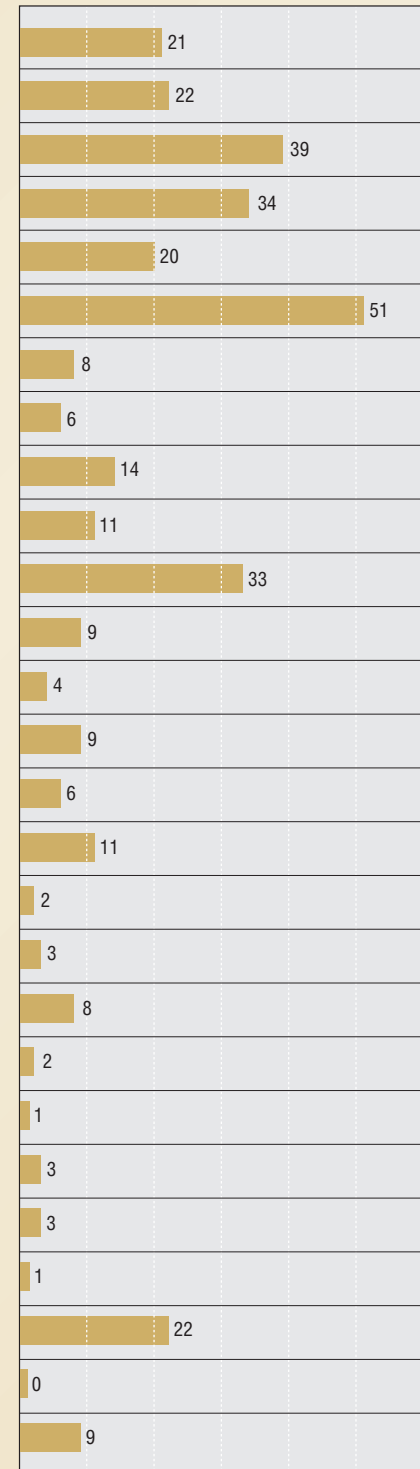
Какие из гарантированных российской Конституцией прав и свобод наиболее важны лично для Вас?

(Карточка. Не более пяти ответов)

Какие из перечисленных прав и свобод, по Вашему мнению, наиболее важны для самореализации молодых россиян?

(Карточка. Не более пяти ответов)

Опрос 19–20 марта 2005 года

Судя по данным опроса, россияне считают, что самыми важными для них правами и свободами они не обладают: каждый третий говорил, что не обладает правом на защиту от безработицы, каждый четвертый — правом на личную неприкосновенность и на охрану здоровья, каждый пятый — правом на жилище.

Мы добрались до самой всеобъемлющей системы. Не только конкретные устройства в институте суда, здравоохранении и т. п. являются временным компромиссом, осмысленную конкретную форму которого надо снова и снова выработать, – вся медийно-политическая система, призванная как раз быть средством конструирования новых компромиссов, кажется, уже не справляется с задачей. Или кто-то еще верит, что можно провести здравую реформу в школе, начав с кампании в прессе и выйдя на политический уровень?

Общего ответа нет. Требования компромисса между демократией и эффективностью, эффек-

тивностью и понятностью приводят нас не к решению проблемы, а к общим условиям возможности такого решения: увеличению социальной интеграции и развитию общего языка, общей культуры и социальной активности... Мы вновь уткнулись в привычный тупик. Разве что... Можно обратить внимание на то, что из самых разных проблем – армии и суда, медицины и экономики – нити тянутся к совсем невидным проблемам культуры. Доверие между людьми, возможность договориться, общий уровень образования и т. п. – все это обычно объединяют понятием “культура”. Вот только как там работать, чтобы получалось, – пока не ясно. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

КАПИТАНЫ БИЗНЕСА: ИЗВЕСТНОСТЬ И РЕПУТАЦИЯ

В одном из опросов ФОМа выяснилось, кто из крупнейших отечественных промышленников и предпринимателей известен россиянам, а также к кому из них они относятся позитивно, а к кому – негативно. Для ответа на эти вопросы предлагалась карточка с фамилиями 33 людей, обладающих, по данным журнала “Forbes”, наибольшими состояниями в России. Впрочем, последнее обстоятельство респондентам не сообщалось: пытаюсь выяснить, как относятся граждане к конкретным “капитанам бизнеса”, было бы, по понятным причинам, неразумно акцентировать внимание опрошенных на их принадлежности к кругу сверхбогачей.

Судя по данным опроса, самая известная фигура в отечественном крупном бизнесе – Роман

Абрамович: 61% респондентов заявили, что его имя им знакомо. Наибольшей известностью этот предприниматель пользуется у людей с высшим образованием (85%) и жителей Москвы (84%), наименьшей – у людей с образованием ниже среднего (42%), низким уровнем дохода (44%) и сельских жителей (47%).

Другие представители финансово-промышленной элиты значительно уступают в известности губернатору Чукотки и владельцу футбольного клуба “Челси”. Так, Елену Батурину знают 23% опрошенных (в Москве – 64%), Владимира Потанина – 22%. Относительно высока известность Александра Лебедева (16%), Олега Дерипаски (13%) и Михаила Фридмана (11%). Далее следуют В. Алекперов (8%),

В. Вексельберг (7%), А. Абрамов (7%), В. Евтушенков (6%), В. Лисин (5%). Остальные российские промышленники и банкиры известны менее чем 5% россиян.

Общее отношение наших сограждан к крупнейшим промышленникам и банкирам страны можно охарактеризовать как индифферентное: к самому известному предпринимателю из предложенного списка Роману Абрамовичу “положительно, с доверием” относятся 4%, “отрицательно, с недоверием” – 9% респондентов. О своем доверии либо недоверии к какой-либо из иных перечисленных фигур заявляли не более 3% опрошенных. Правда, 17% респондентов сказали, что отрицательно относятся ко всем этим людям. Но практически столько же (18%) – сказали, что не относятся отрицательно ни к кому из них.

Общероссийский опрос населения 17–18 июня 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Ирина Шмерлина

Единый архив социологических данных –

*новый информационный ресурс для исследовательской и преподавательской работы**

Проjekt по созданию Единого архива социологических данных был начат в сентябре 2000 года при финансовой поддержке Фонда Форда. К проекту присоединились ведущие исследовательские организации, разместившие в архиве результаты своих исследований: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Институт социологии РАН, Фонд “Общественное мнение”, Институт комплексных социологических исследований, РОМИР, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. К концу 2001 года в Едином архиве хранилось порядка 60 исследований.

С 2002 года Единый архив социологических данных работает как программа в рамках Независимого института социальной политики. Работой Единого архива руководит Архивный совет в следующем составе:

Председатель Совета

Хахулина Людмила Александровна, кандидат экономических наук

*Аналитический центр Юрия Левады,
зам. директора*

Заславская Татьяна Ивановна, академик, доктор экономических наук

*Академия народного хозяйства
при правительстве РФ, профессор*

Козырева Полина Михайловна, кандидат социологических наук

ЗАО “Демоскоп”, директор

Косалс Леонид Янович, доктор экономических наук

*ИСЭПН РАН, ведущий научный
сотрудник*

Косова Лариса Борисовна, кандидат технических наук

*НИСП, директор программы “Единый
архив социологических данных”*

Крыштановский Александр Олегович, кандидат философских наук

*ГУ-ВШЭ, декан факультета
социологии*

Малева Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук

НИСП, директор

Радаев Вадим Валерьевич, доктор экономических наук

ГУ-ВШЭ, первый проректор

Ростегаева Нина Ивановна, кандидат философских наук

*Институт социологии РАН,
зав. сектором*

Тихонова Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук

*Институт социологии РАН,
зам. директора*

* Рабочий документ Единого архива социологических данных, 2006 г.

К 2006 году Коллекция исследований, депонированных в Единый архив, выросла почти в девять раз – сейчас в архиве хранится около 500 исследований. Расширился и круг депозиторов: к первоначальной шестерке “отцов-основателей” присоединились Московский центр Карнеги, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Центр гуманитарных и политических

исследований “Стратегия”, Институт философии РАН, исследовательская компания “КОМКОН-2”, Закавказский региональный исследовательский центр (CRRC). В настоящее время Единый архив начал работу по сбору результатов исследований, проведенных отдельными исследователями или коллективами исследователей на средства, выделенные благотворительными фондами.

Значительный прогресс был достигнут в отношениях с пользователями архива. Если в 2002 году, когда начиналась выработка критериев оптимального взаимодействия с пользователями, было заключено 30 соглашений о передаче данных, то в 2005 году 203 пользователя получили данные из коллекций Единого архива для исследовательской и преподавательской работы (график 1).

Акцент в этой работе делается на молодых преподавателей университетов. Наиболее тесные и давние отношения у нас сложились с Государственным университетом – Высшей школой экономики, где использование материалов Единого архива в учебном процессе стало нормой:

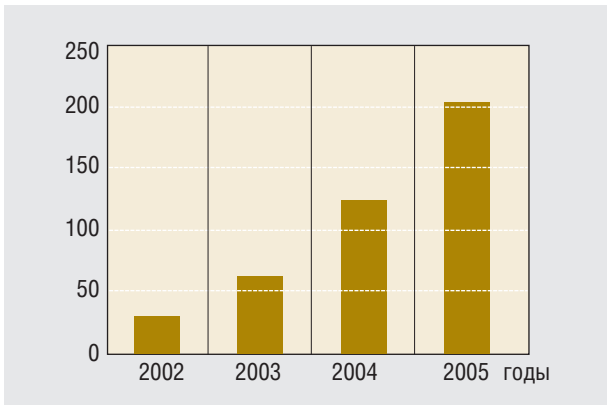

График 1. Динамика роста числа соглашений о предоставлении данных пользователям

Рис. 1. География запросов, поступивших в Единый архив социологических данных

каждый учебный поток обращается в архив за материалами.

В 2004 году были установлены прочные и плодотворные отношения с экономическим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Данные архива используются как в ходе учебного процесса, так и для самостоятельной работы студентов.

Единый архив уделяет большое внимание сотрудничеству с региональными университетами. Так, в Омском государственном университете данные Единого архива не только используются в учебном процессе, но и стали основой конкурса студенческих работ. Всего за 2005 год к нам обратились около 30 университетов, готовящих специалистов по социально-экономическим и политическим дисциплинам, из различных регионов России. Примерно 10% запросов на данные поступило из-за рубежа (рис. 1).

Материалы архива используются как для преподавательской, так и для исследовательской работы. Около 50% заявок поступило от студентов. Они запрашивают данные для самых разных целей – от написания курсовой работы до подготовки магистерской диссертации (график 2).

По состоянию на конец 2005 года для пользователей в режиме on-line открыты 482 исследования, охватывающие период с 1989 по 2003 год (рис. 2).

В разделе “Повторяющиеся исследования” представлены опросы мониторингового типа, проведенные различными социологическими агентствами. Все исследования проведены на репрезентативных российских выборках и включа-

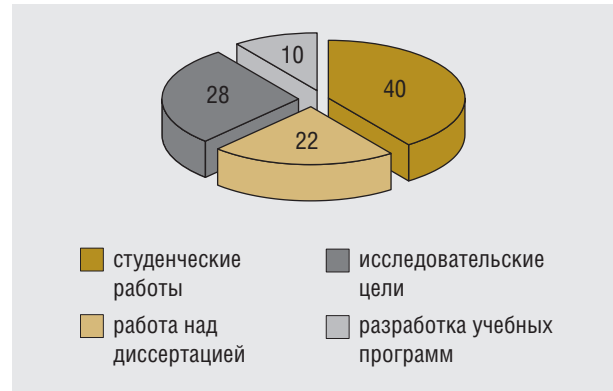

График 2. Цели, для которых запрашиваются данные (%)

ют повторяющийся блок вопросов, что позволяет не только проследить динамику важнейших социально-экономических показателей, но и сопоставить методики различных исследовательских институтов.

В раздел “Тематические исследования” вошли опросы на конкретные темы. Респонденты отвечали на вопросы о бедности и богатстве, безработице и занятости, о государственных социальных программах, критериях достижения успеха, причинах различия в доходах, о целях политики, об удовлетворенности жизнью, национальных отношениях, экономической реформе.

Раздел “Тренды” содержит пять объединенных баз данных, каждая из которых включает материалы, накопленные за много лет. Например, в базу “Бюджеты времени сельского населения” вошли данные за 1975–1999 годы. Это системное исследование советской и постсоветской деревни, посвященное изучению сдвигов в использовании времени при изменяющихся условиях

Рис. 2. Коллекции Единого архива социологических данных

жизни сельского населения. Исследование является лонгитюдным относительно выборочной совокупности сельских поселений.

“Модули ISSP” – международное исследование (International Social Survey Programme), начатое в 1985 году. По состоянию на конец 2005 года в нем участвовали около 30 стран. Исследование проводится по согласованной тематике и единой методике, что позволяет как осуществлять межстрановые сравнения, так и отслеживать временную динамику. Россия присоединилась к странам-участницам в 1991 году.

Перечень всех исследований, депонированных в Единый архив, можно найти на сайте: <http://sofist.socpol.ru>. Все исследования хранятся в формате SPSS. Для исследовательской и преподавательской работы данные передаются на безвозмездной основе.

Для удобства работы с данными была разработана информационная система “СОФИСТ” (Система организации фактографической информации по социологической тематике), позволяющая:

- *в режиме on-line найти релевантную информацию;*
- *посмотреть анкету и описание исследования;*
- *прямо на сайте построить линейные распределения;*
- *проанализировать тренды;*
- *послать запрос на получение “сырых” данных.*

Информационная система поддерживается на двух языках – русском и английском. К настоящему моменту на английский язык переведены анкеты примерно 350 исследований.

В 2006 году Единый архив первым из российских организаций установил на своем сервере систему Nesstar (Networked Social Science Tool and Resource), созданную специально для нужд электронных архивов. Программное обеспечение устанавливается на сервере архива данных. Исследования, поступившие в архив на хранение, конвертируются в форматы этого пакета программ. По завершении этой работы удаленные пользователи получают возможность проводить статистический анализ данных в режиме on-line. Отпадает необходимость в предварительной загрузке данных на компьютер конечного пользователя,

пользователю больше не надо иметь собственный пакет для статистического анализа.

Важность такой возможности трудно переоценить, особенно в регионах, где остро чувствуется дефицит достоверной информации, а также отсутствуют финансовые и административные средства для развития или приобретения нужного программного обеспечения. Теперь студенты и преподаватели даже тех университетов, где нет собственных пакетов статистического анализа, смогут работать с данными социологических опросов в режиме on-line, осваивая навыки вторичного анализа.

С 2003 года Единый архив имеет свое издание: информационный бюллетень “СОФИСТ”. Бюллетень выходит дважды в год на русском и английском языках. Он содержит постоянные рубрики, такие как “Новости Единого архива”, “Жизнь зарубежных архивов”, “Сообщения IASSIST”, а также анализ материалов, депонированных в Единый архив. Бюллетень издается как в электронном, так и в печатном формате. Печатная версия рассылается в учреждения, где затруднен доступ к интернету, что позволяет расширять аудиторию потенциальных пользователей архива.

Единый архив социологических данных вступил в 2006 год как быстроразвивающийся проект, обладающий уникальной коллекцией данных и быстрорастущим кругом пользователей. Мы ставим перед собой ряд важных задач, формирующих как стандарты исследовательского поведения, так и собственно исследовательскую среду.

1. Единый архив стремится стать центром депонирования исследований, проведенных грантополучателями различных благотворительных фондов. Депонирование данных в архив повышает ответственность исследователя, понимающего, что результаты его работы становятся публичными и контролируемыми со стороны научного сообщества. С течением времени это непременно окажет положительное влияние на качество проводимых социологических исследований.

2. Мы прилагаем усилия к тому, чтобы данные Единого архива все в большей мере становились эмпирической базой учебных курсов, которые читаются на кафедрах социальных дисциплин в высших учебных заведениях. И у студентов,

и у преподавателей должно появляться не только знание о существовании архива, но привычка обращаться в архив при разработке учебных программ, написании студенческих или исследовательских работ, подготовке конференций.

3. Архив стремится гармонизировать правила хранения и описания информации. Единый архив должен стать частью европейской и меж-

дународной сети архивов, совместимой с ней на всех уровнях – и концептуальном, и технологическом. Продолжается работа по переводу анкет на английский язык, что делает коллекции архива более доступными для зарубежных исследователей.

В заключение приведем отзывы некоторых наших пользователей.

Единый архив социологических данных открывает совершенно новые горизонты перед отечественными учеными-социологами, политологами, экономистами, социальными психологами и историками, так как дает возможность по-иному взглянуть и исследовать многие современные социальные проблемы: социальное неравенство, бедность, миграцию, доступность образования, безработицу и т. д. Это своеобразный “золотой” неиссякаемый источник, откуда можно черпать совершенно уникальную информацию. Значение Единого архива социологических данных для дальнейшего развития российской науки трудно преувеличить.

С уважением,
аспирант ИС РАН Елена Тарасенко

Создание Единого архива социологических данных – на мой взгляд, одно из самых замечательных и обнадеживающих событий в нашей науке. Когда в 70-х годах я познакомилась с работой Кельнского архива, то думала, что вряд ли доживу до создания чего-либо похожего в России. На переломе 80-х и 90-х годов аналогичный архив стал создаваться в Венгрии. Но у нас ничего подобного не было еще много лет. И вот свершилось: Единый архив социологических данных создан, его сотрудники успешно осваивают новую деятельность, ведут большую методологическую работу. Появились первые общедоступные массивы социологических данных, с которыми могут работать ученые, студенты, аспиранты. Конечно, создание полноценного архива потребует решения многих методологических, организационных, финансовых и даже этических проблем. Но первые шаги в этом направлении свидетельствуют о том, что российская социология живет и успешно развивается.

Академик Т. И. Заславская

В качестве администратора данных по общественным наукам в Оксфордском университете я помогаю аспирантам и преподавателям находить и получать доступ к базам данных, необходимым для их исследовательской работы. Наличие национальных архивов данных намного облегчает эту задачу: сотрудничать с ними гораздо проще, чем заказывать информацию непосредственно у правительства, исследователей или коммерческих агентств. Недавно я получила данные для наших исследователей из Единого архива социологических данных. Я считаю работу сотрудников этого архива чрезвычайно быстрой, дружелюбной и эффективной. Данные, которые отражают изменения в российском обществе за последние годы, необычайно интересны, и мы очень рады, что они стали так легко доступны благодаря существованию и работе Единого архива.

Джейн Робертс, Оксфорд

WAGTIEPCKAR

Д. Рогозин

Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента

Композиция исследования

Бытует мнение, что социологи могут получить “любые цифры” в зависимости от того, как зададут вопрос. Это весьма лестное для специалистов утверждение: предполагается, что они до мельчайших тонкостей знают все “эффекты ответа” и умеют ими управлять. От формулировки вопроса действительно зависит очень многое. Вместе с тем, “конструируя” вопрос, исследователь оказывается перед проблемой совершенно иного рода, нежели проблема, удастся или не удастся ему получить “заказанные” распределения. Проблема

на самом деле оказывается более примитивной: поймет или не поймет респондент вопрос и сможет ли самостоятельно дать на него адекватный своему мнению ответ? А если мнения нет, сможет ли сам отвечающий или же интервьюер распознать отсутствие мнения, знаний, намерений? Получит ли исследователь информацию об интересующей его проблеме или нет и будут ли эти данные пригодны для анализа, зависит от того, как поведут себя люди в 1000, 1500 или 32 000 случаев (типичный размер выборки).

Осенью 2005 года в Фонде “Общественное мнение” был реализован проект по тестированию вопросов, входящих в стандартный социально-демографический блок. Ставилась задача: оценить адекватность используемых формулировок и определить возможные стратегии исправления ошибок. Этой статьей мы открываем серию публикаций по материалам данного методического проекта, выполненного усилиями К. М. Мануильской, Т. А. Петрушенко, М. В. Рассохиной и Д. М. Рогозина.

И. Климов

Теоретическая схема

Как правило, исследователь исходит из допущения, что интервьюер задает сформулированный им вопрос, респондент отвечает на него, и интервью не отклоняется от установленного сценария. Предполагается, что если изначально определить перечень вопросов, то разговор будет развиваться по установленной схеме. То есть вопросы зачитываются так, как они написаны, неадекватные ответы уточняются в нейтральной манере, без подсказки возможных вариантов, ответ записывается в точности так, как он произносится рес-

пондентом. При этом в ходе анкетирования интервьюер не высказывает никаких суждений по содержанию ответа [Maynard, Schaeffer. P. 7]. Респондент рассматривается как подобие “информационного агентства”, которое может выдать нужную справку по первому требованию, а интервьюер – как беспристрастный регистратор полученного от агентства сообщения. Однако “во всем этом легко увидеть произвольность и неточность, ибо индивиду в каждый момент разговора, по-видимому, доступен целый ряд действий, и выбор им конкретного решения – дело

свободного выбора по меньшей мере в данной ситуации» [Гофман. С. 610]. Такой взгляд на структурированное интервью подвергает сомнению его надежность и валидность, особенно если нам неизвестна степень понимания вопросов участниками диалога.

С методической точки зрения ситуация становится просто катастрофической, когда интервьюер или исследователь, выступающий в роли интервьюера, из беспристрастного наблюдателя сам становится реальным участником опроса, осуществляя свое «право свободного выбора», например классифицируя ответы и присваивая им определенные категории. В прошлом веке казалось, что произвола со стороны исследователя можно избежать, если *правильно регистрировать факты*. То есть если мы соблюдаем все необходимые условия корректной методической работы, это может сделать знание объективным и не зависящим от желаний, увлечений исследователя и тех, кто работает вместе с ним, и даже личного присутствия интервьюера в ситуации

сбора данных. Однако реальность вновь оказалась ироничной: принципы, которые должны «удерживать» объективность, на деле ее разрушают. Оказывается, что исследователь по-прежнему находится перед лицом опасности присваивать социальным объектам некие домыслы, но не столько свои собственные, сколько те, которые *принимаются научным сообществом*¹.

Вряд ли возможно представить массовый опрос, в котором исследователю удастся осуществить контроль над проведением всех интервью и тем самым заручиться уверенностью в их надежности². Даже тщательно разработанный инструментарий, соблюдение процедур и норм опроса не позволяют избежать основных смещений, возникающих в опросах общественного мнения (да и в большинстве социологических исследований, связанных с вопросно-ответной коммуникацией), – *эффекта ответов*. В самом общем виде эффект ответов – это разница между семантическим заданием, содержащимся в вопросе, и степенью адекватности той формы ответа, которую производит человек, выполняя вопросное задание. Сопутствующие ответу мысли и ассоциации респондента так и остаются вне поля зрения исследователя. Однако в речи отвечающего содержатся произвольные дополнения или пояснения, задающие контекст сообщения и снабжающие внимательного слушателя достаточной информацией для адекватного восприятия ответа. Такую информацию можно лишь тщательно собирать, но нельзя получать напрямую.

Любое определение, понятие, обычное и привычное всем слово, составляющее основу нашего вопроса (или – *операционального определения*, то есть используемого на практике, например «*Ваше образование?*», «*Ваш возраст?*»), попадая

¹ Областью «научной конвенции» очень часто оказываются не некие содержательные утверждения, а в первую очередь – методология исследовательского действия (хотя и здесь есть некие «школы» и традиции, в них методологический консенсус выражен отчетливее всего). Конечная задача – подбирать исследовательский (например опросный) инструмент, исходя из представлений о методологической, а не ситуативной адекватности, сохранять обособленность *методологических целей* от социального и событийного контекста. Подчеркнем: мы не рассматриваем ситуации, в которых исследователи заявляют о выполнении социальных заказов, служа актуальным социальным потребностям. Понимание «актуальности», сформулированное в качестве обособленного исследования, детерминировано саморефлексией некоторых профессиональных или целевых групп, редко – общества в целом.

² Мы намеренно оставляем в стороне «эффект исследователя» – разговор о субъективной роли исследователя при интерпретации им собранных данных.

в некую коммуникативную ситуацию, мгновенно обрастает ассоциациями, личностными смыслами, комментариями и метафорическими переносами (“*Ваш пол?*” – “мужской”, “женский”, “паркетный”, “это потолок”...). При постановке вопроса: “Как измерить X?” – наиболее сложным является не предмет, на который направлен вопрос, не *что* измеряется, а сам *процесс измерения*. Исследователь, придумывая вопросы, буквально сам создает объекты своего исследования: он спрашивает о “*доходах*”, а человек отвечает о “*заработке*”, и можем ли мы утверждать, что это в сущности одно и то же? Исследователь придерживается каких-то предположений, опирается на определенные модели и ожидает получить определенного рода данные. Но *спроектированный* им объект неизбежно отличается от *изучаемого* объекта³.

У нас нет и никогда не будет средств для описания и точного понимания того, что происходит с исследователем в “предпроектном” состоянии. Да это, наверное, и не особенно нужно – следует различать “процесс создания новой идеи, с одной стороны, и методы и результаты ее логического исследования – с другой” [Поппер. С. 28]. Мы можем изучать сам исследовательский процесс и описывать те сбои, сдвиги и смещения, которые возникают по ходу его осуществления. Например, у нас есть шанс описать процесс трансформации научных понятий, благодаря которому наши концепции последовательно приближаются к задаче изучения эмпирических объектов.

Сказанное в полной мере относится и к таким, казалось бы, простым и самоочевидным категориям, как пол, доход, возраст, образование и т. д. Предлагаемые ниже результаты исследования показывают, что исследователи, формулируя вопросы, так или иначе прибегают к *операционализации* – конкретизируют, доопределяют абстрактные понятия, тем самым приспособляя их под нужды конкретного проекта. Предлагаемая ваше-

му вниманию работа посвящена изучению проблем, которые возникают в связи с выбором того или иного способа работы с социально-демографическими вопросами.

Объект исследования

Большинство отечественных и зарубежных методистов относят доход, пол, возраст, образование к основным демографическим переменным. Иногда вопросы о социально-демографических характеристиках называют “вопросами о фактах” [Scholl. P. 143] вследствие их максимальной устойчивости и надежности, а также возможности найти внешние источники информации для оценки достоверности собранных данных.

Для нашего исследования были отобраны четыре группы вопросов, отражающих уровень социальной адаптации, доходов, образования и социальный статус респондентов. Подобную группировку нельзя отнести ни к демографическим,

С методической точки зрения ситуация становится просто катастрофической, когда интервьюер или исследователь, выступающий в роли интервьюера, из беспристрастного наблюдателя сам становится реальным участником опроса, осуществляя свое “право свободного выбора”, например классифицируя ответы и присваивая им определенные категории

ни к фактологическим переменным – мешает вопрос о социальной адаптации. Однако эти четыре признака тесно взаимосвязаны, и, как будет показано далее, их с полным правом можно отнести к социально-демографическим факторам, отражающим реальные характеристики населения.

³ Г.С. Батыгин, опираясь на схему Стефана Новака, впервые в отечественной научной среде показал базовое затруднение любого эмпирического проекта: различение спроектированного и изучаемого объекта является основной исследовательской проблемой. Примечательно, что разговоры о переходе к “качественной традиции” и к “понимающей социологии” отнюдь не снимают, а усугубляют разрыв между проектом и изучаемым объектом. Хотя природа этого в данном случае иная. Разговоры об отсутствии предварительного исследовательского плана и вхождении в реальность с “чистым сердцем” и “свободным от концептов” сознанием уже давно опровергаются в качественной традиции (на это указывают П. Аткинсон, Д. Сильверман, М. Хаммерсли и др.), но по-прежнему остаются “общим местом” для многих отечественных исследователей.

Табл. 1. Социально-демографические вопросы

1. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, УДАЛОСЬ ИЛИ НЕ УДАЛОСЬ ВАМ НАЙТИ СВОЕ МЕСТО В СЕГОДНЯШНЕЙ ЖИЗНИ? (Один ответ.)
1. безусловно удалось 2. скорее удалось 3. скорее не удалось 4. безусловно не удалось 5. затрудняюсь ответить
2. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) СМОЖЕТЕ ИЛИ НЕ СМОЖЕТЕ В БЛИЖАЙШИЕ ГОД-ДВА ПОВЫСИТЬ СВОЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, ЖИТЬ ЛУЧШЕ, БОГАЧЕ, ЧЕМ СЕГОДНЯ? (Один ответ.)
1. безусловно смогу 2. скорее смогу 3. скорее не смогу 4. безусловно не смогу 5. затрудняюсь ответить
3. ОБРАЗОВАНИЕ
1. начальное или ниже 2. неполное среднее 3. среднее общее, ПТУ 4. среднее специальное 5. высшее, неоконченное высшее
4. КАКОВ ОСНОВНОЙ РОД ВАШИХ ЗАНЯТИЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ? (Карточка, поз. 1–11. Один ответ.)
1. работа в сельском или лесном хозяйстве 2. работа в сфере промышленного производства 3. работа в строительстве, на транспорте, связи 4. работа в системе государственного управления 5. работа в области культуры, науки, образования, здравоохранения, информации, финансов 6. работа в сфере услуг, торговле, коммунальном хозяйстве 7. военнослужащий, работник правоохранительных органов 8. пенсионер(-ка) ----- переход к В. №6 9. домохозяйка ----- переход к В. №6 10. временно не работающий(-ая), безработный(-ая) ----- переход к В. №6 11. учащийся, студент(-ка) ----- переход к В. №6 12. другое
5. КАКОВА ВАША ДОЛЖНОСТЬ, СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ? (Интервьюер! В. №5 не задавать тем, чьи ответы на В. №4 совпали с одной из позиций 8–11. Карточка №6, поз. 1–4. Один ответ.)
1. руководитель, зам. руководителя предприятия, учреждения 2. руководитель подразделения, специалист 3. служащий, технический исполнитель 4. рабочий 5. другое
6. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКИМ БЫЛ ДОХОД ВАШЕЙ СЕМЬИ В ПРЕДЫДУЩЕМ МЕСЯЦЕ В РАСЧЕТЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА? _____ руб.

Конечно же, каждый тестируемый вопрос, каждая поднятая проблема требует самостоятельной детально разработанной экспериментальной программы. Быстрое, поверхностное прохождение по фундаментальным основам социального измерения имеет большие шансы превратиться в нагромождение новых и мало-значимых описаний. Поэтому к аргументам, изложенным в настоящей работе, следует относиться критически. Пауль Лазарсфельд не раз ссылаясь на критицизм как фундаментальное для науки качество [цит. по: Boudon. P. 12]. Критическая позиция сопровождала все серьезные начинания, наиболее полное методологическое оформление которых представлено в работах К. Поппера. К критическому же отношению мы призываем и читателя – без опровержения и фальсификации доводов нельзя говорить о выполнении нашей исследовательской программы.

Организация поля исследования

В июне 2005 года пять профессиональных интервьюеров Фонда “Общественное мнение”, специализирующихся на стандартизированных опросах, провели 30 коротких стандартизированных интервью (в среднем время интервью не превышало 10–12 минут), в которые были включены следующие вопросы (табл. 1).

После каждого тестируемого вопроса респонденту предлагалось ответить еще на два-три дополнительных:

- Почему Вы выбрали этот вариант ответа?
- Как Вы поняли этот вопрос? О чем он? Попробуйте сформулировать его своими словами.
- Расскажите, пожалуйста, где Вы учились, учитесь. Что окончили?
- Работаете ли Вы еще где-нибудь? Расскажите о своих работах.
- Расскажите, пожалуйста, как Вы подсчитали количество членов семьи.
- Перечислите всех членов семьи, которые проживают с Вами. Например, отец, брат, сестра, дочь и т. д.
- Расскажите, пожалуйста, как Вы подсчитали доход.
- Сколько Вы лично заработали в мае?

Была проведена серия *когнитивных интервью*, то есть интервью, целью которых было выяснить, какие мыслительные процессы кроются за ответом респондента на прозвучавший вопрос, насколько точно люди понимают вопросы и можно ли говорить об *устойчивой точности* (или неточности) в понимании одного и того же вопросного задания разными респондентами. Предполагалось, что интервьюерам удастся обсудить причины, по которым был выбран тот или иной вариант ответа, когнитивные и коммуникативные трудности, с которыми столкнулись респонденты в ходе опроса.

Поскольку все интервью были записаны на пленку, поле для анализа сохранилось без искажений. Кодированию и анализу подлежали *речевые сбои*, свидетельствующие о затруднениях и ошибках как в понимании, трактовке вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов, так и в ответах на них. Кроме того, проводился *компонентный анализ* – кодировались тематические компоненты исходного концепта, который и содержался в формулировке вопроса. В качестве единицы наблюдения был взят *анкетный* вопрос плюс один-два *дополнительных* вопроса. Соответственно, массив ответов состоял не из ответов всех респондентов (30 человек), а из ответов на все вопросы, задававшиеся респондентам. После этого массив был разделен на четыре смысловые части, которые анализировались по отдельности: вопросы о профессиональном статусе, вопросы о социальной адаптации, вопросы о доходе, вопросы об образовании.

Прежде чем рассматривать результаты тестирования по каждому из этих блоков (эти материалы будут публиковаться в следующих номерах журнала), следует обсудить *эффекты ответа* – смещения, ошибки и домысливания в фиксировании ответов, возникавшие по ходу диалога респондента и интервьюера.

Эффекты ответа

Следует различать ответ, сформулированный респондентом, и ответ, занесенный в анкету. На этом различии основана идея нашей диагностической процедуры – фиксировать изменения формы ответа по ходу возникновения *анкетного от-*

Табл. 2. Частота смещений от предполагаемого ответа

% к общему числу ответов

	Частота	%
Ответы без смещений	75	42
Ответы со смещениями	105	58
<i>В том числе:</i>		
Собственный дискурс	62	34,4
Изменение точки зрения	26	14,4
Сомнение в ответе	38	21,1
Отказ от ответа	26	14,4
Всего ответов	180	100

вета. Мы будем судить о смещениях на основании четырех параметров.

A1. Присутствие (или отсутствие) собственного дискурса, то есть любых рассуждений респондента, выходящих за рамки вопроса. Например, когда при ответе на вопрос о доходах респондент рассказывает о своей семье, работе, бедственном положении пенсионеров или невнимании к ним государства.

A2. Изменение (или отсутствие изменений) точки зрения по ходу ответа.

A3. Сомнения в ответе.

A4. Отказ от ответа хотя бы на один вопрос, основной или дополнительный.

Без отклонений от процедуры опроса были даны 75 из 180 ответов (42%). Остальные содержали хотя бы одно смещение: собственный дискурс респондента, не имеющий отношения к теме вопроса, изменение обозначенной в начале ответа точки зрения, сомнения в ответе или отказ от ответа на один из вопросов, задаваемых интервьюером (табл. 2).

Наиболее часто встречающееся смещение – включение в ответ собственного дискурса, выходящего за рамки вопроса. Респондент, реагируя на вопрос, произносит фразы, которые могут иметь, а могут не иметь отношения к семантическому заданию вопроса: вопрос требует получить лишь конкретную цифру дохода, а рассуждения о бедственном положении семьи хотя и содержательны и связаны с темой, но формально оказываются неуместны. Интервьюер же в данном случае выступает как интерпретатор прозвучавшей информации, ведь он классифицирует

ее по своему усмотрению на нужную, ненужную и должную быть занесенной в анкету.

Люди неизбежно рассказывают о чем-то своем, ведь интервьюер для них – не простой регистратор, заполняющий в нужном порядке опросные листы, а собеседник, с которым можно поделиться своими впечатлениями, переживаниями, проблемами. Вот характерный фрагмент интервью:

“Интервьюер: Как Вы думаете, сможет ли Ваша семья через год, через два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?”

Респондент: Честно сказать... [пауза] Честно сказать... [пауза] Все равно, ладно...

Интервьюер: Сформулируйте. Вы сами ответите как?

Респондент: Честно сказать, может быть, у детей удастся. А нам, пенсионерам, будущим пенсионерам, это будет тяжело. Потому что квартплата растет, свет растет, все растет. Вы сами знаете. И приходится очень тяжело в жизни. Говорю, если бы я знала определенность в работе своей, что я устроена на работу... Как раньше я работала: я заболела – я получила больничный. А сейчас я заболела – никому нужна не буду. И чтобы получить больничный – это целая проблема. Тем более когда работаешь вот так, спонтанно. Где-то там поработала, там поработала, нет определенного места. Я вот на бирже труда была восемь месяцев. Восемь месяцев! Где-то у меня бумажка валяется. Вот. И везде: “Позвоним.

Нам работники нужны. Позвоним”. Все, больше никаких разговоров у тебя нет. И получилось так, что я восемь месяцев отстояла – ничего себе не нашла. И ведь нам-то дают бумажку, куда-то я иду на работу, где требуются люди. В какие-то... [пауза] Ну и там вот если, например, требуется человек, но в такие места, в которых ты сама не захочешь работать. Не захочешь! Или какой-то там... [пауза] Так вот я в одно место приехала. Там, не знаю, половина пьяных женщин стоит, и думаешь: свяжешься с этой компанией – сама сопьешься. И тоже не хочется этого. И зарплата маленькая. Ну что, четыре-пять тысяч – вот твоя зарплата! Когда можно нелегально устроиться – и гораздо больше получать. Но здесь уже другой вопрос – пенсионный”.

Отступление от предложенных вариантов ответов, расширение обсуждаемой темы, включение в разговор дополнительных примеров и оценок означает, что тема вопроса является *интересной и значимой* для респондента. Однако следует различать *ассоциативные ряды*, возникновение которых стимулирует анкетный вопрос, и предполагаемые *варианты ответов* (так называемую систему закрытий), разработанные исследователем. Не каждый интересный вопрос будет адекватным и хорошо работающим в стандартизированной процедуре. Примером этого служит вопрос о роде занятий, вызывавший в нашем исследовании наибольший интерес у респондентов:

“Интервьюер: Каков основной род Ваших занятий в настоящее время?”

Респондент: Я работаю на предприятии, Первый автокомбинат. Ну, мне нравится работа. Ну, такая очень тоже немножко нервная работа, работа с людьми, но мне все равно нравится. Ну и зарплата, конечно. Хотелось бы лучше”.

Один ответ может содержать сразу несколько типов смещений. Так, в 27 из 180 ответов (15%) содержатся два из четырех возможных типов смещений (см. табл. 2), в 10 ответах (6%) – три, и в 68 ответах (38%) зафиксировано только одно какое-либо смещение.

Табл. 3. Доля смещений при разном их количестве в одном вопросе

% по столбцу

Эффекты ответа	Доля смещений в одном ответе			Всего, к числу всех смещений, %
	одно	два	три	
Собственный дискурс	57,4	29,6	23,3	40,8
Изменение точки зрения	10,3	18,5	30,0	17,1
Сомнение в ответе	10,3	40,7	30,0	25,0
Отказ от ответа	22,1	11,1	16,7	17,1

Табл. 4. Количество смещений в тестируемых вопросах⁴

% по строке – к числу всех смещений по каждому вопросу

Вопрос	Доля смещений в одном ответе			
	ноль (нет смещений)	одно	два	три
1. Место в жизни	50,0	36,7	13,3	–
2. Благополучие	43,3	36,7	13,3	6,7
3. Образование	46,7	36,7	16,7	–
4. Род занятий	30,0	43,3	20,0	6,7
5. Статус	46,7	43,3	10,0	–
6. Доход	33,3	30,0	16,7	20,0
Всего для 180 ответов, %	41,7	37,8	15,0	5,6

Единичное смещение в ответе – это, как правило, собственный дискурс (57,4%) или отказ отвечать на один из вопросов (22,1%). Два смещения встречаются в комбинациях: сомнение в ответе (40,7%) плюс обсуждение несвязанных с вопросом тем (29,6%) или же изменение первоначальной точки зрения (18,5%). Три смещения связаны в первую очередь с сомнениями в ответе и изменением точки зрения (по 30%). В добавление к этому респондент начинает дополнять, уточнять или обосновывать свой ответ и производит существенный объем текста, не предполагаемого заданием (табл. 3).

Отметим, что вопросы о профессиональном статусе содержат, как правило, одно смещение – собственный дискурс. А вот наибольшее количество смещений порождает вопрос о доходах: в 20% ответов на него имеются три смещения, а показатель ответов, не вызывающих методических нареканий, всего 33,3% (табл. 4).

По сравнению с остальными вопросами вероятность появления ошибок и смещений всех четырех регистрируемых типов в вопросе о дохо-

дах достаточно велика (табл. 5). Безусловно, есть вопросы, лидирующие по тому или иному типу смещений. Например, в вопросах о статусе чаще всего появляется собственный дискурс (78,9% от всех встречающихся в нем ошибок), в вопросах об образовании меняется первоначально высказанное мнение (42,9%). В вопросе о доходах, напротив, соотношение частот разного типа смещений более выровнено. Наиболее характерными позициями в этом случае являются “собственный дискурс” (35,1%) и “сомнение в ответе” (29,7%) (табл. 5).

Вторым по числу нареканий идет вопрос о роде занятий. Доля ответов без смещений здесь также невысока – 30% (табл. 4), и так же, как и в вопросе о доходах, в ответах респондентов на данный вопрос нередко одновременные смещения трех типов. При этом безусловным лидером среди ошибок является “собственный дискурс” – комментарии и рассказы о себе, своей биографии (67,7% – табл. 5). Кроме того, нередко были сомнения в ответе (25,8%), хотя фактически возможность поменять первоначально

⁴ Формулировки вопросов см. в табл. 1.

Табл. 5. Частотность обнаруженных смещений в тестируемых вопросах⁵

		Собственный дискурс	Меняется точка зрения	Сомнение в ответе	Отказ от ответа	Всего по строке
1. Место в жизни	Абс.	1	6	4	8	19
	%	5,3	31,6	21,1	42,1	
2. Благополучие	Абс.	8	2	5	10	25
	%	32,0	8,0	20,0	40,0	
3. Образование	Абс.	4	9	6	2	21
	%	19,0	42,9	28,6	9,5	
4. Род занятий	Абс.	21	2	8	0	31
	%	67,7	6,5	25,8	0,0	
5. Статус	Абс.	15	0	4	0	19
	%	78,9	0,0	21,1	0,0	
6. Доход	Абс.	13	7	11	6	37
	%	35,1	18,9	29,7	16,2	
Всего	Абс.	62	26	38	26	152

высказанную точку зрения респондент использовал крайне редко.

Третий по уровню затруднений вопрос – об ожидаемом уровне благополучия в будущем. В половине ответов на него также насчитывается до трех смещений одновременно (табл. 4). Здесь же фиксируются значительная доля отказов от ответа (40% от числа всех смещений), активный обмен репликами, появление произвольного, не предусмотренного вопросом высказывания (30%).

Возможно, эти вопросы объединяет неоднозначность и сложность вопросного задания, которая заставляет респондента отказаться от самостоятельного поиска ответа. Вместо этого человек в лучшем случае *обращается за помощью* к интервьюеру, а в худшем – *делегировать ему* право самостоятельно определить вид окончательного – анкетного – ответа.

В методической литературе добровольный отказ от собственной точки зрения получил названия “эффекта молчаливого согласия” [Javeline. P. 4] или “да-эффекта” [Мануйльская. С. 207]. Чаще всего передачу права ответа собеседнику провоцирует неоднозначность и нетипичность возникшей коммуникативной ситуа-

ции, которая, с одной стороны, требует некоего “выполнения заданий”, а с другой – предполагает соблюдение определенных и довольно специфических правил ведения диалога. Вряд ли в повседневных разговорах встречается задача определить, в какой отрасли человек работает, или подсчитать средний доход на человека в семье. Из-за непривычности задания появляются попытки развернуто обосновать ответ, или перевести вопрос на более привычный для респондента язык, или же открыто выразить сомнение как возможное оправдание за неправильный ответ и за готовность отказаться от первоначально высказанной точки зрения.

Резюме

Итак, проведение опроса оказывается далеко не простой и прозрачной процедурой. Заполнение анкеты – это сложный речевой и, более того, культурный акт, а не просто техническая процедура “регистрации фактов”. Даже самые “простые” и привычные профессиональному социологу вопросы вызывают среди респондентов обмен репликами, а иногда стимулируют пространственные диалоги или собственную речь. Само по себе это естественно, однако в ситуации опроса приводит

⁵ Формулировки вопросов см. в табл. 1.

к интервьюерским ошибкам и смещениям в ответах, или – чтобы смягчить жесткость последнего утверждения – усиливает неопределенность ситуации и увеличивает вероятность появления содержательных и методических сбоев.

Наиболее распространенным типом смещений как раз и оказывается появление высказываний, не предусмотренных вопросным заданием. Причины – это, во-первых, выбор тех или иных стратегий аргументации ответа, которые могут варьироваться от заверений в полной обоснованности и точности ответа до возможности отказаться от первоначальной точки зрения. Во-вторых, это желание прояснить вопросное задание, уточнить смыслы тех или иных понятий, выяснить, как производить необходимые подсчеты, сколько ответов давать и почему “правильным” является ответ в анкете или в списке на карточке, а не тот, который первым пришел в голову.

“Эффекты ответа” – довольно обширная область методологических исследований. Без их изучения наши представления о вопросно-ответной коммуникации очень быстро обрастают иллюзиями о возможности контролировать процессы установления контакта с респондентом, поддерживать заинтересованность человека в опросе, оказывать помощь в процессе заполнения анкеты без риска вызвать “желательные ответы” или же смещения иного рода. С этой проблемой связано большое направление методической работы, связанное с изучением “эффекта интервьюера”. Однако перед нами стояла иная задача: выяснение системы личностных смыслов, ассоциаций и интерпретативных переходов, которые возникают в сознании респондента в связи с прозвучавшим вопросом. Что такое “благополучие”? Кого имеют в виду, когда говорят “член семьи”? Какие части тела представляет себе человек, когда он отвечает на вопрос о “болях в животе”? В последующих текстах мы предложим описание тематических компонентов некоторых часто задаваемых социологами вопросов – о доходе, о роде занятий и профессиональном статусе, о “социальном самочувствии” и образовании респондентов. ■

Продолжение следует

Литература

- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, О. А. Оберемко; Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Мануильская К. М. [Рец.] Петерсен Т. Полевой эксперимент в прикладных исследованиях: Das Feldexperiment in der Umfrageforschung. Frankfurt: Campus, 2002 // Социологический журнал. 2004. № 3/4.
- Поппер К. Логика научного исследования / Пер. с англ. А. Л. Никифорова; Под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Республика, 2004.
- Boudon R. Introduction // Lazarsfeld, P. On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993.
- Javeline D. Response effects in polite culture: A test of acquiescence in Kazakhstan // Public Opinion Quarterly. 1999. Vol. 63. No. 1.
- Maynard D., Schaeffer N. Standardization and Its Discontents // Standardization and tacit knowledge: Interaction and practice in the survey interview / Ed. by D. W. Maynard, H. Houtkoop-Steenstra, N. C. Schaeffer, J. van der Zouwen. New York: John Wiley & Sons, 2002.
- Scholl A. Die Befragung: sozialwissenschaftliche Methode und kommunikationswissenschaftliche Anwendung, UVK Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz, 2003.

И. Климов

Загадки Шляпника, *или Путешествие в пространствах вопрос-ответной коммуникации*

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. А. А. Виночкиной. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.

– *Чем ворон похож на конторку?* – *спросил наконец Шляпник.*

– *“Так-то лучше, – подумала Алиса. – Загадки – это гораздо веселее...”*

– *По-моему, это я могу отгадать, – сказала она вслух.*

– *Ты хочешь сказать, что думаешь, будто знаешь ответ на эту загадку?* – *спросил Мартовский Заяц.*

– *Совершенно верно, – согласилась Алиса.*

Л. Кэрролл. “Алиса в Стране чудес”

Трудно себе представить разговор, который бы не содержал в себе ни одного вопроса к кому-либо из собеседников. Задавая вопрос, мы не только что-то узнаем, но и подтверждаем единство наших знаний, а также само умение *понимать* другого. Последнее оказывается не всегда просто, ведь помимо “семантического задания” в вопросе всегда присутствует множество экстралингвистических составляющих: мимика, интонация, стилистика речи и языка, контекст и ситуация, культурная традиция и самое главное – биографические ситуации каждого из собеседников или участников общения. Если собеседники обладают взаимной компетентностью во всех этих областях, тогда оказывается возможной коммуникация чрезвычайно высокого порядка, как, например, в случае Кити и Ле-

вина, совершенно непонятно как, но понимающих друг друга.

– *Постойте, – сказал он, садясь к столу. – Я давно хотел спросить у вас одну вещь.*

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

– *Пожалуйста, спросите.*

– *Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда? Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.*

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядом: “То ли это, что я думаю?”

– *Я поняла, – сказала она, покраснев.*

Л. Толстой. “Анна Каренина”

Для тех, чья профессиональная деятельность оказывается тесно связанной с необходимостью задавать вопросы и выслушивать ответы, только лишь умения *слушать* и умения *понимать* другого оказывается недостаточно. Понимание непременно возводится в ранг эмпирической и методологической *проблемы*. То есть человек должен

относиться к этому одновременно и как к трудности, порождающей неопределенность здесь-и-сейчас, и как к теме, требующей специального и систематического изучения. Без осознания последнего обстоятельства риск коммуникативной неудачи возрастает стократно. Это верно для адвоката и судьи, для врача, учителя, журналиста, страхового агента и той дамы из кадрового агентства, которая занимается подбором персонала. Эти люди сталкиваются с огромным социальным, языковым и культурным разнообразием ситуаций, в которых живут их собеседники, и успешность понимания непременно ограничивается взаимной некомпетентностью применительно к разным сферам жизни и контекстам действия, которые являются “своими” и “естественными” для каждого из собеседников.

Собственно, это соображение, именно такой подход к проблеме и являются отправной точкой для Сеймура Садмена и Нормана Брэдберна в размышлениях о том, как правильно задавать вопросы. Их книга начинается с притяжки – о споре доминиканца и иезуита, грешно ли курить и молиться одновременно. Не придя к общему мнению, они решают спросить совета у своих наставников, и, разумеется, каждый получает ответ, поддерживающий именно его позицию в первоначальном споре. Следуя просто обыденной логике, мы наверняка предположили бы разницу моральных предписаний двух католических монашеских уставов. Однако, если вы, уважаемый читатель, добрались до этого абзаца, то наверняка уже можете сказать: “Думаю, я знаю ответ на эту загадку”.

Вся проблема – в вопросе.

* * *

– Так бы и сказала, – заметил Мартовский Заяц. – Нужно всегда говорить то, что думаешь.

– Я так и делаю, – поспешила объяснить Алиса. – По крайней мере... По крайней мере, я всегда думаю то, что говорю... а это одно и то же...

Мы привыкли думать, что вопрос – это коммуникативный прием для поиска и получения необходимой информации. Спроси – и тебе ответят. Од-

нако есть два “но”, на которые указывают Садмен и Брэдберн: о том ли мы задаем вопрос, о чем хотим узнать, и на тот ли вопрос, который ему задается, отвечает человек, или на какой-то другой?

Очень часто мы спрашиваем не о том, о чем хотим, и делаем это сознательно. “Сколько у нас осталось до полочки?” – спрашивает муж, стремясь выяснить, какие были траты у его супруги. “Вы помните, что срок сдачи отчета завтра?” – спрашивает начальник, желая удостовериться в исполнительности сотрудника. Мы спрашиваем об одном, а свои выводы делаем подчас совершенно о другом. Нужно отличать программный вопрос от задаваемого анкетного вопроса – говорят Садмен и Брэдберн [Садмен, Брэдберн. 2002 С. 24–25]. Программный вопрос – это наша теория, наши предположения об окружающей действительности, которые мы стремимся подтвердить или опровергнуть. Действительно, вопрос не может появиться на пустом месте, он всегда осно-

Существуют темы, о которых очень сложно спрашивать напрямую, – об употреблении наркотиков, о судимости, о сексуальных отношениях, о некоторых проблемах политики и т. д. Поэтому вопросы анкеты должны логически четко соотноситься с программными вопросами, с теорией, иначе мы соберем информацию не о том, что хотим узнать, или же получим неполные сведения

ван на нашем знании (или на том, что мы считаем таковым) о ситуации и о людях, о событиях, закономерностях и мотивах поступков. Для социолога это тем более верно: программные вопросы формулируются в общих терминах, содержат абстрактные понятия и ставят проблемы, не всегда очевидные для опрашиваемых. Кроме того, существуют темы, о которых очень сложно спрашивать напрямую – об употреблении наркотиков, о судимости, о сексуальных отношениях, о некоторых проблемах политики и т. д. Поэтому вопросы, которые исследователи ставят

в анкетах, должны логически четко соотноситься с программными вопросами, с теорией, иначе мы соберем информацию не о том, что хотим узнать, или же получим неполные сведения.

Вот, например, глава об измерении установок [Садмен, Брэдберн. 2002. С. 126–175]. Термин “установка” относится к способу мышления человека, к его устойчивой предрасположенно-

Садмен и Брэдберн в самом общем виде выделяют четыре фактора, в силу которых мы всегда можем подозревать “эффект ответа” (содержательное смещение и коммуникативный разрыв при формировании респондентом своего ответа): память, мотивация, коммуникабельность и знание

сти оценивать что-либо или действовать определенным образом в различных практических ситуациях. Социологи постоянно спрашивают о смертной казни, о выборах, об отношении к армии и уклонении от налогов, и о множестве других ситуаций. Это все – объекты установок, это темы и проблемы, в связи с которыми людям приходится определять свое отношение и свое поведение. Но можем ли мы быть уверены, что измерили установку, задав вопрос: “Вы пойдете или не пойдете на выборы?” или “Вы считаете допустимым или недопустимым уклонение от уплаты налогов?” Садмен и Брэдберн, следуя работам социальных психологов, выделяют три компонента установки – эмоциональный (оценочный), когнитивный и деятельностный. И далее.

Принято считать, и опыт это подтверждает, что компоненты установок существуют согласованно. Так, обычно люди меньше верят негативной информации об объекте, который им нравится и вызывает одобрение, и наоборот, как правило, выступают в поддержку того, что вызывает их неодобрение. Представление о согласованности компонентов столь устойчиво, что исследователи не считают нужным производить их оценку неза-

висимо. При этом как бы само собой разумеется, что измерение одного компонента установки позволяет сделать вывод о характере остальных. Например... человек, голосующий за некоего политика, обычно что-то о нем знает и относится к нему с одобрением. К сожалению, установки часто намного более сложны и разнородны. И хотя между компонентами установок существует определенная корреляция, они могут значительно различаться. Сделать вывод о характере действия на основании измерения когнитивного и оценочного компонентов установки – задача весьма сложная, поскольку характер установки и действия разделяет множество других факторов [Садмен, Брэдберн. 2002. С. 130].

Что это, как не теория? Для исследователя это означает, что нужно задавать целую обойму связанных вопросов для изучения разных компонентов отношения к службе в армии, к алкоголизму, к выборам и т. д. Следовательно, специалисту, формулирующему вопросы, нужно не только разбираться в существе проблемы, но и знать, *каким способом* можно измерить каждый из компонентов установки. Ведь помимо инструментальной корректности, сформулированные анкетные вопросы должны быть понятными, чтобы люди были в состоянии на них ответить, и простыми, чтобы их ответ не сопровождался ошибками или умолчанием.

И здесь мы подходим ко второму “но”: можем ли мы быть уверены, что наш собеседник отвечает именно на тот вопрос, который ему задан? Мир когнитивных процессов и коммуникативных событий, возникающих по ходу разговора интервьюера и респондента, сложен и разнообразен. Наивно было бы предполагать, что респондент всегда дает взвешенные, продуманные и искренние ответы. Садмен и Брэдберн в самом общем виде выделяют четыре фактора, в силу которых мы всегда можем подозревать “эффект ответа” (содержательное смещение и коммуникативный разрыв при формировании респондентом своего ответа): память, мотивация, коммуникабельность и знание.

Это означает, что: 1) респонденты могут забыть как информацию, так и период, к которому она относится; 2) они могут быть заинтересованы в со-

крытии правды из опасения последствий или из-за желания представить себя в более выгодном свете; 3) респонденты могут не понимать, о чем их спрашивают, и давать ответ в рамках собственного представления; и, наконец, 4) они могут просто не знать ответа на вопрос, но дать его, не говоря о своем незнании [Садмен, Бредберн. 2002. С. 30].

Сергей Чесноков пишет, что “большая часть информации, добываемой социологами и поллстерами – специалистами по «опросному делу», – имеет коммуникативную природу”, следовательно, нам нужно знать и уметь анализировать одновременно и особенности коммуникативной активности, и специфику когнитивных процессов участников диалога [Чесноков. 2002. С. 149, 158]. То есть для социолога признание этого факта означает, что при конструировании вопросов ему необходимо постоянно учитывать (знать и экспериментально проверять) особенности работы сознания по восприятию и переработке информации и особенности поведения респондента и интервьюера в ситуации диалога лицом к лицу. Атмосфера, в которой проходит интервью, влияет на действия людей, вербальное общение участников постоянно сопровождается “диалогом” на невербальном уровне, так что восприятие и вопроса, и ответной реплики в значительной степени зависит от “внеязыкового диалога”.

Собственно, книга Садмена и Бредберна ценна именно тем, что представляет собой подробный анализ и систематизацию знаний о том, какие эффекты ответа проявляются в вопросах о фактах (социально-демографические вопросы), в вопросах, вызывающих у респондента те или иные опасения, в вопросах о знаниях или об установках и т. д. В каждой главе, посвященной вопросам определенного типа, авторы описывают специфические когнитивные и коммуникативные проблемы, а также соответствующие методы повышения точности ответов, улучшающие достоверность результатов опросов и обследований. Читатель не найдет здесь “высокой теории” относительно задавания вопросов, скорее это свод правил для тех, кто хочет вести “здоровый образ жизни” в рутине опрос-

ного дела. Тем не менее некоторые теоретические положения работы очевидны. Например, это ориентация на когнитивную психологию с ее специфической сфокусированностью на изучении механизмов познавательной активности и познавательных способностей человека, а также методологическая установка принимать коммуникативную природу эмпирических социальных фактов. Человек всегда думает одно, говорит другое, а делает третье – и не потому, что он двуличный обманщик. Такова особенность когнитивных процессов. А ситуация опроса оказывается дополнительным фактором, отнюдь не упрощающим ход когнитивных процессов. Так что парадокс Алисы для авторов книги – не предмет сарказма и не тщательно скрываемое зазеркалье социологической кухни, а пространство для систематизации опыта и поиска решений. Однако одно сопряжение с социологической теорией хотелось бы реконструировать особо, хотя в большей степени это относится к другой работе – “Как люди отвечают на вопросы” [Садмен, Бредберн, Шварц. 2003].

* * *

– *Совсем не одно и то же, – возразил Шляпник. – Так ты еще чего доброго скажешь, будто “я вижу то, что ем”, и “я ем то, что вижу”, – одно и то же!*

– *Так ты еще скажешь, будто “что имею, то люблю”, и “что люблю, то имею”, – одно и то же! – подхватил Мартовский Заяц.*

– *Так ты еще скажешь, – проговорила, не открывая глаз, Соня, – будто “я дышу, пока сплю”, и “я сплю, пока дышу”, – одно и то же!*

– *Для тебя-то это, во всяком случае, одно и то же! – сказал Шляпник, и на этом разговор оборвался.*

Как мы уже разобрались, за анкетными вопросами стоит исследовательская теория (иногда в неявном даже для самих исследователей виде). Если это так, тогда мы вправе предположить, что и человек, слушающий вопрос, воспринимает его не непосредственно, а сквозь призму своей собственной “теории”. Последняя представляет собой

совокупность не только знаний, убеждений и опыта, но также включает и предубеждения, фобии, стереотипы, освоенный тезаурус каких-либо понятий или их заменителей и, разумеется, связанные со всеми этими элементами эмоции, впечатления и переживания. Когда мы спрашиваем человека о его отношении к сегодняшней армии,

Человек всегда думает одно, говорит другое, а делает третье – и не потому, что он двуличный обманщик. Такова особенность когнитивных процессов. А ситуация опроса оказывается дополнительным фактором, отнюдь не упрощающим ход когнитивных процессов

в его сознании сразу же всплывает множество ассоциаций – от актуальных новостных сообщений до армейских рассказов отслуживших друзей, от опасений “загреть в казарму” до абстрактных рассуждений о патриотизме. Для человека все это входит в круг “само собой разумеющейся” данности, и на основании актуализации всего этого пласта он формирует свой ответ¹. Соответственно, когда респондент начинает говорить, для него этот ответ – лишь операциональная форма, практическое отображение его собственных обыденных концепций и теорий, и прозвучавший вопрос является удобным поводом заявить позицию по какой-то очень важной лично для него проблеме. Например, отвечая на вопрос интервьюера об отношении к армии, человек выбирает вариант “негативное”, однако его “программный ответ” выглядит совершенно иначе, что-то вроде “с учетом всего, что я знаю об армии и хочу от жизни, лично я в армии служить не хочу”.

И здесь мы подходим к важной социологической проблеме, имеющей непосредственный вы-

ход на обсуждающиеся методико-методологические темы. Традицию, сформированную работами А. Уайтхеда, У. Джемса, Дж. Дьюи, Э. Гуссерля и А. Бергсона, обобщил Альфред Шютц²: “Все наше знание о мире, как обыденное, так и научное, содержит конструкты, т. е. набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления. Строго говоря, не существует чистых и простых фактов. Все факты изначально отобраны из всеобщего контекста деятельностью нашего разума... Это означает, что мы воспринимаем лишь определенные его аспекты, а именно те, которые релевантны нам как для осуществления наших дел в жизни, так и с точки зрения признанных процедурных правил мышления, называемых научным методом” [Шютц, 2004. С. 8].

Знание каждого человека о мире организовано в понятиях релевантностей – вещей, ситуаций, явлений и даже слов, обладающих для него статусом “объективных” и особо значимых, поскольку они имеют непосредственное отношение к его жизни здесь и сейчас. Наши действия во внешнем мире, отмечал А. Бергсон, определяются интересом, практическим интересом, а это означает, что наш интеллект избирательно относится к тому, что принимать за факт, а что оставлять в статусе “фона”. Этой избирательностью или ограниченностью нашего познания предопределяются те направления, стили мышления, которым мы будем следовать в практическом действии – подобно работе скульптора, который намечает контуры изваяния и тем самым определяет в стоящей перед ним глыбе, что – шлак, а что – порода, что – щепка, а что – материя.

То есть релевантность – это производная от свойств нашего мышления. Она не присуща природе как таковой, а определяется избирательной и интерпретирующей деятельностью человека в природе. Шютц не проводит сущностного различения между структурой научных и обыденных релевантностей³: “Объекты мышления, создан-

¹ Точности ради следует сказать, что в ситуации опроса действует и еще одна, инвариантная к темам исследования, теория – субъективная теория опросов общественного мнения и социологических исследований, побуждающая человека к участию или к отказу, определяющая стилистику поведения и способы формирования ответов на предлагаемые вопросы.

² В русскоязычной литературе встречаются разные варианты написания фамилии автора: Шюц, Шютц и Щютц.

ные социальными учеными, отсылают нас к объектам мышления, созданным здравым смыслом людей, живущих повседневной жизнью среди других людей... Так что используемые социальными учеными конструкты являются, так сказать, конструктами второго порядка, конструктами конструктов, созданными действующими лицами на социальной сцене, чье поведение социальный ученый наблюдает и пытается объяснить в соответствии с процедурными правилами своей науки” [Шюц, 2004. С. 9]. Из приведенного отрывка следует, что у разных людей области релевантности и порядок значимости различаются. Действительно, для одного в связи с вопросом об армии важна собственная биография и профессиональные перспективы в жизни, для другого – безопасность страны или патриотическое воспитание молодежи.

Важность сказанного для нашей темы – вопросник социологического исследования – очевидна. Социолог должен держать в голове множество задач и проблем. Нужно априорно допускать существование у людей множества обыденных теорий относительно темы исследования и предполагать разную их структуру и наличие в них разных доминант – релевантностей. Нужно подбирать такой тезаурус вопросов, чтобы он был не только понятен всем респондентам, но также предоставлял возможность выразить с его помощью субъективно значимые смыслы реакции и оценки. Нужно разработать такую логическую структуру вопроса, чтобы в ней без искажений (стимулированных преувеличений и умолчаний) могли найти свое отображение все возможные позиции и системы смыслов. Вопросник должен, с одной стороны, соотноситься с исследовательской теорией, а с другой – не подменять собой картины мира, существующие (или не существующие) в головах респондентов.

И здесь оказывается важной еще одна идея, сформулированная Шютцем. Различные интерпретации мира, сформированные в сознании людей, имеют характер “естественного воззрения” на социальный мир, то есть считаются их носи-

телями “само-собой-разумеющимися”. Социальный мир, в котором родился человек, во всем его многообразии статусов, смыслов, институтов, фигур и предметов, воспринимается как эмпирическая данность теми, кто в нем живет. Это происходит потому, что все эти представления выдержали испытание временем и действием, они предсказуемы и относительно неизменны, и в повседневной жизни не требуют от человека ни объяснения, ни обоснования, ни специальных исследований [Шютц, 2003. С. 265].

Однако есть и еще одно важное основание естественной установки: каждый человек входит в какую-либо социальную группу, и его представления о социальном мире тесно связаны и с представлениями “его” группы. А потому его собственная картина мира в значительной части оказывается *социально одобренной и санкционированной коллективным опытом*. Опыт, традиции, привычки, планы на жизнь, творчество – это все средства, которыми группа определяет свою идентичность, свою ситуацию в социальном космосе и свои представления о себе как элементе более широкой социальной ситуации. *Мировоззрение и самоинтерпретация любой социальной группы имеют свои специфические структуры релевантностей, которые связаны взаимной поддержкой и взаимным подкреплением со структу-*

Книга Садмена и Брэдберна – это свод правил для тех, кто хочет вести “здоровый образ жизни” в рутине опросного дела

рой релевантностей входящих в нее индивидов. Иные боги говорят об иных добродетелях, иные лидеры – об иных проблемах. “Я ем то, что вижу...” и “я сплю, когда дышу...” – это не одно и то же. Социальная реальность состоит из множества “естественных картин мира” и основана на множестве форм мышления, способов вывода и аргументации. Они непременно сталкиваются между

³ Хотя он прописывает различия между обыденными и научными конструктами как основанные на иной методологии мышления, наблюдения и ввода [Шюц, 2004. С. 34–46; Шютц, 2003. С. 260–273, 284].

собой, и после обнаружения взаимной разницы “разговор между ними не обрывается”.

Одна из форм диалога, один из способов познания иных картин мира и систем релевантностей (помимо образования, политики, газет, книжных публикаций и т. д.) – социальные обследования с их непременным атрибутом: вопроса-ми и процентами. Вот почему Шютц выдвигает

Для решения своей проблемы социолог должен иметь инструмент, позволяющий работать с конструктами, описывающими конструкты здравого смысла и обыденного мышления. Этот инструмент – его методические знания об ошибках памяти и о способах умолчания, об уместности и эффективности лексических приемов, о возможностях и ограничениях социальных измерений в ситуации диалога

главное требование к социальному теоретику: “социальный ученый как теоретик должен использовать систему релевантностей, совершенно отличную от той, которая определяет его поведение как актора на социальной сцене. Научная ситуация, то есть контекст научных проблем, замещает его ситуацию человека, находящегося среди ближних в социальном мире” [Шютц, 2003. С. 284]. Социолог должен понимать, что в любом эмпирическом проекте он будет иметь дело со множеством конструктов здравого смысла, в терминах которых повседневное мышление (как в индивидуальном, так и в групповом измерении) интерпретирует социальный мир. Он не может взять какую-либо одну систему конструктов и искать аналоги или отображения в нее иных мировоз-

зренческих систем. Для решения своей проблемы он должен иметь инструмент, позволяющий работать с конструктами, описывающими конструкты здравого смысла и обыденного мышления, и этот инструмент – отнюдь не опрос и не анкета. Этот инструмент – его методические знания об ошибках памяти и о способах умолчания, об уместности и эффективности лексических приемов, о возможностях и ограничениях социальных измерений в ситуации диалога. Только тогда в собранных им данных откроются “миры, светящиеся смыслом”.

* * *

...С минуту все сидели молча. Алиса пыталась вспомнить то немногое, что она знала про воронов и конторки...

Литература

- Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.
- Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. А. А. Веницкой. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.
- Чесноков С. В. Социальные измерения вопросов и ответов // Социологический журнал. 2002. № 2.
- Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / пер. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Под ред. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
- Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира / Пер. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой // Смысловая структура повседневного мира / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.

И. Климов

Выписки из книги С. Садмена и Н. Брэдберна

“Как правильно задавать вопросы...”

Из главы 1. Форма вопроса в социальном контексте

Постановка проблемы

[Представления о “точности” и “правильности” вопроса культурно обусловлены]

Формулировка вопроса играет исключительно важную роль в обеспечении достоверности данных социального обследования. Значение точной *формулировки вопроса*¹ может быть проиллюстрировано анекдотом. Доминиканец и иезуит спорят о том, грешно ли курить и молиться одновременно. Не сумев прийти к соглашению, они решают посоветоваться со своими наставниками. Вскоре встречаются. “Что же сказал твой наставник?” – спрашивает доминиканец. Иезуит отвечает: “Он сказал, что это допускается”. – “Ничего себе, – удивляется доминиканец, – а мой наставник сказал, что это грешно”. Иезуит: “Что ты у него спросил?” – “Я спросил, допустимо ли курить во время молитвы”. – “А я спросил, – говорит иезуит, – можно ли молиться, когда куришь”.

Опрос как социальный процесс

[Интервью как жанр обыденного разговора]

Многие авторы отмечают сходство между интервью и обычным разговором. В. Бингем и Б. Мур определяют интервью как “целенаправленную беседу”. Похоже, возможность встретиться и говорить с разными людьми – один из самых привлекательных стимулов для интервьюеров. Таким образом основным мотивом респондентов, по всей вероятности, является возможность поговорить на разные темы с приятным слушателем.

[Интервью – разговор с жесткими нормами поведения]

Интервью отличается от обычного разговора несколькими особенностями. Это прежде всего взаимодействие двух людей, связанных особыми нормами поведения: интервьюер не должен высказывать никаких суждений по поводу ответов и обязан обеспечивать их конфиденциальность; респонденты, в свою очередь, должны отвечать на вопросы правдиво и вдумчиво. В обычном разговоре мы можем игнорировать неприятные вопросы, давать двусмысленные,

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2002.

¹ Слова “wording of question”, “wording question” или просто “wording” обозначают не только написание вопроса, но и форму его предъявления. Например, вопрос может быть представлен респонденту на карточках, в виде списка или устно. В зависимости от контекста используются термины “форма” или “формулировка вопроса”. – *Прим. ред.*

не относящиеся к делу ответы или отвечать вопросом на вопрос. При интервьюировании уйти от вопроса подобными способами сложнее. Опытный интервьюер либо повторит вопрос, либо попытается подвести респондента к однозначному и уместному ответу.

[Вопросник – не набор вопросов, а сценарий разговора]

Несомненно, большое значение имеет способность интервьюера добиваться взаимопонимания с респондентом. Кроме того, вопросник как “инициатор” разговора является важнейшим элементом в создании благоприятной атмосферы и стимулировании желания респондента предоставить необходимую информацию. Плохой вопросник, как и неловкая беседа, может превратить исходно благоприятную ситуацию в скучную и разочаровывающую встречу. Помимо стремления сформулировать отдельные вопросы наилучшим образом, вам как составителю вопросника должно быть присуще умение видеть его в целом и оценивать его совокупное влияние на процесс опроса. При включении в вопросник тем, которые могут не заинтересовать респондентов, необходимо быть особенно внимательным к тому, чтобы некоторые разделы интервью были для них интересны и, возможно, могли развлечь.

[Вопросы должны поддерживать намерение респондента участвовать в интервью]

Рассматривая интервью как особый случай социального взаимодействия, можно понять источники ошибок при составлении вопросов. Большинство респондентов добровольно участвуют в исследованиях. Они изначально хотят предоставить наиболее релевантную информацию. Ваша задача – усилить эту тенденцию, создав такой вопросник, который будет поддерживать намерение респондентов отвечать на вопросы. Если предмет обсуждения требует возврата к прошедшим событиям, вопрос должен включать все возможные подсказки, помогающие точно воспроизвести события (Процедуры активизации воспоминаний приведены во второй главе книги – “Нейтральные поведенческие вопросы”. – *Прим. ред.*).

[Респонденты склонны формировать свой позитивный образ]

Если брать в целом, опрашиваемые настроены быть “хорошими респондентами” и предоставлять ту информацию, которую от них ждут. В то же время они хотят выглядеть хорошими людьми. В присутствии интервьюера они будут стремиться показать себя в лучшем виде. В социологическом исследовании очень важной остается проблема предотвращения смещений, вызванных стремлением респондентов давать социально одобряемые ответы. Многие вопросы связаны с желательным или нежелательным поведением. Если респонденты не могут оценить свои действия как социально одобряемые, они оказываются перед дилеммой: им хочется сообщить точные сведения и оставаться хорошими людьми, производить положительное впечатление на интервьюера. Известно несколько приемов, призванных помочь респонденту в разрешении этой дилеммы: обучение интервьюера способам установления взаимопонимания с опрашиваемым; создание располагающих для ответа условий; исключение любой критики, исходящей от интервьюера. Корректное формулирование вопросов также позволяет избежать подобных смещений.

Советы начинающим

[Конструирование вопросника начинается с постановки программных вопросов]

Процесс написания вопросов увлекателен и быстро захватывает его участников. Между составителями вопросов разгорается соревнование, у кого вопросы интеллектуальнее и интереснее. Возникает игра “Разве не здорово узнать?..”, и вскоре оказывается, что вопросов написано намного больше, чем может выдержать бюджет или терпение респондентов. Достаточно часто составители вопросов настолько захвачены процессом их создания, что принимают за сочинение вопросов прежде, чем будут четко сформулированы задачи исследования и осмыслены программные вопросы. Многие вопросники, разработанные неопытными людьми, выглядят так, как если бы исследователи не знали, что им нужно выяснить, до тех пор, пока не увидели, что они спросили.

[Следует различать программные и анкетные вопросы]

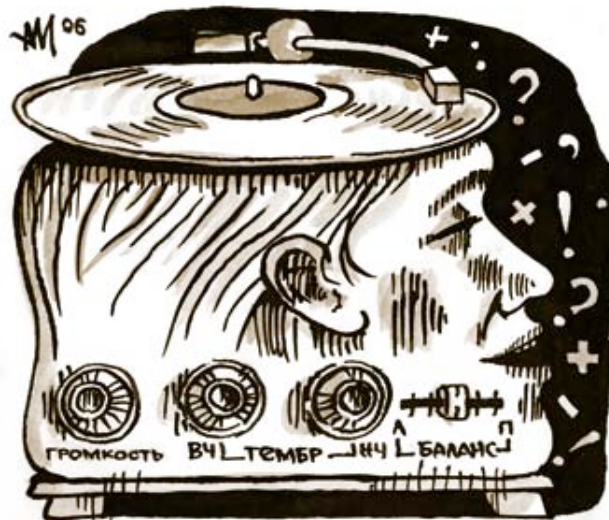
Чтобы разработать хороший вопросник, полезно соблюдать следующие правила.

1. Не торопитесь писать анкетные вопросы, пока вы не продумали программные.
2. Выпишите программные вопросы и держите их перед глазами, когда составляете анкетные вопросы.
3. Каждый раз, записывая очередной вопрос, спрашивайте себя: "Почему я хочу это знать?" Отвечайте таким образом, чтобы это помогло вам ответить на программный вопрос. "Это было бы интересно знать" – ответ неприемлемый.

[Заимствование хороших вопросов – нормальная практика]

Перед формулированием новых вопросов всегда полезно посмотреть, что было написано на ту же тему другими авторами. Однако вопросы, хорошо работавшие в других исследованиях, не могут отразить весь круг проблем, изучаемых в новом социологическом опросе. Большинство проектов содержат как заимствованные из прежних исследований, так и вновь разработанные вопросы. Однако и новые вопросы могут быть лишь адаптированным вариантом уже существующих, использование которых сокращает процесс тестирования и позволяет сравнить результаты нового и ранее проведенного исследований. Если мы изучаем одинаковые группы населения, если схожи условия проведения опроса и нет причин ожидать каких-либо значимых изменений предмета исследования, то использование одинаковых вопросов позволяет оценить надежность собранной информации. Если же исследование проводится в течение длительного времени и изменения весьма вероятны, то благодаря одинаковым вопросам можно проанализировать тренды.

Некоторые социологи, руководствуясь этическими соображениями, считают недопустимым заимствовать вопросы других авторов. Но в социальных науках в целом и в социологических исследованиях в частности не только допустимо, но и целесообразно повторное использование вопросов. Разрешение на это, как правило, получать не нужно, однако не исключено, что вам захочет-

ся пообщаться с автором, чтобы выяснить, какие трудности (которые могли не обсуждаться в публикациях) были связаны с конкретным вопросом. Если вы хотите использовать некоторые разделы опубликованного вопросника, вам потребуется получить разрешение издателя и, возможно, заплатить небольшую сумму.

[Повторение вопросов – нетривиальная задача]

Исследователи все больше убеждаются в том, что повторение вопросов не так тривиально, как может показаться на первый взгляд. Недостаточно лишь скопировать вопрос. Необходимо учитывать условия, при которых задавались конкретные вопросы, так как ответы на некоторые из них зависят от контекста, созданного предыдущими вопросами. Если вы анализируете динамику ответов на вопрос, обращайтесь особое внимание на вопросы, предшествовавшие рассматриваемому. Это замечание относится ко всем исследованиям, которые вы анализируете для построения трендов (о расположении вопросов в анкете читайте в восьмой главе книги).

Как только вы начнете искать примеры анкетных вопросов, то будете приятно удивлены разнообразием источников, из которых можно взять вопросы на любую интересующую вас тему. Материалы публикаций и данные архивов – две основные области для поиска анкетных вопросов. Самостоятельный поиск информации не всегда

приводит к удовлетворительным результатам, поэтому рациональнее обратиться за помощью к библиотекарю или специалисту по поиску информации.

Тщательный библиографический поиск помогает определить программные вопросы. В научные издания по социологии в качестве приложения часто включаются рабочие вопросники. В то же

Некоторые социологи, руководствуясь этическими соображениями, считают недопустимым заимствовать вопросы других авторов. Но в социальных науках в целом и в социологических исследованиях в частности не только допустимо, но и целесообразно повторное использование вопросов

время в журнальных статьях вопросник обычно не приводится из-за ограниченности объема. В этом случае целесообразно обратиться к автору исследования и попросить копию вопросника.

Источники ошибок в ответах

[Валидность вопроса: получаем ли мы ту информацию, которую ждем?]

Одним из критериев качества вопроса является степень соответствия получаемой информации той, что необходима исследователю. Этот критерий называется валидностью. Непосредственное измерение валидности в большинстве случаев затруднительно, а для многих типов вопросов просто невозможно. Есть и вопросы, с которыми сложно соотнести само понятие валидности.

[Следует различать вопросы о фактах и вопросы об установках]

Мы разделяем вопросы на два класса: 1) вопросы о поведении или фактах; 2) вопросы о психологических установках и субъективных мнениях. В поведенческих или фактологических вопросах выясняются характеристики людей или их действия, то есть то, что в принципе может быть проверено

сторонним наблюдателем. Другими словами, эта группа вопросов связана с характеристиками, событиями или действиями, которые являются внешними по отношению к конкретному человеку и могут наблюдаться со стороны. Возможность внешней верификации ответов реализуется далеко не всегда. В некоторых случаях возникает проблема законности или этической допустимости такой верификации, например, когда речь идет о голосовании или сексуальном поведении. Вопросы относительно установок, мнений и отношений нельзя верифицировать в принципе, так как психологические состояния присутствуют только в сознании опрашиваемых и доступны (если это в принципе возможно) только самим респондентам. Для поведенческих актов валидность определяется интуитивно, посредством согласования мнений экспертов, наблюдающих одни и те же факты. Для установок респондентов такое определение валидности проблематично. Является ли суждение валидным, когда респондент говорит о себе в минуты откровения либо когда общается с близкими друзьями? Или мы вправе говорить о валидности только при появлении возможности сопоставить его высказывания с поведением? Ответ лежит в большей степени в теоретическом обосновании, чем в достигнутом согласии.

[“Эффект ответа” – неточности и отклонения в ответах, вызванные самой процедурой интервью]

Даже если нет отчетливого представления о критерии валидности для вопросов об установках, вполне очевидно, что на вопросы, заданные разными способами, могут последовать различные ответы. Кроме того, вопросы об одних установках более подвержены влиянию формулировки, чем о других. Мы не знаем, почему так происходит. В настоящее время мы можем только сказать, что некоторые мнения более чувствительны к способу их измерения, нежели другие. Ранее мы использовали понятие “эффект ответа”, которое включает в себя компоненты смещения и вариативности. Смещение понимается как отклонение от истинной величины. Вариативность – как чувствительность измерений к различным формулировкам вопроса.

[Ненамеренные смещения в ответах]

Для понимания эффекта ответа рассмотрим типичный вопрос о поведении: «Каким был ваш общий семейный доход из всех источников в прошлом году?» (или можно уточнить год и спросить, например, о прошлом годе). Мы понимаем, что существует правильный ответ на этот вопрос, хотя можем его никогда и не узнать (поскольку даже сумма подоходного налога, предполагающая знание о всех источниках доходов, содержит собственные источники ошибок). Мы можем получить ошибочный ответ, потому что респондент просто забыл о некоторой сумме доходов из небольших или непостоянных источников (таких, как дивиденды от акций или проценты от вкладов). Или респондент мог отнести полученный доход к другому периоду времени. Неверное отнесение событий к определенному периоду называется временным сдвигом, который может быть прямым или обратным. При прямом сдвиге респондент включает события предшествующего периода в тот, о котором его спрашивают. При обратном сдвиге респондент относит текущие события к предшествующему периоду. Прямой сдвиг приводит к преувеличению числа событий, а обратный – к их преуменьшению. Оба типа временных сдвигов могут возникать в опросе с одинаковой частотой, что приводит к их взаимному погашению. Однако методические исследования показывают: прямой сдвиг наблюдается чаще, что приводит к увеличению числа фиксируемых в большинстве опросов событий.

[Намеренные смещения в ответах]

Третьим источником ошибки может быть намеренное или мотивированное нежелание респондента сообщать о скрытом доходе, например о нелегальном доходе или доходе, не включенном в налоговую декларацию. Четвертая категория ошибок включает сознательное искажение величины дохода, вызванное желанием отвечающего произвести впечатление на интервьюера. Обычно этот тип ошибок сводится к искусственному завышению доходов, хотя в некоторых случаях респонденты, особенно имеющие высокий уровень дохода, могут и снижать фактическую сумму. Пятый источник ошибок связан с непониманием респон-

дентом смысла анкетного вопроса. Например, респондент может не сообщить о доходе, полученном в форме подарка, хотя интервьюер подразумевал, что этот вид дохода включен в ответ. В конце концов, респондент может просто не знать о некоторых доходах, полученных другими членами семьи, но о которых ему следовало сообщить.

[Четыре источника смещений в ответах]

Обобщая все перечисленные типы ошибок, можно выделить четыре фактора, определяющих эти ошибки: память, мотивация, коммуникабельность и знание. Это означает, что: 1) респонденты могут забыть как информацию, так и период, к которому она относится; 2) они могут быть заинтересованы в сокрытии правды из опасения последствий или из-за желания представить себя в более выгодном свете; 3) респонденты могут не понимать, о чем их спрашивают, и давать ответ в рамках собственного представления; и, наконец, 4) они могут просто не знать ответа на вопрос, но дать его, не говоря о своем незнании. Все эти факторы требуют более детального рассмотрения.

Из главы 3. Поведенческие вопросы, вызывающие опасения респондента

[Сенситивные вопросы – вопросы, способные вызвать опасения респондента]

Давно установлено, что особого внимания требует составление вопросов, вызывающих опасения респондентов. Бартон в занимательной форме приводит множество приемов, использовавшихся в 50-х годах.

Величайшая находчивость должна быть проявлена лицом, проводящим опрос, чтобы придумать, как задать смущающий респондента вопрос в корректной форме. Ниже мы приводим несколько примеров того, как можно переформулировать вопрос: «Вы убили свою жену?»

Несерьезная форма вопроса:

«Вы случайно не убили свою жену?»

Карточка с вариантами ответов:

«Укажите, пожалуйста, номер варианта на этой карточке, который соответствует тому, что

произошло с Вашей женой". (Дайте респонденту карточку с вариантами ответа.)

1. Естественная смерть.
2. Я ее убил.
3. Другое (что?)

(Заберите карточку до начала судебного следствия!)

Тип вопроса "как и все":

"Вы знаете, в наши дни многие убивают своих жен. А Вы случайно не убили свою жену?"

Вопрос "о других":

А) "Вы знаете таких людей, которые убили своих жен?"

Б) "Вы не относитесь к их числу?"

Метод "запечатанного бюллетеня"

Согласно этой методике, интервьюер сообщает опрашиваемому, что тот имеет полное право на анонимность, и предлагает ему самому заполнить вопросный лист, запечатать в конверт и опустить его в коробку, на которой на видном месте написано: "Коробка для бюллетеней, опечатано".

Метод Кинсея

Внимательно посмотрите в глаза опрашиваемому и задайте ему вопрос тем простым языком, к которому он привык в повседневной жизни. Нужно сделать вид, что не случилось ничего из ряда вон выходящего. "Вы никогда не убивали жену?" – этот вопрос нужно задавать в конце интервью.

Многие приемы, описанные Бартоном, могут использоваться и сейчас. За последнее время разработаны и новые, еще более эффективные мето-

ды корректного формулирования вопросов. Конечно, существуют вопросы, которые не могут не беспокоить респондента, в какой бы форме они ни задавались. Одна из самых болезненных тем – обсуждение семейного дохода. (Более приемлемый способ задавать такие вопросы подробно обсуждается в главе, которая посвящена демографическим характеристикам респондентов.)

[Некоторые рекомендации по составлению сенситивных вопросов]

1. Для получения информации о том, как часто респондент совершает социально нежелательные поступки, предпочтительней задавать открытые вопросы.

2. Вопросы, затрагивающие щекотливые темы, должны быть достаточно длинными.

3. Желательно разговаривать с респондентом на простом языке, к которому он привык в повседневной жизни.

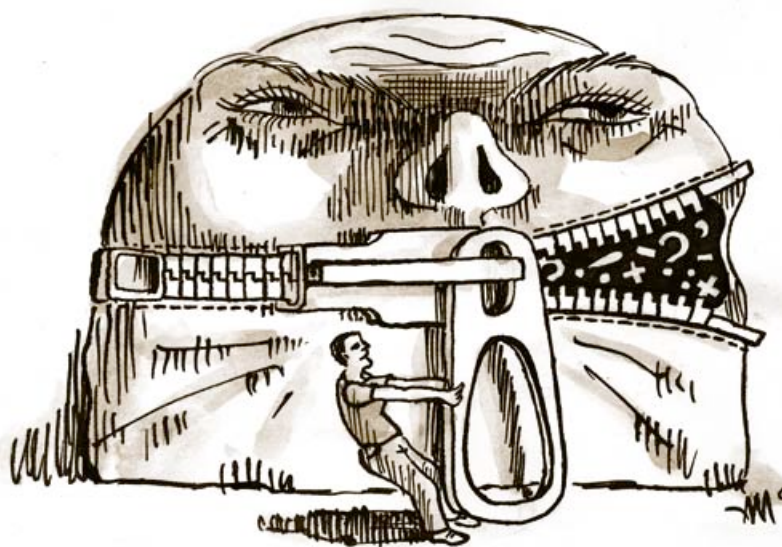
4. Чтобы узнать о традиционно осуждаемых поступках респондента, желательно получить дополнительную информацию от других людей.

5. Тщательно продумайте, как формулировать вопросы, чтобы уменьшить последствия от преувеличения респондентом социально одобряемого поведения и преуменьшения социально неодобряемого поведения. Пытаясь спровоцировать респондента на разговор о социально неодобряемом поведении, не злоупотребляйте такими выражениями, как "Не приходилось ли Вам?.." Это может только усилить чувство опасения.

6. При обсуждении социально неодобряемого поведения лучше не задавать вопросов о положении дел в настоящий момент, а выяснить, приходилось ли респонденту когда-либо вести себя подобным образом. В то же время, изучая социально одобряемое поведение, желательно спрашивать о настоящем времени, а не задавать общие вопросы.

7. Присутствие в анкете вопросов, вызывающих опасения различной силы, снижает для респондента значимость обсуждаемой темы.

8. Подумайте о возможных альтернативах стандартной форме вопроса (процедура рандомизированного ответа, сортировка карточек, запечатанные конверты).

9. Повысить надежность и достоверность полученной информации может использование дневников или проведение панельного исследования.

10. Не следует в одном и том же вопроснике несколько раз проверять достоверность полученной от респондента информации, так как это будет вызывать у него раздражение.

11. В конце интервью можно спросить у респондента, насколько неприятны были для него заданные вопросы.

12. Старайтесь обосновывать задаваемые вопросы хотя бы в общих чертах.

[Полезно выявлять вопросы, вызвавшие опасения респондентов]

В конце интервью очень полезно определить, какие вопросы вызвали опасение респондента или были недостаточно понятны. С этой целью мы задавали респондентам вопросы, примеры которых можно найти ниже. Особенно важен вопрос 4: «Думаете ли Вы, что эти вопросы могут вызвать у большинства людей серьезные затруднения, небольшие затруднения, совсем небольшие затруднения или совсем не вызовут затруднений?» Следует отметить, что респонденту легче дать общую характеристику заданных ему вопросов, чем говорить о собственных затруднениях во время интервью.

Таким образом, можно не только определить, какие из вопросов вызвали наибольшее опасение, но и оценить, насколько правдиво отвечали респонденты. Если респондент говорит, что какой-то вопрос вызывает у большинства людей серьезные затруднения, скорее всего он сам на него ответил не вполне корректно.

Подведение итогов: оценка вопросов респондентами.

1. Теперь, когда мы почти закончили это интервью, я бы хотел узнать Ваше мнение о нем. Насколько приятным было для Вас участие в интервью?

2. Какие вопросы показались неясными или непонятными?

3. Какие вопросы показались Вам слишком личными?

4. (Дайте респонденту карточку.) Иногда вопросы по-разному воспринимаются людьми. Нам бы хотелось знать Ваше мнение по поводу некото-

рых вопросов этого интервью. Я буду называть различные категории вопросов, а Вы скажите, могут ли они вызвать у большинства людей серьезные затруднения, средние затруднения, небольшие затруднения или совсем не вызовут затруднений. Как Вы оцениваете следующие вопросы.

- А. Досуг и обычное времяпрепровождение.
- Б. Занятия спортом.
- В. Счастье и благополучие.
- Г. Азартные игры с друзьями.
- Д. Социальная деятельность.
- Е. Употребление пива, вина или крепких алкогольных напитков.
- Ж. Состояние алкогольного опьянения.
- З. Употребление марихуаны или гашиша.
- И. Употребление стимуляторов или антидепрессантов.
- К. Любовные ласки и поцелуи.
- Л. Секс.
- М. Мастурбация.
- Н. Работа.
- О. Образование.
- П. Доходы.
- Р. Как насчет использования диктофона?

Методы, позволяющие повысить достоверность результатов опроса

[Ответы на чувствительные вопросы чувствительны к форме, конструкции вопроса]

Открытые вопросы. Чаще всего исследователи предпочитают задавать закрытые вопросы, так как они легче поддаются кодированию и компьютерной обработке. Однако открытые вопросы, связанные с частотой событий, не должны вызывать трудностей с кодированием. Когда у респондента спрашивают, как часто он пьет пиво, ответы могут быть следующие: «каждый день», «несколько раз в неделю», «раз в неделю», «раз в месяц» и т. д. Все эти варианты легко конвертируются в число дней за месяц или год.

[Открытые вопросы не подсказывают «правильные» и «неправильные» ответы]

В данном случае может быть непонятно, почему открытый вопрос предпочтительнее закры-

того, в котором все варианты ответа отражены на карточке. Одна из причин – логическая упорядоченность всех вариантов. Например, ответ “каждый день” может находиться в самом начале или в конце предложенного списка. Обычно, отвечая на вопросы любого типа (об установках, поведении или на знание событий), люди предпочитают не выбирать “крайние” ответы, и те, кто на самом деле пьет пиво каждый день, могут ответить: “несколько раз в неделю”, не желая выделяться.

Кроме того, открытый вопрос допускает формы ответа, которые выходят за рамки стандартных и не могут быть представлены в закрытом вопросе. Так, самые “крайние” ответы в закрытом вопросе все же должны быть достаточно распространенными. Если же хвост распределения слишком длинный, то значительная категория заядлых любителей пива просто не будет учтена.

[Преамбулами к вопросам можно снимать опасения людей и уменьшать склонность к “социально одобряемым” ответам]

Длинные вопросы. Достоинства и недостатки длинных вопросов о поведении респондента уже рассматривались во второй главе. Когда задаются вопросы о случаях социально неодобряемого поведения, преувеличения в ответах не являются проблемой, поэтому длинные вопросы вполне приемлемы. Более того, они способствуют уменьшению тенденции предоставления неполной информации. Вопрос об употреблении вина может начинаться с утверждения о популярности вин в целом, а также перечисления примеров их употребления. Если же задается вопрос о сексуальном поведении, то перечисление всех возможных ситуаций, в которых люди занимаются сексом, представляется неуместным.

Длинные вопросы приводили к увеличению доли тех, кто признавал за собой неодобряемое поведение, примерно на 25–30% по сравнению с короткими стандартными вопросами. В то же время они не повлияли на желание респондентов больше рассказывать об употреблении ими спиртных напитков или алкогольном опьянении.

[Формальный и разговорный язык в формулировках сенситивных вопросов]

Использование знакомых слов. Традиционные методы проведения социологических опросов иногда критикуют за использование стандартных терминов, которые делают общение в процессе интервью неестественным. В повседневной жизни при обсуждении социально нежелательного поведения люди обычно употребляют сленг и бытовые выражения. С другой стороны, изменение формулировки вопроса для каждого респондента приводит к трудно учитываемым вариациям в ответах. Промежуточным решением может быть предложение респонденту (именно респонденту, а не интервьюеру) самому выбрать, какие термины употреблять. Например, такие слова, как “секс” или “мастурбация”, могут показаться слишком формальными. Большинство людей предпочитают использовать выражения “любить”, “заниматься любовью”, вместо “вступать в половую связь”. Некоторые выбирают более прямые выражения. В этом случае во всех вопросах на указанную тему интервьюер будет употреблять термин, предложенный респондентом. Вопрос о сексе будет звучать следующим образом: “Люди сильно отличаются друг от друга тем, как часто они занимаются любовью. Одни – раз в месяц и даже реже, другие каждый день, а иногда и по несколько раз в день. В среднем как часто Вы занимались любовью в течение последнего месяца?”

[Проблема тезауруса ключевых слов в формулировках: не все синонимы эквивалентны]

Если сравнивать с результатами опроса, полученными от использования стандартных формулировок, то включение в вопрос привычных для респондента слов привело к увеличению доли признавших нежелательное поведение примерно на 15%. Иногда респонденты не могут ответить на вопрос о том, какое слово им было бы удобней использовать, или отвечают совсем неадекватно. Так, один респондент назвал крепкие алкогольные напитки ядом. В таких случаях у интервьюера всегда должен быть какой-то запасной вариант. Обычно это стандартные выражения, такие, как “крепкие алкогольные напитки” или “половой акт”.

При обсуждении нейтрального или социально одобряемого поведения прибегать к описанной процедуре не имеет смысла, так как при этом отсутствуют факторы, которые могли бы компенсировать увеличение комплексности вопроса. Кроме того, использование этого метода усложняет работу интервьюера. В заключение можно отметить, что появились программные средства, например, система автоматизированного телефонного интервьюирования (САТИ), благодаря которой каждое слово, вводимое интервьюером, автоматически копируется во всех вопросах указанной группы.

[Ответы информантов могут оказаться надежнее личных ответов]

Привлечение информантов. В предыдущей главе мы говорили как о достоинствах использования информантов, так и о возможной неточности получаемой от них информации. Когда темой интервью становится социально неодобряемое поведение, данные информантов могут оказаться надежнее личных ответов. Конечно, необходимо спрашивать о темах, на которые информант может знать ответ из разговоров или личных наблюдений, например о голосовании, чтении книг, употреблении алкогольных напитков или наркотиков.

Информантам могут быть заданы вопросы как о членах их семьи, так и о друзьях или родственниках. При этом респондент будет с меньшим опасением отвечать на вопросы о поведении других людей, чем говорить о самом себе. Исключением из этого правила являются родители, которых спрашивают о собственных детях. Родители могут предоставить более искаженную информацию, чем их дети.

[Сенситивные вопросы нуждаются в обосновании допустимости, нормальности и желательности “социально неодобряемого” ответа]

Осознанное утяжеление вопроса. Уже не раз было замечено, что изменение формулировки вопросов об установках приводит к смещениям в распределении ответов (см. главу 1). Некоторые исследователи попытались улучшить качество ответов на “скользкие” темы посредством осознан-

ного утяжеления вопросов таким образом, чтобы снизить вероятность получения положительных ответов о социально одобряемом поведении и увеличить – о социально неодобряемом. Для последнего типа поведения использовались следующие приемы утяжеления вопроса.

Длинные вопросы приводили к увеличению доли тех, кто признавал за собой неодобряемое поведение, примерно на 25–30% по сравнению с короткими стандартными вопросами

1. Так поступает каждый. Утверждение, что все люди часто ведут себя не самым желательным образом, уменьшает опасения респондента. Например: “Даже самые спокойные родители иногда сердятся на своих детей. Сделали ли Ваши дети за последние семь дней с ... (указывается дата) что-нибудь, заставившее Вас рассердиться?” Другой вариант этого приема: “Самый популярный алкогольный напиток в нашей стране – пиво или эль”.

2. Изначальное предположение о поведении, вопросы задаются о частоте или других деталях. Обычно при проведении опросов не принято предполагать, что человек ведет себя определенным образом, не выяснив, так ли это на самом деле. Игнорирование данного правила приводит к преувеличению в ответах. Если же величина положительных ответов изначально занижена, то прием может оказаться эффективным. Например, в формулировке вопроса: “Сколько сигарет Вы обычно выкуриваете за день?” заложено предположение, что респондент курит (при этом остается возможным ответ “ни одной”). Этот метод мог быть использован и в вопросах об алкогольных напитках. Тогда вопросы о том, употреблял ли респондент алкогольные напитки за последний год или когда-либо в жизни, были бы пропущены.

Недостатком подобных вопросов является то, что респондент, которому вообще такое поведение не свойственно, может почувствовать себя дискомфортно, и это приведет к снижению качества коммуникации между ним и интервьюером.

В вопросах на финансовые темы целесообразно предполагать наличие у респондента иму-

щества или других активов и уточнять лишь детали. Так, вместо вопроса: “Имеете ли Вы или кто-нибудь в семье средства на депозитном счете?” вы спросите: “Вернемся к вопросу о депозитных счетах – это могут быть счета в банках, ссудо-сберегательных ассоциациях, кредитных союзах. Имеет ли каждый член Вашей семьи свой отдельный счет или все деньги записаны на кого-то одного? На чье имя записаны все Ваши счета? Где?”

3. Ссылка на авторитет для обоснования поведения. Респонденты обычно более благосклонно относятся к некоему утверждению, если оно принадлежит уважаемому человеку. В качестве примера можно привести первую фразу вопроса об употреблении вина: “Сейчас многие доктора придерживаются мнения, что вино снижает вероятность сердечных приступов и улучшает пищеварение”. Скорее всего, в таком контексте лучше ссылаться именно на группы профессионалов (докторов, ученых, исследователей), но не называть конкретные имена. Респондент может не знать этих людей или не испытывать к ним уважения.

[Приемы для изучения социально неодобряемого поведения не должны использоваться для изучения нейтрального или социально одобряемого поведения]

Обратим внимание на то, что все приведенные выше приемы направлены на изучение социально неодобряемого поведения и не должны быть использованы в исследованиях нейтрального или социально одобряемого поведения. Аналогич-

ным образом приемы для социально одобряемого поведения не должны использоваться для социально неодобряемого.

4. Ненавязчивая форма вопроса. Использование фразы: “Не приходилось ли Вам...” помогает респонденту не относиться слишком серьезно к обсуждаемой теме. Тем самым можно снизить преувеличения при разговоре о социально одобряемом поведении. Однако этот прием не улучшает результаты опросов о социально неодобряемом поведении респондентов. Это наглядно иллюстрирует вопрос об огнестрельном оружии: люди не могут совершенно случайно иметь оружие, курить марихуану или убивать жен. Слова “не приходилось” или “случайно” в данном контексте звучат странно и неестественно, они могут даже усилить опасения респондента. С другой стороны, когда речь идет о чтении книг или посещении концертов, ненавязчивая форма вопроса: “Не приходилось ли Вам ходить в этом месяце на концерты?” звучит вполне нормально.

5. Уважительные причины. Если в формулировке вопроса содержится уважительная причина, объясняющая, почему опрашиваемый вел себя не самым желательным образом (не голосовал, не пользовался ремнем безопасности), вероятность получить правдивый ответ заметно увеличивается. Так, у респондента можно спросить: “Не случилось ли так, что какие-либо обстоятельства помешали Вам принять участие в голосовании, или Вы все-таки проголосовали?” В еще более явной форме причину нежелательного поведения респондента можно найти в вопросе об использовании ремней безопасности: “Многие водители говорят, что ремни безопасности очень неудобны, с ними трудно дотянуться до переключателей фар или стеклоочистителей. Если вспомнить последний раз, когда Вы находились в машине, были ли Вы пристегнуты ремнями безопасности?”

Такая практика формулирования вопросов представляется нам довольно полезной, но на данный момент подтверждающие это эксперименты еще не проводились. Различные исследовательские организации используют описанный метод при проведении опросов, однако выводов о его эффективности мы сделать не можем.

[Вопросы о прошлом вызывают меньше опасений, чем вопросы о сегодняшнем поведении, мнении, оценке]

Выбор временных рамок. Вопрос о событиях прошлого вызывает меньшие опасения респондента, чем вопрос о его поведении в настоящее время. При обсуждении социально нежелательного поведения лучше начать вопрос словами: «Вы когда-нибудь...», вместо того чтобы спросить, как ведет себя респондент в настоящее время. (Обратите внимание на вопросы об употреблении пива, вина и крепких алкогольных напитков.) Другим примером послужат вопросы о различных формах нарушения закона: «Приходилось ли Вам когда-либо прогуливать занятия в школе, скрывая это от родителей?», «Приходилось ли Вам хотя бы раз в жизни выносить что-нибудь из магазина, не заплатив?» Альтернативная тактика проведения опросов – пропустить все вопросы о прошлом и сразу приступить к вопросам о настоящем поведении респондента. Такая тактика может быть использована при разговоре о спиртных напитках, однако задавать подобные вопросы о несоблюдении правил и законов нам кажется довольно неуместным (конечно, если респондент не находится в тюрьме).

Задав вопрос: «Не приходилось ли Вам когда-либо...», интервьюер затем переходит к следующему вопросу, в котором определяет некоторый промежуток времени (например, прошлый год). Как было отмечено в предыдущей главе, респонденту трудно вспомнить подробности события, которое произошло слишком давно, конечно, если оно не было очень значимым в его жизни.

[Роль вопросов «в последний раз...» при обращении к сенситивной тематике]

Для социально желательного поведения должна быть использована диаметрально противоположная тактика. Респонденты могут бояться сообщить, что они никогда не использовали ремней безопасности или никогда не читали книг. В таких случаях удачной представляется формулировка Гэллапа: «Если вспомнить последний раз, когда Вы находились в машине, Вы использовали ремни безопасности?» – вместо того чтобы спросить: «Вы использовали когда-нибудь ремни безопасности?» В тех случаях, когда предметом иссле-

дования являются не самые регулярные действия респондентов, необходимо ограничить вопрос фиксированными временными рамками. Так, вместо вопроса: «Были ли Вы когда-нибудь в театре или на концерте?» предпочтительно спросить: «Не приходилось ли Вам за последний месяц ходить в театр или на концерт?»

[Интервью не следует начинать с «опасных» вопросов]

Поиск подходящего контекста. Опасения, которые может вызвать вопрос, во многом определяются контекстом. Так, хороший способ заставить респондента ответить на интересующий вас вопрос – предварительно обсудить с ним темы, которые вызывают у него еще большие опасения, чем тема вашего опроса. Однако для использования этой процедуры существуют некоторые ограничения. Если вопрос, вызывающий опасения, стоит в начале анкеты, то вероятность преуменьшений в ответах на него возрастает. Предположим, вас интересует только тема употребления пива. Тогда, если бы вы предварительно задали вопрос об употреблении крепких спиртных напитков и только потом – о пиве, опасения респондента были бы значительно ниже. Если вам нужно получить информацию о кражах в магазинах, задавайте вопросы в следующем порядке:

Совершали ли Вы хотя бы раз в жизни следующее.

Вооруженное ограбление?	Да	Нет
Врывались ли в дом, магазин или здание?	Да	Нет
Брали ли машину без разрешения ее владельца?	Да	Нет
Выносили ли что-либо из магазина, не заплатив?	Да	Нет

[Помещайте «опасные» вопросы в более широкий тематический контекст]

Восприятие отдельного вопроса очень сильно зависит от контекста. Так, анкета, посвященная теме алкоголизма, вызывает большие опасения респондентов, чем анкета о потребительских расходах. Следовательно, респонденты положительно ответят на вопрос об употреблении алкогольных напитков с большей вероятностью, если он будет

включен в более широкую тему, посвященную потребительским расходам или образу жизни.

Всегда трудно решить, нужно ли использовать дополнительные вопросы, которые направлены на снижение опасений респондента, но не имеют отношения к теме интервью. Ведь это приво-

Восприятие отдельного вопроса сильно зависит от контекста. Так, анкета, посвященная теме алкоголизма, вызывает большие опасения респондентов, чем анкета о потребительских расходах. Следовательно, респонденты положительно ответят на вопрос об употреблении алкогольных напитков с большей вероятностью, если он будет включен в более широкую тему, посвященную потребительским расходам или образу жизни

дит к удлинению анкеты и удорожанию исследования. Однако мы предполагаем, что взвешенное использование данного метода может существенно увеличить качество данных без значительного роста затрат. Опытный исследователь, столкнувшись с необходимостью использования дополнительных вопросов, выберет их таким образом, чтобы данные вопросы обогатили исследование, если даже в отдельности они не представляют интереса.

[Техники, не требующие личного интервью, обладают достоинствами – в одном и недостатками – в чем-то другом]

Использование методов, не требующих проведения интервью. Ниже приводится несколько методов, которые выходят за рамки стандартного опроса. Основная цель использования этих методов – снижение опасений, возникающих у респондентов (в некоторых случаях, когда вопросы особенно беспокоят респондента, невозможно исключить получение ложной информации). Методы основаны на следующем принципе: если респондент почувствует, что ему гарантирована полная анонимность, он с большей вероятностью ответит на предложенные ему вопросы.

Прежде всего это самостоятельное заполнение анкеты, которая может быть получена респондентом по почте, при групповом или обычном интервьюировании. В наибольшей степени анонимность обеспечивается при проведении большого группового интервью, так как в таких условиях невозможно определить, кому принадлежал каждый из ответов. Групповые исследования проводят в школах, колледжах, на собраниях различных организаций.

Другая процедура, обеспечивающая высокую степень анонимности, – опросы по почте. Респонденты не видят исследователя, однако некоторые из них предполагают, что их ответы могут быть опознаны (даже если анкета полностью анонимна).

И, наконец, даже в процессе личного контакта с респондентом интервьюер может создать иллюзию анонимности, предоставив респонденту возможность самому заполнить анкету и запечатать ее в конверт, чтобы интервьюер не видел его ответов. Безусловно, у респондента может возникнуть подозрение, что при вскрытии конверта его личность будет установлена.

[При личном интервью респонденты склонны приукрасить истинное положение дел]

Есть основания предполагать, что описанные процедуры обеспечения анонимности более эффективны при проведении опросов о социально одобряемом поведении респондентов. При личном контакте с интервьюером у респондента нередко возникает желание приукрасить истинное положение дел (сообщить о своем участии в голосовании или благотворительных акциях, о посещении культурных мероприятий). При заполнении анонимной анкеты респондент с большей вероятностью честно ответит на заданные ему вопросы. Изначально предполагалось использовать практику анонимных опросов для того, чтобы получить информацию о социально неодобряемом поведении респондента. Но после того как были произведены оценки результатов, исследователи пришли к выводу о невысокой эффективности применения этой процедуры. Даже в отсутствие интервьюера некоторые респонденты предпочитают не сообщать о себе негативную информа-

цию. Один из доводов в пользу использования метода анонимного анкетирования – случай, когда респондент не видит ничего постыдного в своих поступках или убеждениях, но сомневается, стоит ли о них сообщать интервьюеру, не зная его точку зрения по этому поводу. Например, отношение к методам контрацепции и аборту во многом зависит от религиозных убеждений. Поэтому респондент может без опасений отвечать на все вопросы анонимной анкеты, но сомневаться, стоит ли обсуждать эту тему с интервьюером.

Групповые интервью на практике проводились очень редко, а их результаты никогда не сравнивались с валидными данными или результатами, полученными с помощью других методов. Мы предполагаем, что групповые интервью – одна из самых эффективных форм анонимных опросов, однако исследований, подтверждающих нашу гипотезу, пока не было.

[Игровые техники получения ответа: сортировка карточек]

Следующий метод – *сортировка карточек* – использовался в Великобритании при исследовании преступности и правонарушений среди несовершеннолетних. Вначале интервьюер раздает карточки с примерами различных видов поведения, часть которых может вызвать опасения респондента. Он просит опрашиваемых положить каждую карточку в коробочку с надписью “Да” или в коробочку с надписью “Нет”. В ходе интервью интервьюер может предложить респонденту подумать об ответах из коробочки с надписью “Нет” и, если необходимо, переложить карточки. Иногда респондентам легче признать факт своего нежелательного поведения (или опровергнуть предположение о социально желательном поведении), если он дает ответ в невербальной форме. Насколько нам известно, исследование эффективно такой процедуры и ее сравнение с альтернативными методами еще не проводилось.

[Техника “случайного вопроса”]

И, наконец, существует *метод рандомизированных ответов*. Основная цель процедуры, которую, пожалуй, правильнее было бы назвать методом рандомизированных вопросов, – гарантировать

респонденту полную анонимность таким образом, чтобы ни интервьюер, ни исследователь не могли узнать, на какой из вопросов отвечает респондент. Интервьюер задает два вопроса – один из них может вызвать опасения респондента, а другой – совершенно безобидный. Например: “За последние 12 месяцев были ли Вы оштрафованы полицейским за нахождение за рулем в нетрезвом виде?” и “Вы родились в сентябре?” На каждый из вопросов можно ответить “Да” или “Нет”. Вопрос, на который должен ответить респондент, определяется случайным образом. В нашем исследовании была использована пластмассовая коробочка, внутри которой находилось 50 шариков – 70% красных и 30% синих. Коробочка устроена так, что при встряхивании один из шариков попадает в специальное “окошко”. Цвет шарика не виден постороннему наблюдателю (интервьюеру).

Рассмотрим, как работает описанная процедура. Предположим, из выборки в 1000 респондентов 200 человек дали ответ “Да” и 800 – “Нет”. По теории вероятностей число людей, ответивших “Да” на вопрос о месяце их дня рождения, приблизительно равно 25 ($1000 \times 0,3/12$ – если предположить, что дни рождения равномерно распределены между 12 месяцами и три десятых всех респондентов увидят синий шарик). Таким образом, число ответивших “Да” на вопрос о нахождении за рулем в нетрезвом виде должно составлять приблизительно 175 ($200 - 25$). Всего на этот вопрос должны были отвечать примерно 700 респондентов ($1000 \times 0,7$). Получается, что число опрошенных, признавших, что они были оштрафованы за нахождение за рулем в нетрезвом виде, приблизительно равно 25% ($175/700$).

Используя метод рандомизированных ответов, вы можете оценить социально неодобряемое поведение группы, гарантируя респондентам полную анонимность. С другой стороны, вам не удастся сопоставить индивидуальные характеристики респондентов с типом их поведения, так как невозможно использовать стандартные регрессионные процедуры на индивидуальном уровне. При наличии очень большой выборки некоторые групповые характеристики могут быть соотнесены с оценками, полученными методом рандомизированных ответов. Например,

сравниваются все ответы молодых женщин с ответами мужчин или с ответами людей старшего возраста. Таким образом, при использовании метода рандомизированных ответов невозможно избежать значительной потери информации.

Точность полученных данных во многом зависит от готовности респондентов точно следовать всем инструкциям и правдиво отвечать на вопросы взамен на гарантии анонимности. К сожалению, в тех случаях, когда вопросы вызывают слишком сильные опасения (например, нахождение за рулем в состоянии алкогольного опьянения), метод рандомизированных ответов позволяет лишь незначительно улучшить результаты опроса. Согласно нашим исследованиям, приблизительно 35% опрошенных, про которых было известно, что они оштрафованы за управление автомобилем в нетрезвом виде, не признались в этом даже при условии полной анонимности.

Метод рандомизированных ответов не предназначен для проведения опросов о социально одобряемом поведении респондентов, так как применение этой процедуры может еще больше исказить полученные результаты. Лучше всего использовать этот метод в тех случаях, когда респонденты не считают свое поведение заслуживающим порицания (темы абортов или банкротства), но не знают, как к этому отнесется интервьюер. В таких случаях улучшение качества ответов компенсирует уменьшение объема выборки.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос, как влияет это нарушение стандартного хода интервью на респондента. Не пропадает ли у него желание отвечать на оставшиеся вопросы? Все наши опыты подобных исследований свидетельствуют об обратном. Как интервьюер, так и респондент получают удовольствие от таких действий, как встряхивание коробочки или сортировка карточек. По свидетельству интервьюеров, разнообразие заданий вызывает у респондентов желание более активно участвовать в опросе.

[Дневниковые и панельные исследования основаны на эффекте привыкания к сенситивной тематике]

Использование дневников и проведение панельных исследований. Во второй главе мы обсуждали

использование дневников или записей, напоминающих о некоторых плохо запоминающихся рутинных событиях. Применение дневников и панельных исследований позволяет значительно уменьшить опасения респондента.

Во-первых, при повторном обсуждении любое событие становится более привычным. Люди, которые сначала сомневаются, стоит ли им говорить о покупке пива или контрацептивов, с течением времени перестают этого стесняться.

Во-вторых, постепенно у респондентов возникает доверие к исследователю. С течением времени им становится очевидно, что цель проводимого исследования состоит в получении обобщенных данных, а не индивидуальной информации. Многократно отмечалось, что после проведения двух или трех опросов респонденты чувствуют себя более спокойно и уверенно. Подобная тенденция – подарок для исследователя, ведь в противном случае сравнение данных в панельном исследовании стало бы невозможным из-за воздействия эффектов ответа.

Наконец, использование дневников позволяет включить вызывающие опасения темы в рамки более общих проблем и тем самым снизить уровень беспокойства респондентов. Например, респонденты, которые вели дневниковые записи о расходах на поддержание здоровья, указали большие затраты на приобретение контрацептивов, чем респонденты, участвовавшие в нескольких повторных интервью. В данном случае использование дневников приводит к тому же эффекту, что и анонимная форма опроса или метод рандомизированных ответов.

[Повторные вопросы и “эффект проверки”]

Делайте только допустимые проверки. Альфред Кинсей в своих неструктурированных опросах по теме сексуального поведения часто задавал один и тот же вопрос несколько раз. Он предполагал, что в ходе интервью респонденты могут утвердительно ответить на некоторый вопрос, даже если первоначально они не хотели этого делать. Несмотря на то, что такой метод иногда помогает получить дополнительную информацию о социально неодобряемом поведении, мы не рекомендуем его использовать. Чаще всего респон-

денты начинают возмущаться, когда им задают вопрос дважды. Обычный ответ в таких случаях: «Я вам уже говорил». С точки зрения респондента, повторение вопроса может означать, что либо интервьюер его не слушает, либо хочет обмануть. В любом случае респондент будет очень настороженно воспринимать оставшиеся вопросы.

Повторно задавать вопрос уместно на новом этапе интервью, в панельном исследовании. В этом случае увеличение числа ответов может быть следствием возросшего доверия респондента к проводимому исследованию. Однако необходимо напомнить, что высокая повторяемость ответов на различных этапах панельного исследования не обязательно свидетельствует об их достоверности. Ответы на вопросы, вызывающие высокий уровень опасений, могут быть устойчивыми, но содержать преувеличения или преуменьшения.

Из главы 11. С самого начала и до конца

[Вопросник появляется после целого ряда обязательных процедур]

Мы хотим напомнить исследователям, которые торопятся или, возможно, ограничены в сроках, что вопросник – это конечный продукт ряда процедур, которые необходимо выполнить для достижения высокого качества. Пропуск даже некоторых из них неминуемо скажется на результате. Можно перефразировать известную мысль: «Быстро напишешь – долго будешь сожалеть».

Ниже перечисляются шаги, необходимые при проектировании вопросника. Некоторые читатели могут удивиться тому, что после написания первого варианта вопросника начинается работа, превышающая по объему уже выполненную. Как в гольфе, попадание в лунку – лишь начало в достижении цели.

[Последовательность действий при проектировании вопросника]

Решите, какая вам требуется информация.

1. Проведите в архивах научный поиск существующих вопросов и шкал по интересующей теме.
2. Напишите первый вариант новых вопросов и/или переделайте существующие.

3. Выберите последовательность вопросов.
 4. Выберите формат вопросника.
 5. Разметьте строки и выполните процедуру предварительного кодирования.
 6. Оцените первый вариант вопросника путем коллективного обсуждения или индивидуально.
 7. Отредактируйте черновой вариант вопросника и протестируйте его на себе, друзьях, родственниках или сотрудниках.
 8. Подготовьте простые инструкции для интервьюера, чтобы провести пилотаж. Откорректируйте вопросник, если возникают какие-либо проблемы при написании инструкций или при подготовке интервьюеров.
 9. Проведите пилотажное тестирование на небольшой выборке респондентов (от двадцати до пятидесяти), подобной той, на которой будет проводиться исследование.
 10. Получите комментарии интервьюеров и респондентов в письменном виде или расшифровку интервью, в которое включены уточняющие вопросы.
 11. Исключите вопросы, по которым нельзя дифференцировать респондентов или получить необходимую информацию.
 12. Измените формулировки вопросов, которые вызывают затруднения.
 13. Повторно проведите пилотажное исследование.
 14. Подготовьте окончательные инструкции для интервьюеров, если предложенные ранее вызывают какие-либо проблемы.
 15. При обучении интервьюера и на начальных этапах проведения интервью будьте готовы к появлению новых проблем; в особо серьезных случаях интервьюирование может быть приостановлено до написания новых инструкций.
 16. После завершения интервью проанализируйте формы, представленные интервьюером, и его устное описание хода интервью, а также замечания персонала, обрабатывающего данные. Это необходимо для определения каких-либо шероховатостей, их устранения и качественного анализа данных.
- Используйте опыт, приобретенный при проектировании вопросника, для планирования последующих исследований. ■

Авторы номера...

Карнозова Людмила
Кандидат
психологических наук,
ведущий научный
сотрудник Института
государства и права
РАН

Светлана Климова
Кандидат
философских наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Ведущий
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Иван Климов
Кандидат
социологических наук.
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН

Георгий Любарский
Кандидат
биологических
наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Анатолий Черняков
Ведущий специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Александр Ослов
Кандидат технических
наук.
Президент Фонда
“Общественное мнение”.
Профессор Высшей
школы экономики

Рогозин Дмитрий
Кандидат
социологических наук,
декан факультета
социологии МВШСЭН,
старший научный
сотрудник Института
социологии РАН

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН